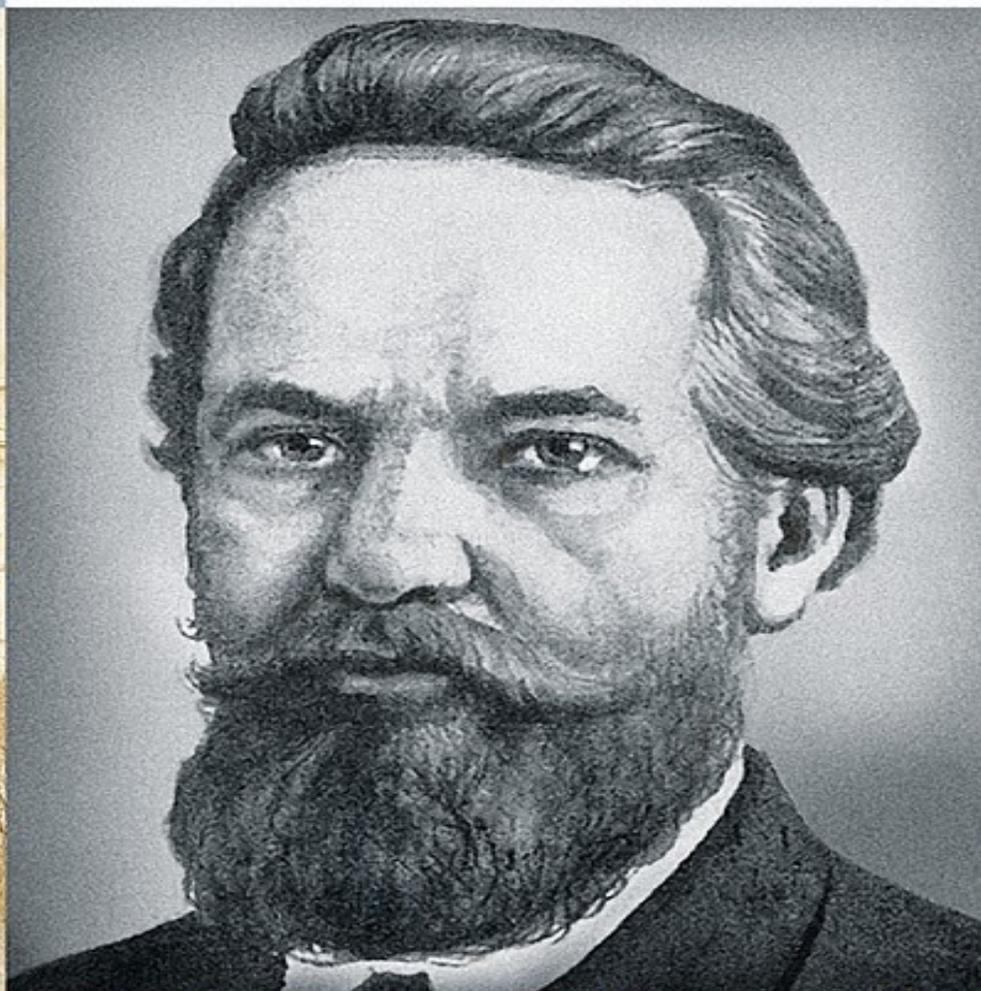
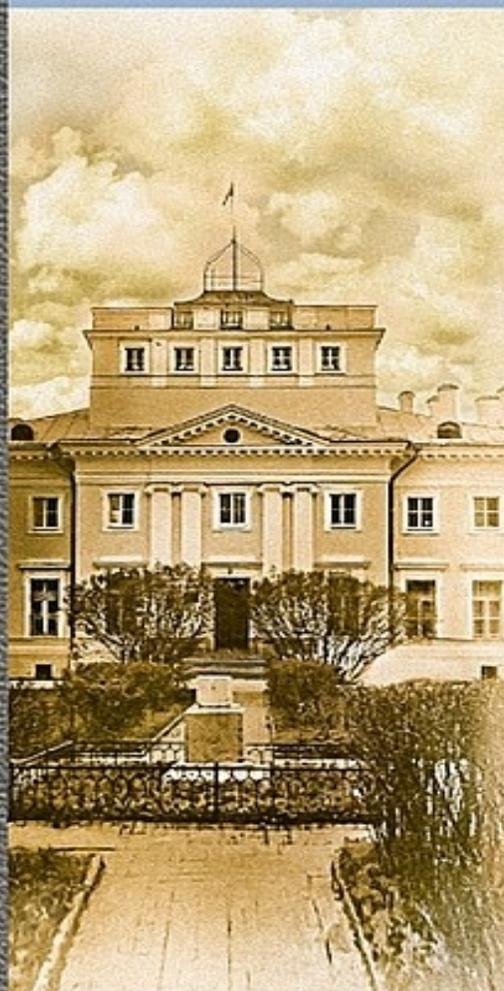

КАЩЕНКО

Анна
Ветлугина
Дмитрий
Максименко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Петр Петрович Кащенко (1858–1920) прославился как руководитель нескольких психиатрических больниц — в Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге и Москве. Последняя из них, самая известная, сегодня уже не носит имя Кащенко, но оно прочно вошло в массовое сознание и даже в фольклор, став символом «карательной психиатрии». Это в высшей степени несправедливо: ведь Петр Петрович всю жизнь боролся за гуманное отношение к пациентам, за их возвращение к нормальной жизни при помощи не только лекарств, но и общения, физического труда, а также музыки — второй после медицины любви доктора Кащенко. О его непростой жизни, о том вкладе, который он внес в теорию и практику лечения душевнобольных, рассказывает книга исследователей Анны Ветлугиной и Дмитрия Максименко.

- [Анна Ветлугина, Дмитрий Максименко](#)
 -
 -
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Глава первая. Мятельный дух](#)
 - [Глава вторая. Корабль дураков](#)
 - [Глава третья. Первые шаги](#)
 - [Глава четвертая. Земля и воля](#)
 - [Глава пятая. Балалайку в руки возьму...](#)
 - [Глава шестая. Третья столица, Бехтерев и поиск себя](#)
 - [Глава седьмая. Ветер перемен](#)
 - [Глава восьмая. Желтый городок](#)
 - [Глава девятая. О пище духовной, научной и просто здоровой](#)
 - [Глава десятая. Путь в столицу](#)
 - [Глава одиннадцатая. Основатель легендарной «Кащенко»](#)
 - [Глава двенадцатая. Долгая жизнь Канатчиковой дачи](#)
 - [Глава тринадцатая. Сиворицы: от первого камня до золотой медали](#)
 - [Глава четырнадцатая. Братья-психиатры](#)
 - [Глава пятнадцатая. Дядя Петя](#)
 - [Глава шестнадцатая. В пламени революций](#)

- [Глава семнадцатая. Психиатр всего на свете](#)
- [Заключение](#)
- [Основные даты жизни и деятельности П. П. Кащенко](#)
- [Краткая библиография. Основные труды П. П. Кащенко](#)
- [Литература](#)
- [Над книгой работали](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)

- [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2095

(1895)

**Анна Ветлугина, Дмитрий Максименко
Кащенко**

Москва

Молодая гвардия

2021

П. Кащенко.

© Ветлугина А. М., Максименко Д. М., 2021

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление,
2021

*

Предисловие

«Ну это уж совсем Кащенко!» — говорят, встречаясь в жизни с чьим-то явно неадекватным поведением. Обычная фамилия волею судеб стала синонимом слова «психбольница». Сегодня она звучит достаточно нейтрально, но при советской власти, особенно во второй половине XX века словосочетание «упекут в Кащенко» представляло ощутимую угрозу — тогда в психушках не только лечили, но и боролись с инакомыслием. А если даже речь шла о лечении, все равно за нарицательной фамилией Кащенко стояло много страшного. Прежде всего, превращение человека в «овощ», а также подавление его воли всеми возможными способами, начиная со смиренных рубашек и заточения в мрачные палаты с зарешеченными окнами и заканчивая лошадиными дозами транквилизаторов, электрошоков и кульминацией насилия над личностью — лоботомией, описанной в знаменитом романе Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки».

К слову сказать, в СССР лоботомией больше пугали друг друга в кухонных разговорах, чем применяли в реальности. Еще в 1950 году от нее официально рекомендовали воздержаться, как от «метода, противоречащего основным принципам хирургического лечения И. П. Павлова». Но и без лоботомии фамилия Кащенко долгое время вызывала ассоциации скорее с насилием и позорным клеймом, чем с медицинской помощью. В самом конце XX века миф о Кащенко породил причудливое явление под названием «кащенизм». Так назывался стиль сетевого троллинга, возникший на заре соцсетей и явно имеющий в анамнезе советское диссидентство. Он отличался нарочито провокационными высказываниями, порой откровенно психопатическими, порой черноюмористическими или агрессивно-мещанскими. Все это проходило в рамках того же образа «Кащенко» — главной «дурки» огромного постсоветского пространства.

При этом про самого носителя фамилии очень мало знают. Даже его имя-отчество — Петр Петрович — абсолютно не на слуху. Кащенко — и всё. Звучит похоже на Кащея, что наверняка тоже сыграло некоторую роль в формировании ассоциативного ряда. В свете всего вышесказанного главный психиатр молодой Советской республики (Кащенко умер в 1920 году) представляется таким «комиссаром в пыльном шлеме», героем-основателем карательной психиатрии.

Некий героизм в его личности несомненно присутствует. Кащенко, как и многие русские интеллигенты его времени, занимался революционной деятельностью, что само по себе связано с большим риском. Свой революционный порыв он в полной мере распространял и на психиатрию. Он яростно боролся, но не с психическими больными, а с общественным мнением, которое в то время предполагало очень жестокое и несправедливое отношение к таким людям. На них в XIX веке смотрели практически как на животных, причем довольно опасных, а потому нуждающихся в надежных клетках.

Кащенко же искренне сочувствовал своим больным. Больше того, он считал, что многие психические болезни можно если не излечить, то хотя бы облегчить их течение, если не угнетать больных, а, наоборот, сделать их жизнь полноценной и гармоничной. «Врач должен смотреть на смирительную рубашку как на страшилище, а на себя, если применяет ее, как на палача» — так любил повторять человек, ассоциирующийся у нескольких поколений как раз с этой страшной рубашкой.

Под его руководством на базе Нижегородской больницы возникла так называемая «колония Ляхово», где страдающие психическими заболеваниями работали в теплицах и небольших ремесленных мастерских. Сразу вспоминается трудотерапия, перевозносимая в СССР, — но Кащенко вовсе не считал ее панацеей, а всего лишь одним из методов лечения и социализации больных. Были и другие методы: его стараниями для пациентов психиатрической больницы устраивались театральные постановки, литературные салоны. Больные собирались на дружеские чаепития за большим столом, а сотрудники больницы развлекали их игрой на балалайках и других музыкальных инструментах. Причем руководил этим стихийным оркестром и писал для него аранжировки все тот же Кащенко!

Да, главный советский психиатр не только любил музыку, но и сам был музыкантом, причем достаточно талантливым. После него даже осталось небольшое композиторское наследие. А как же научные труды по профессии? Они тоже имеются, но немного не в том виде, какого можно ожидать у такой известной личности. Петр Петрович написал, пожалуй, гораздо больше отчетов, статистических документов и практических соображений, чем собственно научных трудов по психиатрии. Конечно же, у него имеются статьи по основной профессии, но самая объемная из его работ скорее напоминает кулинарную книгу, чем исследование психических отклонений. Ее развернутое название говорит само за себя: «Здоровый стол: Руководство к приготовлению кушаний и диететики при

здоровом и болезном состояниях. С описанием пищевых средств, их происхождения, состава, признаков, доброкачественности, способов подделки и кратким очерком физиологии питания».

После перечисления этих фактов прославленный психиатр Кащенко может показаться чуть ли не шарлатаном — тем более в сочетании со своей карьерой революционера. Ведь известно, что после 1917 года руководящие посты практически во всех областях заняли большевики и сочувствующие им. В поддержку этой версии можно вспомнить и переименование в 1994 году самого знаменитого заведения, связанного с Кащенко, — Московской психиатрической клинической больницы № 1. Тогда даже появилась шутка: «Знаешь, какая у Кащенко фамилия на самом деле? Алексеев!» Больницу действительно нарекли именем ее основателя, городского головы Н. А. Алексеева, который вложил в нее свою жизнь в буквальном смысле. Градоначальник стал жертвой душевнобольного, проникшего к нему в кабинет с револьвером, завернутым в бумагу. Мучительно умирая от ранения в живот, Алексеев нашел в себе силы не только простить своего убийцу, но и завещать 300 тысяч рублей на содержание будущей психбольницы.

Кащенко «разжаловали» в рамках декоммунизации и в числе многих политических деятелей советской эпохи, хотя отношение к Московской больнице он имел вовсе не политическое. Он три года занимал в ней пост главного врача, причем задолго до революции, с 1904 по 1907 год. И все это время старался облегчить жизнь как пациентов, так и врачей, претворяя в жизнь принцип «нестеснения» и налаживая свою любимую музыкальную самодеятельность.

Все вышесказанное делает образ нашего героя довольно положительным, даже симпатичным, но вот ощущения высокого профессионального уровня от этих фактов не возникает. Главный советский психиатр предстает таким «народным академиком» от сохи, лечившим психические заболевания здоровой пищей и балалаечными оркестрами. Может быть, даже попавшим в психиатрию случайно. Так ли это?

Конечно же нет. Петр Петрович получил фундаментальное образование в своей профессии. Среди его учителей иногда называют ученого, основоположника рефлексологии В. М. Бехтерева, родоначальника династии, к которой принадлежит наша популярная современница, нейрофизиолог Наталия Бехтерева. Это как раз миф, вызванный лишь тем, что Бехтерев преподавал в Казани, где наш герой получил медицинский диплом. Но учился Кащенко все равно у выдающихся русских психиатров.

Выбор им специализации тоже выглядит очень осознанным. Он, как уже говорилось, имел ярко выраженные гуманистические убеждения, а из всех возможных пациентов именно душевнобольные в то время представляли собой самую бесправную и ущемленную категорию. Тема душевных болезней волновала не только нашего героя, но и его близких. Родной брат Петра Петровича Всеволод остался в истории психиатрии как выдающийся дефектолог, организовавший одну из первых в России школ-интернатов для детей с интеллектуальной недостаточностью и трудностями поведения.

Братья-психиатры происходили из медицинской семьи. Их отец, выпускник Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, служил военным врачом. Он рано умер, и нашему герою, как старшему сыну, пришлось с 16 лет заботиться о младших, которых вместе с ним у родителей было семеро. Семья Кащенко была вполне интеллигентной и притом весьма религиозной. Сам Петр Петрович был знаком со многими деятелями культуры, встречался с И. С. Тургеневым и А. М. Горьким. А его мать, Александра Павловна Черникова, вырастив детей, ушла в монастырь и приняла постриг в святом городе Иерусалиме.

Так что не получается из советского психиатра Кащенко ни садиста, размахивающего смирительной рубашкой, ни прожженного партийного функционера, ни полуграмотного шута от медицины. Да и советского-то психиатра не получается. Он ведь умер почти сразу после революции, и вся его жизнь, богатая достижениями, прошла в царской России.

А что тогда получается? То, что мы, даже задумываясь о личности Кащенко, видим не его, а некий туманный миф, созданный уже после его смерти по мотивам его революционной деятельности. Этот миф прославил Петра Петровича, но также и навредил ему в посткоммунистическую эпоху. И, как часто бывает, за мифом теряется реальная фигура, ставшая его прообразом. В этой книге мы попытаемся проследить путь настоящего доктора Кащенко в контексте истории психиатрии, а также исторической ситуации последних десятилетий существования Российской империи.

Глава первая. Мятежный дух

Каждый человек индивидуален и многогранен. Это — целый мир, причем порой кардинально меняющийся в течение жизни. Биография личности сама по себе похожа на роман или киносценарий с бэкграундом, параллельными сюжетными линиями и своей неповторимой системой образов и символов. И как любой сценарий, ее можно выразить с помощью логлайна — так в современной киноиндустрии называют максимально короткий пересказ длинного и развернутого сюжета. По мнению крупных американских продюсеров, в хорошем логлайне должно быть не более 25 слов, но зато каких! После прочтения этого крошечного абзаца в голове читателя должно остаться четкое понимание того, «о чем история».

Если попытаться создать логлайн жизни и характера Петра Кащенко, то получится примерно так: студент-медик, отчисленный из университета за непроявление официальной скорби по убиенному государю, уходит в учителя пения. Параллельно помогает революционерам. Ему удается продолжить образование; став профессиональным психиатром, он посвящает жизнь борьбе за права умалишенных и пытается улучшить их жизнь, в том числе с помощью музыки.

Музыка и революция — немного странное сочетание для выдающегося врача. Куда привычнее видеть служителя медицины скрупулезным исследователем, самоотверженным борцом или хотя бы неисправимым циником, но никак не бунтарем-революционером, пишущим партитуры для балалаечных оркестров.

Можно, конечно, просто сказать: «Вот такой он был нестандартный». Но многие необычные и на первый взгляд необъяснимые модели поведения логично вытекают из каких-то обстоятельств жизни человека или из традиций его семьи. Если бы историку задали вопрос: какое сословие в царской России отличалось повышенным свободолобием, а также имело собственные богатые музыкальные традиции, ответ был бы быстрым и однозначным. Конечно же, казачество. До сих пор на слуху словосочетание «казачья вольница», а песни казаков составляют важнейшую часть русского музыкального фольклора. К тому же казаки традиционно позиционировали себя защитниками справедливости. Все это полностью совпадает с событиями жизни и менталитетом Кащенко. Разумеется, не случайно: он имел к казачеству самое прямое отношение. Его отец Петр Федорович был потомственным казаком, а наш герой вырос в одной из самых «казачьих»

областей Российской империи, на Кубани, а точнее — в городе Ейске. Там он провел детство, впитывая демократические взгляды отца и окружающий дух вольности. А еще с раннего детства пел и играл на народных музыкальных инструментах.

Семья достаточно сильно влияет на формирование личности человека, но немаловажно и окружение, то, что раньше школьные учителя называли «улицей». И эта кубанская «улица», воспитавшая Кащенко, конечно же, сильно отличалась от аналогичного социального пространства Москвы, Санкт-Петербурга и других российских городов и сел, где казаки никогда не жили.

Казачество — явление по-своему уникальное. Это не этнос, не сословие (хотя такое наименование тоже встречается), не религиозная община. Даже сами казаки все 500 лет своей истории отвечали на этот вопрос по-разному — в зависимости от политической обстановки. Дискуссия об идентификации казачества обостряется каждый раз, когда в его истории случается очередной перелом. Ученые-этнологи определяют казаков как специфическую этносоциальную общность, сформировавшуюся в рамках особого служилого сословия. Само слово «казак» произошло от тюркского корня, обозначающего свободного, вольного человека. Эта версия в настоящее время считается основной, хотя не единственной. К общему мнению в этом вопросе исследователи так и не пришли. По версии некоторых лингвистов «казак» — переосмысленный вариант латинского слова *casa* (дом, хижина, лачуга) или его французского аналога *case*. Интересно, что вопрос казачьего этногенеза интересовал ученых уже с XVII века. Например, польский историк и поэт Иероним Веспасиан Коховский считал, что казаками (или козаками) именовались «люди, которые верхом на лошадях были быстры и легки, как козы». Есть еще версия, что «казак» — это два старомонгольских слова, «ко» — «броня» и «закх» — «рубеж».

Спорят и о том, когда этот термин перешел в другие языки и стал обозначением определенного сообщества. Первое упоминание «казак» в значении «стражник» встречается в словаре одного из половецких наречий начала XIV века. Единственный сохранившийся список этого письменного памятника хранится в библиотеке собора Святого Марка в Венеции. При этом сами казаки, скорее всего, появились значительно раньше. Возможно, именно их встретил в 1253 году на Дону посол французского короля Людовика IX Гийом де Рубрук, который направлялся к монголам с дипломатической миссией. В его сочинении «Путешествие в восточные страны» есть такие строки: «Итак, мы с великим трудом странствовали от

становища к становищу, так что не за много дней до праздника блаженной Марии Магдалины достигли большой реки Танаида^[1], которая отделяет Азию от Европы, как река Египта Азию от Африки. В том месте, где мы пристали, Бату и Сартах^[2] приказали устроить на восточном берегу поселок (*casale*) русских, которые перевозят на лодках послов и купцов». Далее средневековый дипломат описывает непокорный нрав жителей этого поселка, привыкших жить по своим понятиям.

Некие «вольные» люди, обитающие неподалеку от крупных рек Южной Руси, были известны достаточно давно. Но первое упоминание о них в русскоязычных источниках относится к XVI веку. В грамоте, датированной 1550 годом, ногайский князь Юсуф пишет Ивану Грозному: «Холопи твои, некто Сарыазман словет, на Дону в трех и в четырех местах города поделали, да наших послов и людей наших, которые ходят к тебе и назад, стерегут, да забирают, иных до смерти бьют... Этого же году люди наши, исторговав в Руси, назад шли, и на Воронеже твои люди — Сарыазманом зовут — разбойник твой пришел и взял их». Явно тюркское имя предводителя казаков, означающее, по одной из версий, «рыжий удалец», показывает, что среди казаков изначально были представители разных народов и вер, объединенные тягой к вольной жизни.

На вопрос, откуда появились казаки, у науки есть только догадки, причем две основные теории дают на этот счет противоположные ответы. Согласно первой, казаки — потомки людей, веками бежавших на южные и восточные окраины России из центральных областей, и присоединившихся к ним инородцев, от калмыков до поляков и немцев. Другая теория, которую не разделяют большинство академических историков, возводит казаков к коренному населению степей Южной Руси. Сторонники этой теории предками казаков называли кавказцев (черкесов), тюрков-половцев, скифов, а также смешанные этнические группы. Адольф Гитлер даже писал, что казаки происходят от германского племени — остготов.

Современные историки объясняют, что в вопросе происхождения казаков произошла лингвистическая и историческая путаница. Когда в конце XIV века Золотая Орда была разгромлена Тамерланом и распалась на несколько ханств, многие тюркские роды перешли к бродячему образу жизни; такие «бродяги», жившие грабежом и наемничеством, и назывались у тюрков казаками. На Руси их именовали «татаровя ордынские казаки». Потом это название «бродяг» было заимствовано соседними народами. Согласно Николаю Карамзину, в 1444 году в Рязани столкнулись татарские мечерские казаки царевича Мустафы с русскими рязанскими казаками

(это, возможно, первое упоминание «неордынских» казаков на Руси). Для властей Московского княжества разница между «ордынскими» и «русскими» казаками сначала была небольшой: и те и другие могли быть как союзниками Москвы, так и ее врагами. У «русских» было лишь одно преимущество — они были православными.

В XXI веке была предпринята попытка проверить теории историков об этнических корнях казаков новыми методами. Представители новой науки — геногеографии — в 2016 году исследовали популяции потомков донских и запорожских казаков. Выяснилось, что генофонд казачества (по Y-хромосоме, то есть «мужской линии») очень похож на генофонд русских, украинцев и белорусов. Он сложился в основном за счет миграции из южных и центральных областей России, делают вывод исследователи. Обнаружено лишь небольшое влияние тюрков-ногайцев, а с «коренными» народами Северного Кавказа — теми же адыгами (черкесами) — совпадений почти нет. К генотипам кавказских народов оказалась близка только небольшая часть генотипов терских казаков, столетиями живших на Кавказе.

Но все же принадлежность к казачеству определяется не по этническому принципу. Скорее, это ментальная общность, не до конца поддающаяся рациональному объяснению. Вероятно, здесь имеет место многовековой отбор, когда люди определенного характера уходили от жизни размеренной и подконтрольной на вольные хлеба, подальше от любого начальства. Потом у них появлялись дети, которые с рождения воспитывались в традициях вольницы; от поколения к поколению чувство свободы укреплялось, становясь своего рода идентификационным кодом казака. Это ни в коем случае не означало вседозволенности — казачество держалось на строгих кодексах чести и верности. Достаточно вспомнить основные сюжетные перипетии хрестоматийного романа Михаила Шолохова «Тихий Дон». Одним из первых фактов биографии Аксиньи автор делает ее изнасилование в семнадцать лет пятидесятилетним отцом. Расправа была мгновенной: старший брат «ударил окованным барком старика в переносицу. Вдвоем с матерью били его часа полтора». При этом никогда дела семейные не становились общественным достоянием — «людям сказали, что пьяный упал с арбы и убился». Порочная связь Григория Мелехова с замужней Аксиньей была несовместима с репутацией честного хозяина дома и отца Григория Пантелея Мелехова, чья ответная реакция не заставила себя ждать: «Женить сукиного сына!.. Женю!.. Завтра же поеду сватать! Дожил, что сыном в глаза смеются!»

К тому же свобода нуждается в защите от посягательств, и казаки

всегда оставались в первую очередь воинами. При этом они никогда не выглядели агрессивными, их гостеприимство могло бы поспорить с кавказским, которое они переняли у своих южных соседей. Также в казачьих станицах царил культ родителей и просто старших, а к женщине относились с особым уважением, правда, требуя от нее безупречной нравственности.

Самоопределению казаков сильно помогали внешние условия, а именно — поддержка государства, которое строило отношения с казаками по принципу военно-ленной системы. Если говорить попросту, государство давало казачьим семьям землю за бессрочную воинскую службу. Эти войсковые земли постепенно превращались в станицы, объединявшие сразу несколько казачьих сел. Само слово «станция» пришло из воинской лексики, оно обозначало остановку войска в пути для отдыха, временного пребывания, бивак или лагерь.

Но не только материальные ценности объединяли казаков. Важнейшим и непреложным пунктом самоидентификации казака была религия. Казачья община пополнялась не только с рождением детей — в нее вливались пришедшие со стороны, например, беглые крестьяне. Не всегда пришельцы являлись славянами, это могли быть и представители соседних тюркских народов, но от всех требовалось полное и безоговорочное принятие православия. Таким образом, некоторой этнической пестроте противостоял монолит духовности, объединяющей людей и дающей им смысл существования. Ради этого высшего смысла совершались подвиги, а удивительная сплоченность и взаимовыручка превращали общину в настоящее братство.

Все это вместе напоминает, хотя и с некоторыми поправками, западноевропейское рыцарство в его романтическом образе. У Гоголя в повести «Тарас Бульба» есть место, где он открыто проводит эту параллель: «Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосеи, овцепасы, баболюбы! полно вам за плугом ходить, да пачкать в земле свои желтые чеботы, да подбираться к жинкам и губить силу рыцарскую!»

Поэтому неудивительно, что казаки так привлекали мастеров русской словесности. В нашей литературе казачеству посвящено немало ярких страниц. Об этом уникальном сообществе писали Пушкин, Лермонтов, Толстой, Гоголь, многие другие выдающиеся писатели. Часто, начиная описывать внешнюю яркость казачества, литераторы увлекались и начинали исследовать эту тему с научной точки зрения, как, например, Пушкин, намеревавшийся посвятить донским казакам научную работу. Знаменитое Лукоморье с дубом зеленым поэт увидел в своем воображении,

путешествуя по берегам Дона.

Яркая самобытная культура казаков интересна не только русским или русскоязычным. Казачье хоровое пение востребовано у европейской публики уже не первое столетие. А уже упомянутый Михаил Шолохов получил Нобелевскую премию по литературе «За художественную силу и цельность эпоса о донском казачестве в переломное для России время».

Один из самых красивых и впечатляющих текстов о зарождении казацкого менталитета в Запорожье создан Николаем Васильевичем Гоголем в уже упоминавшейся повести «Тарас Бульба»: «...когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем объялся древле мирный славянский дух и завелось козачество — широкая, разгульная замашка русской природы, — и когда все поречья, перевозы, прибрежные пологие и удобные места усеялись козаками, которым и счету никто не ведал, и смелые товарищи их были вправе отвечать султану, пожелавшему знать о числе их: „Кто их знает! у нас их раскидано по всему степу: что байрак, то козак“ (что маленький пригорок, там уж и козак). Это было, точно, необыкновенное явление русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед. <...> В случае войны и общего движенья в восемь дней, не больше, всякий являлся на коне, во всем своем вооружении, получа один только червонец платы от короля, — и в две недели набиралось такое войско, какого бы не в силах были набрать никакие рекрутские наборы. Кончился поход — воин уходил в луга и пашни, на днепровские перевозы, ловил рыбу, торговал, варил пиво и был вольный козак. Современные иноземцы дивились тогда справедливо необыкновенным способностям его. Не было ремесла, которого бы не знал козак: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу и, в прибавку к тому, гулять напропалую, пить и бражничать, как только может один русский, — все это было ему по плечу».

Лев Николаевич Толстой рисует портрет казачества без романтической восторженности, в его рассказе «Казачи» ярко и точно отображены характерные бытовые штрихи из жизни терских казаков: «Этот христианский народец, закинутый в уголок земли, окруженный полудикими магометанскими племенами и солдатами, считает себя на высокой степени развития и признает человеком только одного казака; на

все же остальное смотрит с презрением. Казак большую часть времени проводит на кордонах, в походах, на охоте или рыбной ловле. Он почти никогда не работает дома. Пребывание его в станице есть исключение из правила — праздник, и тогда он гуляет. Вино у казаков у всех свое, и пьянство есть не столько общая всем склонность, сколько обряд, неисполнение которого сочлось бы за отступничество. На женщину казак смотрит как на орудие своего благосостояния; девке только позволяет гулять, бабу же заставляет с молодости и до глубокой старости работать для себя и смотрит на женщину с восточным требованием покорности и труда. Вследствие такого взгляда женщина, усиленно развиваясь и физически и нравственно, хотя и покоряясь наружно, получает, как вообще на Востоке, без сравнения большее, чем на Западе, влияние и вес в домашнем быту».

Кубанское казачество, к которому принадлежало семейство Кащенко, выделилось в самостоятельную ветвь несколько позднее. Его официальная история начинается с 1792 года, после того как 30 июня (или 11 июля по новому стилю) казаки-черноморцы получили от Екатерины II жалованную грамоту на владение Таманью и частью кубанских земель. Этот документ не являлся наградой за воинскую службу, а был ответом на прошение казаков и в большой степени вынужденным решением императрицы.

Здесь мы вплотную подходим к весьма логичному объяснению мятежного характера нашего героя и его, мягко говоря, прохладного отношения к царскому правительству. Дело в том, что при всех взаимных выгодах отношения казачества с государством вовсе нельзя назвать безоблачными. Это вполне объяснимо. Слишком самостоятельные образования, да еще и на отдаленных территориях, всегда вызывают беспокойство правителей. Это своего рода спящий вулкан, готовый извергнуться в любой момент, что время от времени и случалось.

Один из крупных эксцессов произошел как раз в правление Екатерины II. После многочисленных побед над турками Россия получила выход к Черному морю. Стало спокойнее и на западе: Речь Посполитая утратила свое влияние. Огромное войско казаков Запорожья, которое долгое время давало отпор врагам на границах, стало практически ненужным. Конечно же, это нарушило многолетнее равновесие, казаки занялись погромами и грабежами (в частности, нападали на сербских поселенцев) и начали представлять проблему для правительства. Когда же они поддержали Пугачевское восстание, императрица приказала разрушить Запорожскую Сечь. После этого около пятисот казаков бежали в устье Дуная и создали там Задунайскую Сечь под протекторатом турецкого султана. Османская

империя, неожиданно получив в свое распоряжение такие значимые силы, снова начала грозить России войной, и процесс ликвидации запорожского казачества срочно приостановили. Григорий Потемкин сформировал из его остатков «Войско верных запорожцев» численностью 600 человек.

Войны с Турцией в итоге избежать не удалось, она длилась пять лет (1787–1792) и для многих людей оказалась по сути гражданской — ведь с обеих сторон бились казаки, причем из одной и той же местности. Победа досталась России, и после заключения мира верных ей запорожцев решили наградить землями, полученными в результате этой войны, после чего переименовали их в Черноморское казачье войско. Запорожцы посчитали милости правительства недостаточными, и в 1792 году их войсковой судья Антон Головатый поехал к Екатерине II с прошением о предоставлении казакам новых земель в районе Тамани и ее окрестностей. Переговоры шли непросто, Головатому сказали, что «земли много требуете», но войсковой судья оказался талантливым дипломатом и хорошим психологом. Зная любовь Екатерины к просвещению, он на аудиенции говорил с императрицей на латыни и сумел очаровать ее. А потом и убедить во всеобщей пользе такого решения.

В итоге императрица пожаловала черноморским казакам земли на Кубани «в вечное и потомственное владение», и уже через год они начали переселение, открыв новую страницу истории казачества. Вот только писалась она не с чистого листа: дело в том, что на Кубани уже проживало большое количество казаков, бежавших туда после предыдущего крупного конфликта с правительством. Речь идет о Булавинском восстании донских казаков, произошедшем при Петре I (1707–1708). Спусковым крючком тогда стала царская облава на беглых крестьян, издавна привыкших искать убежище на Дону. Это было прямым нарушением устоев — веками люди почитали за истину то, что «с Дона выдачи нет».

Мятеж вспыхнул, как сухое поле в жару. Под началом Кондратия Булавина собралось до 20 тысяч повстанцев. Против них выслали два полка из Москвы, 400 воронежских драгун от гетмана Мазепы и еще украинское войско «со всею бригадою слободских казаков из Ахтырского и Сумского полков». Восстание жестоко подавили, сам Булавин погиб (по другой версии — совершил самоубийство), но большая часть мятежников с новым лидером Игнатом Некрасовым успела бежать на Кубань, принадлежащую в то время крымским ханам. Некрасов стал родоначальником особой ветви казачества, называемой «некрасовцами» или «игнат-казаками». Также их называли «черные игнаты» за кафтаны черного цвета.

Заручившись поддержкой крымского хана, Некрасов создал

государство в государстве, своего рода казачью республику, для которой он лично разработал свод законов, так называемые «Заветы Игната», которые сильно отличались от законов и обычаев, бытовавших в Российской империи. Начнем с того, что Некрасов требовал придерживаться старой веры, не признавая ни никонианского, ни греческого духовенства. Старообрядческие священники тоже не являлись для него авторитетом: он предписывал им во всем подчиняться Кругу — высшему органу казачьего самоуправления. Неподчинение каралось обвинением в ереси и изгнанием. При этом религия имела для некрасовцев колоссальное значение. За богохульство в любых проявлениях полагалась смертная казнь, но только по отношению к дееспособным людям — безумных за это никак не наказывали. Некрасовцы уже тогда, в XVIII веке, боролись с домашним насилием, защищая права женщин. Если муж обижал жену, Круг его наказывал, порой очень жестоко. За насилие могли запороть насмерть. По женской жалобе священника могли принудить развести пару, но если сама женщина изменила мужу, ее закапывали в землю заживо. За мужскую супружескую неверность полагалось 100 плетей, что тоже почти всегда оканчивалось смертью.

Важным пунктом «Заветов» было негативное отношение к царской власти, но не к России: «Царизму не покоряться. При царях в Россию не возвращаться». И в то же время — «на войне с Расеей в своих не стрелять, а палить через головы. Против крови не ходить». И очень важное для всех казаков: «Стоять за малых людей».

Бежав на Кубань, «черные игнаты» поначалу осели в ее средней части. Сейчас на месте их первого поселения находится станица Некрасовская. Позднее большинство из них вместе с Игнатом Некрасовым переселилось на Таманский полуостров. Там «игнат-казаки» основали три небольших городка — Блудиловский, Голубинский и Чирянский, отсюда они совершали набеги на приграничные русские земли. После смерти Некрасова в 1737 году поведение их стало более мирным, и царствующая в тот момент Анна Иоанновна предложила им вернуться на родину. Получив отказ, она направила на Кубань войска, и некрасовцы начали спешно переселяться в турецкие владения.

Считается, что последние кубанские «игнат-казаки» ушли в турецкую Бессарабию в 1791 году после взятия Анапы русским отрядом генерала И. В. Гудовича, но память о них сохранялась в тех краях еще очень долго, как и о их строгих законах, передаваемых из уст в уста. Скорее всего, ушли тогда не все, выросшие в этой традиции, ведь из общины время от времени изгоняли кого-нибудь. Да и на переезд в Турцию тоже, возможно, решились

не все, а кто-то тихо остался жить на прежнем месте, не афишируя свои взгляды.

Так или иначе, жесткие, даже жестокие, но основанные на достоинстве и уважении правила «черных игнатов» были хорошо известны в южных краях и из-за сходства менталитета вряд ли вызывали отторжение у остальных казаков — за исключением, конечно, сотрудничества с турками. Во многих пунктах разные ветви казачества сходятся, особенно в любви к той самой «вольнице», ради которой люди когда-то бежали на берега Дона.

И, конечно же, человек, выросший в казацкой среде, будет всю жизнь нести на себе ее отпечаток и мерить происходящее по понятиям, заложенным в детстве. Именно по этой причине студент медицинского факультета Петр Кащенко отказался проявлять скорбь по убиенному государю и скидываться вместе с другими студентами на траурный венок, хотя понимал последствия своего поступка. Неудивительна и его тяга к музыке — в казачьих селениях ею занимались охотно, можно сказать, даже страстно. Иначе бы в суровых «Заветах Игната» не появилось такого запрещающего пункта: «В посты песен мирских не петь. Можно лишь старины». Из одной этой строчки можно сделать вывод, что пели казаки практически всегда.

Глава вторая. Корабль дураков

Уже говорилось, что Кащенко пришлось немало потрудиться, чтобы заставить тогдашнее общество относиться к пациентам психбольниц гуманно и хотя бы с элементарным уважением. Неудивительно, ведь очень нелегко разрушать стереотипы и бороться с предрассудками, существующими не одно столетие. Но отношение к душевнобольным далеко не всегда и не везде было негативным. Оно менялось со сменой эпох, и это очень показательно. Ведь именно то, как воспринимает общество отклонение от нормы и что оно считает собственно нормой, лучше всего выражает философскую парадигму самого общества.

Сегодня, когда в открытом доступе находится огромное количество информации, можно проследить, как относились к сумасшедшим в разные эпохи и в разных странах. Конечно, первобытные времена не оставили нам источников на эту тему. Но зато антропологи наблюдают аналогичные ситуации у современных племен, живущих на первобытной ступени развития, таких как некоторые народы Океании. Там сумасшествие вызывает определенное уважение, что очень логично. Наша реальность ограничена законами физики и других наук. Тем из нас, кто имеет религиозное мировоззрение, доступна вера в чудо как в экстраординарную возможность нарушения этих законов. А теперь представим мир племенной общины, живущей на острове и имеющей о цивилизации смутное представление. Таких общин осталось крайне мало, но они все же существуют. Есть даже термин, обозначающий их статус: неконтактные народы. К ним относятся сентинельцы, проживающие на Северном Сентинельском острове Андаманского архипелага в Индии, племя тьит во вьетнамской провинции Куангбинь, случайно обнаруженное американцами в период вьетнамской войны, около 44 племен, населяющих территорию Новой Гвинеи, некоторые племенные группы индейского народа айорео, проживающего в Парагвае, и ряд других. Ученые спорят о их дальнейшей судьбе: стоит ли продолжать попытки интегрировать их в цивилизационный процесс? Или наш долг уважать их право на свой путь и оставить в покое?

Совсем недавно «первобытных» племен было гораздо больше, но в процессе общения с исследователями они вошли в контакт с цивилизацией и для многих это закончилось печально. Например, племя джарава с Андаманских островов, чей жизненный уклад стал в 1990-х туристической

достопримечательностью, вымерло почти полностью. Туристы принесли джарава не только заработок, но и болезни, против которых у этого народа не было иммунитета, а также наркоманию и прочие «блага» цивилизации. Некоторым утешением здесь может служить, что, открыв затерянный мир первобытных народов, антропологи получили возможность перенестись на десятки, а возможно, и сотни тысяч лет назад и наблюдать человеческое общество на заре существования. В том числе понять отношение к сумасшедшим в доисторическую эпоху.

Древних людей окружала одушевленная неизвестность. Каждое явление природы имело свой сложный характер, каждое значимое событие объяснялось сверхъестественными причинами. В рамках такого мировоззрения обычная бытовая жизнь являлась лишь верхушкой айсберга по сравнению с невидимым и непостижимым миром духов. Психические больные с их галлюцинациями и несуществующими собеседниками автоматически становились жителями сразу двух миров. Никому не приходило в голову считать их ущербными — наоборот, их болезнь воспринималась как великий дар.

Где-то на грани привычной нам психической нормы находится и культ шаманов у коренных народов Севера. Обычному клиническому психиатру будет непросто найти различия между шаманской одаренностью и психическим заболеванием. По словам религиоведа Мирчи Элиаде, «безумие будущих шаманов, их психический хаос означает, что данный профанный человек идет по пути исчезновения и что новая личность вот-вот родится». Ученый ссылается на представления якутов, согласно которым будущий шаман еще в юности «становится неистовым». Это выражается в обмороках, припадках, видениях. Подросток может, например, надолго уйти в лес или наносить себе удары ножом. Обычные родители в такой ситуации бьют тревогу, а якуты, придерживающиеся традиционных верований, трактуют происходящее как ритуальную смерть, важную инициацию, предшествующую перерождению.

Подобное отношение к психическим отклонениям вообще очень характерно для первобытных культур. Русский психиатр Юрий Каннабих в своей работе «История психиатрии» пишет: «Надо думать, доисторическое население земного шара обращалось со своими душевнобольными приблизительно так же, как современные жители тропической Океании или сибирских тундр: агрессивные и опасные больные считались одержимыми злым духом, безобидные и тихие — почитались иногда любимцами богов; первых гнали и порой избивали, за вторыми ухаживали».

С развитием цивилизации отношение к психическим заболеваниям

менялось. Упоминания о сумасшедших есть в текстах древнеегипетской медицины — правда, этому недугу не посвящено ни одной книги, ни одного раздела. Не существовало для подобных случаев и специального врача. Душевнобольной считался в глазах египетского общества человеком, заслуживающим сожаления, сродни слепому или карлику. Для психических болезней невозможно было найти естественную причину, оставалось считать, что произошло вмешательство богов или демонов. Поэтому душевнобольного обозначали как «человека в руке бога». Сама эта характеристика показывает, что здесь требуются не медицинские тексты, а религия с ее возможностями молитвы или магия с ее заклинаниями. В медицинских текстах встречаются необъяснимые явления, в которых речь идет о том, что «нечто вступило извне». При этом слово «извне» обозначает области за пределами нашего ощущаемого мира. По мнению египтян, сердце является вместилищем рассудка и настроения, поэтому поведение человека является следствием поведения сердца. Некоторые болезни имеют собственные имена, например «погружение», в котором предполагают эпилепсию. Вне медицинских текстов описываются случаи старческого безумия, припадки душевного расстройства и приступы потери сознания. Египетской литературе известны также пограничные случаи болезненной ностальгии, ревности и любовного страдания.

Понятия психической нормы и ненормальности впервые появляются в Античности. Безумие становится не бонусом и не отличительным знаком проводника между мирами, а карой, посланной богами, или просто результатом слепой неотвратимости рока. В древнегреческой мифологии и в произведениях античных драматургов полно сюжетов, когда герои совершают в помутнении рассудка разрушительные действия. Причем с ума сходят как простые люди, так и герои и даже боги. Но чаще боги провоцируют людское сумасшествие из чувства мести или из пристрастия к интригам. Несомненный лидер в области лишения смертных разума — богиня Гера. По ее приказу богиня Ата набрасывает повязку безумия на глаза Гераклу и он убивает собственных детей. По ее же злой воле Афамант путает своего сына с оленем и охотится на него.

Безумие в античных текстах, как правило, приводит к трагическим последствиям. Характерен пример героя Аякса: помутившись рассудком (опять же по замыслу богини, на этот раз — Афины), он принимает овец Одиссея за своих обидчиков. Обезумевший герой подвергает животных смерти и жестоким мучениям, а потом приходит в себя и совершает самоубийство, будучи не в силах принять случившееся.

С расцветом философии в Греции тема безумия начала занимать

мыслителей. Античные философы пытались найти причины психических отклонений и дать этому явлению теоретическое обоснование. В поисках истины их пути разделились. Стоики считали душевные болезни результатом отклонения от божественного Логоса, к которому тянется разум. А если так, то интеллектуальная лень и потакание страстям провоцируют сумасшествие. Душевнобольные в их понимании становились невеждами, к тому же не желающими обуздывать свои страсти. Стоикам казалось, что если человек однажды смог познать разумный порядок, то это знание остается с ним на всю жизнь. Стоит отметить, что стоицизм, учивший ответственности, порядку и нравственности, был очень популярен в Греции. И, конечно, отношение философов этой школы к психическим отклонениям большинство греков разделяли.

Но в Древней Греции существовало и другое мнение, выраженное фигурой слишком крупной, чтобы его не учитывать. Речь идет о Платоне. Интересно, что психические функции Платон помещает в голову, но делает это не по научным, а по чисто метафизическим соображениям: шар, говорит он, — наиболее совершенная из всех геометрических фигур, и поэтому ясно, почему боги, «подражая форме вселенной, которая кругла, заключили два божественных кругообращения (души) в шарообразное тело — в то самое, которое мы теперь называем головою и которое, представляя в нас божественнейшую часть, господствует над всеми остальными частями»^[3]. В этом вопросе великий ученик Платона делает странным образом шаг назад по сравнению со своим учителем: Аристотель низводит мозг до степени железы, на которую возложена функция охлаждать не в меру разгоряченную кровь; всю психическую жизнь он переносит в сердце. О нервной системе Аристотель имел так же мало понятия, как и врачигиппократики (возможно, что и Платон, помещая душу в голову, не имел в виду мозг, а представлял себе дело как-нибудь иначе).

Великий философ дал безумцам шанс, разделив состояние «неистовства» на два вида. Одно является болезнью и проклятием, другое — посылается богами в качестве благословения. Платон задумывался об этом явлении достаточно глубоко и даже разделил «хорошее» безумие на целых четыре разновидности, которые упоминаются в одном из платоновских диалогов «Федр». Каждый из типов «божественного отклонения от того, что обычно принято» имеет своих покровителей в греческом пантеоне божеств. Пророческому экстазу покровительствует Аполлон, экстазу мистерий и ритуалов — Дионис, творческому вдохновению — музы, а любовному исступлению — Афродита и Эрот.

Как бы то ни было, именно во времена Древней Греции стали появляться попытки рационального объяснения психических отклонений. И если раньше поведение душевнобольных людей истолковывали только в религиозно-мистическом ключе (агрессивные — «одержимые злым духом», тихие — «божьи избранники»), то в античных рукописях встречаются первые психиатрические термины: меланхолия, мания, паранойя, эпилепсия. Позднее, по мере изучения анатомии, мозг был определен как центральный орган нервной системы, хотя процесс познания человеческой психики шел непросто. Например, великий Гален считал, что психическая деятельность осуществляется в головном мозге, сердце и печени. Причем мозг — это средоточие всего процесса мышления, сердце — орган, в котором зарождается и бушует гнев, обитает мужество и решительность, а в печени гнездятся добрые и недобрые порывы.

Несмотря на заблуждения, медики продолжали искать ответы на сложные вопросы телесного и душевного устройства человека, в том числе — его психики. Александрийская врачебная наука одной из главных своих задач считала познание нервной системы. Как знать, может быть, в Александрии и родилась поговорка «все болезни от нервов»?

В какой-то степени Платон со своим благословенным «неистовством» и «хорошим» безумием стал одним из духовных отцов романтиков XIX века. Но от его эпохи до возникновения романтизма прошло больше двух тысяч лет. За это время философские концепции и мировоззрения, конечно же, много раз менялись. В средневековой Европе безумие приобрело двойственный смысл. Одной из важнейших средневековых метафор стал Корабль дураков; известны картина Иеронима Босха под таким названием и сатира Себастьяна Бранта, появившаяся немного ранее. Корабль дураков существовал и в реальности, хотя в несколько модифицированном виде. Это был способ избавления от сумасшедших в прибрежных городах. Горожане просили капитана взять бедняг на борт, с тем чтобы высадить потом в каком-нибудь другом городе.

Образ Корабля дураков удивительно многослоен и противоречив. С одной стороны, статус сумасшедшего передается плаванием как символом нестабильности и пограничного положения. В европейской традиции море вообще часто символизирует хаос. С другой стороны, в христианстве вода несет в себе очищающее начало. Воды Крещения омывают душу человека от греха. В христианской традиции с кораблем также принято ассоциировать церковь в качестве ветхозаветного ковчега спасения. Тем не менее на одной из средневековых гравюр показана цель Корабля дураков. Это райское Древо добра и зла, что показывает безумцев грешниками,

которые тянутся к запретному знанию. В какие-то моменты средневековой истории «сумасшедший» корабль мог выступать как предвестие апокалипсиса.

В средние века перед Великим постом иногда устраивали «праздник дураков», прообраз современного Первого апреля, с шутовскими процессиями и пародированием церковных обрядов. Здесь тоже все выглядело достаточно противоречиво. С одной стороны, люди отражали образ обезумевшего, одержимого грехами человечества, которое движется куда-то, не зная цели. С другой — они получали свободу, невозможную ни в каких других обстоятельствах. Свободу, при которой можно было выразить свои мысли, не опасаясь за последствия, ибо что взять с дурака?

Анализируя «дурацкую» тему в средневековой культуре, философ Мишель Фуко отмечает: «Если глупость ввергает каждого в какое-то ослепление, когда человек теряет самого себя, то дурак, напротив, возвращает его к правде о себе самом; в комедии, где все обманывают и водят за нос сами себя, он являет собой комедию в квадрате, обманутый обман; на своем дурацком, якобы бессмысленном языке он ведет разумные речи...»

С приходом в Европу христианства в возникновении душевных болезней стали винить дьявола. Происходило это еще и потому, что медицина вступила в союз с церковью, ведь духовенство было единственным образованным сословием, к тому же обладавшим значительными материальными средствами. Начиная приблизительно с III века все припадочные, эпилептики, истерики, страдающие хореей подвергались так называемому экзорцизму — специальному обряду, призванному изгнать бесов. Это практиковалось в монастырях, образовалась даже особая категория специалистов этого рода, к которым привозили больных. При крайней разреженности населения тогдашней Европы единичный случай душевной болезни в той или иной местности не представлял еще таких проблем, как в последующие времена в крупных городах со строго регламентированной жизнью. В деревнях и поселках с отдельными больными неплохо справлялись: буйных связывали и запирали в чулане, со спокойными совершали паломничество в какую-нибудь обитель, если повезет — оставляли их там на лечение. Вообще, расхожее мнение о том, что в средние века помешательство лечили только пытками и казнями, мало соответствует действительности. Европейцы того времени считали более целесообразным изгонять беса, чем наказывать его подневольную жертву. Да и костры ведьм, ассоциирующиеся со средневековьем, запылали позже, уже в эпоху Возрождения.

Несмотря на явный мистический уклон, врачебное искусство в средневековой Европе изучали охотно. Некоторые монашеские ордены даже вменяли это в обязанность братии. Отрывки из Гиппократ и Галена тщательно переписывались и повсеместно расходились в многочисленных копиях. К IX веку достигла значительного развития и светская медицина. Например, в Каире, по сообщениям Леклерка, в 834 году была открыта больница с отделением для душевнобольных. Эмир, истративший на ее постройку и управление 60 тысяч динаров, «сам приезжал каждую пятницу ревизовать врачей, смотреть кладовые, расспрашивать больных и перестал ездить лишь после того, как один умалишенный бросил в него яблоком, которое, по просьбе того, он сам подарил ему». Одним из первых очагов медицинской науки, откуда пошло ее распространение по всей Европе, стала знаменитая Салернская школа недалеко от Неаполя. Легенда приписывает ее основание греку Понтусу, арабу Аддалаху, еврейскому рабби Елиносу и, наконец, некоему безымянному магистру Салернскому — интернациональной группе, составленной как раз из тех четырех наций, которые заботливо сохранили для потомства медицинские познания классиков.

Есть основание думать, что в Салерно привозили и душевнобольных. Вероятно, они находили пристанище в бенедиктинском монастыре VII века, а может, в каком-либо из приютов-больниц, находившихся в ведении иоаннитов или «братьев Креста». По свидетельству историков, в это известное место приезжали люди, которые не могли «забыть умерших друзей». Их определяли как меланхоликов, в качестве лечебной меры им предлагалось «съесть нафаршированное целебными травами свиное сердце». Хорошо усвоив наследие Гиппократ и Галена, Салернская школа деятельно разрабатывала учение о темпераментах. Врачом, особенно охотно посвящавшим свои силы лечению психозов, был Константин Африканский (1010–1087). Ему принадлежит трактат «О меланхолии» — старательная компиляция из римских и арабских источников. Впрочем, его определение меланхолии не лишено меткости: это такое состояние души, когда человек твердо верит в наступление одних только неблагоприятных для него событий. Причиной болезни Константин Африканский объявляет пары черной желчи, которые якобы поднимаются к мозгу больного. Вследствие этого сознание затемняется и есть даже риск, что оно совсем погаснет.

Постепенно по образцу Салернской школы во Франции открываются университеты в Монпелье и Париже, а в Англии — высшие школы Оксфорда и Кембриджа. Однако серьезных открытий в медицине все эти

заведения дать человечеству не смогли. Что и понятно: научная работа в эпоху Средневековья, как правило, сводилась к компиляциям и комментариям. Основным постулатом оставалось следование давно известной истине, а не поиски нового.

Такая позиция, конечно же, не удовлетворяла настоящих ученых, но не в меру самостоятельные исследования, отступавшие от традиции церкви, навлекали на себя преследования. В то же время даже самые самостоятельные исследователи все равно оставались людьми средневековья, а значит — жили под знаком теологии и метафизики. Соответственно, не могла продвинуться вперед психиатрия, объяснявшая влиянием дьявола практические любые отклонения психики. Значительный шаг вперед сделал падуанский профессор Микеле Савонарола (1386–1466), дед будущего пламенного проповедника.

Савонарола рассказывает, что в его время душевнобольных секли розгами до кровавых рубцов с целью «дать диверсию материальной причине мании», кололи иглами, шипами, покрывали все тело горчичниками, чтобы уничтожить застой мысли, вызванный меланхолией. Такой «отвлекающий метод» встречает со стороны Савонаролы решительное осуждение. Боль ожесточает больного, доводит его до бешенства и, говорит он, «надо думать, что большинство случаев так называемой волчьей ярости являются искусственным продуктом жестокого обращения». Савонарола рекомендует осторожные кровопускания, банки к ногам, рвотные, слабительные и особенно теплые ванны. Он говорит, что прежде всего необходимо вернуть больному сон; для этого хорошо поселить его в прохладной местности около реки и раскачивать на висячей койке на манер колыбели. Свою книгу «Великая практика» он писал, чтобы отвлечь врачей от диалектических пререканий на углах улиц и площадей и дать им в руки реальные факты.

Юридические документы времен позднего средневековья могут много рассказать об отношении к душевнобольным. На фоне роста городов и увеличения городского населения ближайшим родственникам человека с расстройством психики вменялось в обязанность сохранять безопасность и покой остальных граждан, то есть попросту держать больного взаперти. При наличии достаточных средств душевнобольного можно было поместить в другую семью. Уже упоминавшийся Юрий Каннабих, один из пионеров русского психоанализа, пишет, что в 1425 году некая горожанка регулярно получала в магистрате причитающуюся ей сумму за содержание совершенно посторонней ей душевнобольной женщины. А в 1427 году приехавший во Франкфурт поверенный в делах маркграфа

Бранденбургского внезапно лишился рассудка, и тогда его принципал договорился с городом о помещении больного в отдельную квартиру и о поиске сторожей. В случае, если родственники не могли сладить со своим больным, его помещали в тюрьму либо в подвал городской ратуши. Были и особые камеры, находившиеся внутри массивных городских стен, так называемые «Tollenkisten» («ящики для буйнопомешанных») или «башни дураков». Здесь больные содержались большей частью на городские средства. Сквозь решетки миниатюрных окон в кирпичной стене они протягивали руки за милостыней и гостинцами, приносимыми по праздникам сердобольными бюргерами Нюрнберга, Брауншвейга, Франкфурта, Гамбурга, а праздные зеваки и мальчишки дразнили их.

Крестовые походы принесли в Европу среди прочего пандемию лепры (проказы), для борьбы с которой стали строить лепрозории. Согласно английскому монаху-хронисту Матвею Парижскому (1200–1259), в христианском мире тогда их насчитывалось до 19 тысяч. Постепенно прекращение контактов с восточными странами и изоляция больных лепрой привели к победе над заболеванием, и тогда эти учреждения стали приходить в запустение. Королевская власть пыталась взять под контроль огромные земельные владения и недвижимость, принадлежащие лепрозориям — в них открылись лазареты для неизлечимых больных, колонии преступников, туда же стали изолировать и потерявших рассудок.

История не помнит, где и когда была создана первая психиатрическая больница, однако известны больницы в Западной Европе, в которых существовали койки для душевнобольных, — например Отель-Дье и Сальпетриер в Париже. Позже стали появляться специализированные заведения — Бедлам, Бисетр, Йоркский ретрит, но ничего качественно нового они не принесли. Единственное, для чего служили подобные заведения, как и «башни дураков», — это изоляция сумасшедших. Потому что трудно назвать лечением кровопускания, слабительные, одурманивание наркотиками, обливание холодной водой, приковывание к стенам и регулярные избиения. При этом содержались несчастные в антисанитарных условиях одиночных камер без доступа солнечного света. Они жили впроголодь, без всякой медицинской помощи — при этом в Бедлам пускали посетителей за умеренную плату.

Даже в просвещенном XVIII веке условия содержания больных в психиатрических клиниках оставляли желать лучшего. Современники оставили многочисленные свидетельства того, что люди там содержались в грязи, в оковах, в одиночных камерах, куда почти не проникал свет, либо в переполненных бараках, где царил антисанитария. «Мы запираем этих

несчастных созданий словно преступников в сумасшедшие дома, в эти вымершие тюрьмы за городскими воротами, где в глухих расщелинах поселились совы, и оставляем их там загнивать в собственных нечистотах», — писал немецкий психиатр и физиолог Иоганн Христиан Рейль (1759–1813).

Зачастую главным методом лечения оставалась «дисциплина»: в ходу были практики обездвиживания, телесные наказания, использование ледяного душа, прижигание каленым железом. Школа психиков породила целую «механизованную терапию», которая широко использовалась, в частности, в Германии: маска, не позволявшая кричать, мешок, который надевался на голову, смирительные стулья и кровати, вращательное устройство. Предполагалось, что больной от таких воздействий поймет несостоятельность своих заблуждений, воспитает волю и перестанет буйствовать. К тому же представители этой школы считали, что болезнь в значительной мере является следствием распущенности или моральной неустойчивости, а значит, больной должен понести наказание.

Постепенно эта ужасная картина менялась. Общественно-политические изменения и научный прогресс XVIII века привели к переменам и в больничной психиатрии. В 1793 году главным врачом Бисетра был назначен Филипп Пинель. В результате его реформ тюремный режим с оковами, без света, свежего воздуха и без возможности общения наконец завершился. К больным стали применять более гуманные меры: осторожное привязывание к койке, смирительная рубашка, помещение в изолятор. Основным методом исследования начали считать тщательное наблюдение пациентов.

На волне гуманизма получил развитие новый взгляд на сумасшедших. В 1870-х годах шотландский психиатр Джон Тьюк, считавший принцип *no restraint* («никаких стеснений») полумерой, ввел систему «открытых дверей» (*open door*): почти полное отсутствие решеток и замков, возможность для пациентов свободно входить и выходить из учреждения, отсутствие огороженных дворики. Однако именно в это время пошел откат назад. Начиналась индустриальная эпоха, огромное количество крестьян покинуло свои деревни, превратившись в рабочих на заводах и фабриках. Быстро росли большие города с их напряженным ритмом жизни, многолюдьем, шумом. Постоянный стресс приводил многих горожан к психическим расстройствам, а больницы оказались не готовы проявлять нравственность и человечность по отношению к подобным пациентам. Финансовые ограничения и большая численность больных привели к быстрому преобразованию государственных психиатрических лечебниц

Европы и США в учреждения закрытого типа. В итоге к концу XIX — началу XX века движение за гуманизацию психиатрии пришло в упадок.

Сегодня эта идея опять становится актуальной, но совершенно на новом уровне. Психические отклонения пытаются рассматривать не как ущербность, а как альтернативный вариант интеллектуального состояния. Это находит отражение в языке. Детей, которых раньше называли бы ненормальными, теперь называют «особенными», для них существует множество программ адаптации, в том числе инклюзивное обучение, где «особенные» ученики соседствуют с обычными. Разумеется, такое отношение очень помогает им социализироваться и даже состояться в какой-то профессии. Такое отношение уже стало привычным в Европе и постепенно внедряется в России. Правда, происходит это порой непросто. Слишком много людей подсознательно помнят время СССР, когда «не таких» детей прятали подальше, чтобы они не портили красивую картинку счастливого советского детства. Но в то же время именно в русской культуре есть очень важный и, без сомнения, положительный образ юродивого.

В России к сумасшедшим традиционно относились с сочувствием. Психические нарушения считали неоспоримым результатом божьего наказания, потому и таких больных называли «божегневными». Правда, бывали случаи (чаще всего в деревнях), когда людей с психическими отклонениями начинали обвинять в колдовстве. На них могли возложить вину за любые беды — от болезни ребенка до неурожая. Тогда положение этих несчастных ухудшалось, они легко становились жертвами народного гнева. Например, в 1411 году в Пскове жители сожгли нескольких душевнобольных женщин, найдя в их странном поведении причину массового падежа скота. Но чаще все-таки лишенных разума жалели, называя «божьими людьми». Они находили пропитание и примитивную помощь в монастырях, где на них смотрели скорее как на невольных жертв неких злых сил, нежели как на сеятелей зла.

В описании преподобного Феодосия, относящемся к XI веку, проводится параллель между душевнобольным и пьяным, причем говорится, что «иерей придет к беснующемуся, сотворит молитву и прогонит беса, а если бы над пьяным сошлись попы со всей земли, то не прогнали бы самовольного беса пьянства»^[4]. Кроме так называемых «бесноватых» (эпилептиков, истериков и кататоников) в то время еще отличали лжеюродивых. К этой группе, по всей вероятности, относили некоторые формы душевных заболеваний, носителей которых подозревали в симуляции и злом уклонении от работы, как, например, некоторые

бредовые формы при ясном сознании, формы, болезненная природа которых подвергалась (как это бывает и теперь) сомнениям. Сюда же входило, вероятно, немало людей с истероидными расстройствами, о которых говорится, что «лживые мужики, и женки, и девки, и старые бабы бегают из села в село нагие и босые с распущенными волосами, трясутся, бьются и кричат, беспокоя смирных жителей». Приводя эту цитату, Юрий Каннабих закономерно предполагает, что огромная масса душевнобольных, не находя даже монастырской помощи, бесприютно скиталась по земле Русской, как это было и в Западной Европе, и на Востоке.

Более обеспечена была судьба душевнобольных из привилегированных классов. Они направлялись в монастыри для духовного лечения и вразумления; этот способ призрения душевнобольных, в свое время образовавшийся стихийно, был впоследствии легализован государственными актами. Первый такой акт относится к 1551 году, когда в царствование Ивана Грозного на церковном соборе при составлении нового судебника, названного «Стоглавым», была выработана статья о необходимости попечения о нищих и больных, в числе которых упоминаются и те, «кои одержимы бесом и лишены разума». Государственная помощь им состояла в размещении по монастырям, «чтобы не быть им помехой и пугалом для здоровых», но также и для того, чтобы дать им возможность получить вразумление или «приведение на истину». Интересный документ относится ко времени Михаила Федоровича, который «указал послать Микиту Уварова в Кириллов монастырь под начало для того, что Микита Уваров уме помешался». В указе имеется и наставление о том, как его содержать: во-первых, послан «Микита Уваров провожатым, с сыном боярским Ондроном Исуповым, а велено тому сыну боярскому Микиту Уварова вести скована. И как сын боярский Ондрон Исупов Микиту Уварова в Кириллов монастырь привезет, чтоб у него Микиту Уварова взяли, и велели его держать под крепким началом, и у церковного пения и у келейного правила велели ему быть по вся дни, чтоб его на истину привести, а кормить его велели в трапезе с братнею вместе; а буде Микита Уваров в монастыре учнет дуровать, велели держать в хлебне в работе скована, чтобы Микита Уваров из монастыря не ушел»^[5].

Лечение психических расстройств в России началось несколько позже, чем в Европе, но, пожалуй, здесь можно говорить именно о лечении, а не об обрядовой культуре. Временем зарождения русской психиатрии как явления считают первую половину XVIII века. Самым старым медицинским учреждением подобного профиля называют Колмовскую

больницу: в 1706 году новгородский митрополит Иов построил в Колмовском монастыре под Новгородом дом для подкидышей и инвалидную больницу, где содержались и лица с психическими расстройствами. До этого монастыри от безумных, особенно буйных, отказывались, имели место только единичные случаи вроде описанных выше.

В 1762 году Петр III подписал указ о постройке доллгаузов, от немецкого *toll* (безумный, сумасшедший) и *haus* (дом): «Безумных не в монастыри определять, но построить на то нарочитый дом, как то обыкновенно и в иностранных государствах учреждены доллгаузы, — а впрочем быть по сему». После этого историографом Ф. Мюллером был предложен первый российский проект стационарного психиатрического учреждения. В противоположность монастырской медицине Мюллер отделяет медицинское лечение от религии: «Доктор употребляет всякие средства к их излечению, а прежде, нежели придут в разум, священникам у них дела нет». Проект Мюллера не был реализован, и специальные дома для умалишенных начали создаваться позднее — после 1775 года, когда в ходе губернской реформы были учреждены приказы общественного призрения при губернских управлениях, занимавшиеся открытием отделений для лиц с психическими расстройствами при больницах и строительством специализированных «желтых домов».

В 1776 году был открыт первый на территории Российской империи специальный доллгауз «для пользования сумасшедших» в Риге. Вскоре было создано психиатрическое отделение при Екатерининской больнице в Москве, а в 1779 году — Санкт-Петербургский доллгауз (в дальнейшем Обуховская больница). К 1810 году в Российской империи было открыто уже 14 специализированных учреждений. Доллгаузы представляли собой места содержания душевнобольных, а не медицинские учреждения. До середины 1870-х годов они находились в ведении Приказа общественного призрения и управлялись чиновниками без медицинского образования. В них часто применялись меры стеснения — медицинского персонала всегда не хватало, поэтому эти меры считались неизбежными. Известный психиатр Сергей Корсаков, придя после окончания университета в Преображенскую больницу для душевнобольных в Москве, услышал от работавшего там старого и уважаемого врача: «В университете ведь вас мало учили психиатрии, вы даже, вероятно, не знаете, как связывать»^[6], — и первым его уроком был урок связывания. Однако дома умалишенных, какими бы ужасными ни были в них условия содержания, давали кров и пищу, и бедные крестьяне часто помещали туда своих родственников на

время, чтобы пережить бесхлебицу.

Уже тогда психиатры задумывались об облегчении участи своих пациентов. В 1828 году московский врач Василий Саблер снял с больных цепи, ввел в обиход в больницах огородные и рукодельные работы, книги, музыкальные инструменты. Одновременно он ввел в обычай «скорбные листы»: истории болезни, рецептурные книги, ординатуру. Особый резонанс получила деятельность Корсакова на посту главного врача Преображенской больницы — он пропагандировал «пять систем»: морального влияния, нестеснения, открытых дверей, рабочего режима, постельного режима. Следование принципам гуманизма давалось врачам не так уж легко, порой за них приходилось бороться — вести трудные переговоры с властями, привлекать на свою сторону общественное мнение.

Во второй половине XIX века ситуация в России с душевнобольными изменилась, причем одновременно и в лучшую, и в худшую сторону. Началась мощная индустриализация. Вкупе с отменой крепостного права она дала крестьянам новые возможности и в то же время нарушила вековой уклад и создала стресс, что, конечно же, не могло не сказаться на психическом здоровье населения. Масса людей устремила в города. Там, в условиях скученности, сумасшедшие уже не казались безобидным явлением, даже при отсутствии у них агрессии. Поэтому обращались с ними жестко, а чтобы оправдать такое отношение, объявляли их ущербными. В то же время у врачей появились новые возможности. В результате либеральных реформ 1860–1870-х годов были созданы органы местного самоуправления — земства, которые имели право требовать удовлетворения нужд населения в своих регионах. Заметная часть этих требований касалась медицинской помощи, в том числе для душевнобольных. Правительство пошло навстречу, и в провинции начали строить новые психиатрические больницы, а многие старые расширились. И опять-таки это благое начинание проявлялось по-разному. С одной стороны, многие нуждающиеся получили необходимое лечение. С другой — желание охватить всех душевнобольных не всегда хорошо сказывалось на качестве этого лечения. К тому же везде остро не хватало соответствующих врачей, особенно — специалистов высокой квалификации.

Именно в такое сложное для пациентов время начал свою профессиональную деятельность доктор Кащенко.

Глава третья. Первые шаги

Наш герой родился 28 декабря 1858 года (9 января 1859 года по новому стилю) в городе Тамбове, но прожил там совсем недолго. Вскоре после его рождения начались переезды с места на место в связи с работой отца, который был врачом. Немного пожили во Владимире, затем в Пензе. Потом глава семьи Петр Федорович принял решение переселиться на Кубань, поближе к месту казачьей службы своего дяди Якова, имевшего на племянника большое влияние. Именно Яков Кащенко посоветовал Петру Федоровичу после Санкт-Петербургской семинарии не продолжать духовную карьеру, а поступать в Медико-хирургическую академию Санкт-Петербурга, что тот и сделал. Получив образование, Петр Кащенко-старший женился на дочери коллежского асессора Александре Павловне Черниковой, после чего начались переезды. В итоге в 1863 году семья Кащенко с двумя детьми — пятилетним Петром и двухлетней Марией — осела в Ейске. Этот город стал малой родиной для нашего героя, там он окончил гимназию, проявил музыкальное дарование, стал взрослым. Там родились его остальные братья и сестры — Александра (1863), Ольга (1866), Борис (1867), Всеволод (1870), Сергей (1871) и Владимир (1873).

«С Ейска начинается Кубань» — так говорят о своем городе ейчане. Это самый северный город Краснодарского края, на его месте когда-то кочевые племена ногайцев охотно ставили свои шатры. Позже место облюбовали крымские ханы, у последнего из них, Шахин-Гирея, там располагалась резиденция, называемая в народе Ханский городок. Когда войска Екатерины II заняли Крым, Шахин-Гирей отрекся от престола и переехал жить в Калугу, а потом — в Османскую империю, где вскоре был убит. Ханский городок опустел, но ненадолго. После войны с Наполеоном здесь появились летние дома военачальников и других известных и влиятельных людей. Но красивый, безукоризненно ровный треугольник земли у основания Ейской косы между Таганрогским заливом и Ейским лиманом Азовского моря явно годился для большего.

Идея создать у основания Ейской косы новый порт носилась в воздухе, а облек ее в слова в 1847 году атаман Черноморского казачьего войска Григорий Рашпиль. Инициативу поддержал наместник Кавказа и новороссийский генерал-губернатор Михаил Семенович Воронцов, и 6 марта 1848 года все закончилось императорским указом следующего содержания: «В целях преподать жителям Ставропольской губернии и

войска Черноморского новые средства к успешному и выгодному сбыту за границу произведений из сельского хозяйства и тем самым способствовать развитию всех отраслей промышленности в этом крае, на Азовском море, у так называемой Ейской косы, открыть порт и учредить город, который именовать портовый город Ейск».

Город построили довольно быстро, причем в отличие от многих более старых городов, возникающих стихийно, строился он по единому плану. Поэтому ейские кварталы — чаще всего пересекающиеся под прямым углом улицы. Жители появились очень быстро, в основном это оказались ремесленники. Переезжали из Ставропольской и Екатеринославской губерний те, кто страдал от тесноты и бедности. Приезжали из иных мест, просто стремясь к морю. Но ехали с охотой и купцы — ведь новый город замышлялся как порт, весьма выгодный для торговли.

Князь Воронцов, крестный отец Ейска, продолжал руководить городским благоустройством. Уже через год после официального основания построили почту и церковь, через два — возвели долгожданную пристань. В Ейске насчитывалось уже 22 улицы и открылось первое учебное заведение — мужское двухлетнее училище, когда началась Крымская война. За три года новый город достаточно пострадал: его неоднократно атаковали англичане, а сил на защиту не хватало, их выделяли на более стратегически важные населенные пункты. Между тем Ейск смог послужить отечеству, став одним из фронтовых госпитальных центров. Для раненых тогда заняли целых 14 жилых домов и четыре складских помещения.

После войны Ейск продолжал развиваться. В 1860-х, к моменту переезда семьи Кащенко, порт уже всю работу, придавая городской жизни смысл и насыщенность. Внешне новый город тоже стал выглядеть довольно солидно из-за гранита, которым облицовывали дома и мостили дороги. Привозили этот благородный камень из разных стран, порой даже далеких: из Греции, Италии, Турции и Франции. Выбор его был обусловлен не художественным вкусом архитекторов, а торговой ситуацией. Дело в том, что иностранцы в то время охотно покупали российское зерно и грузовые суда шли в Ейск преимущественно пустыми. Им требовался балласт, а ейскому порту — плата за стоянку и погрузку. В какой-то момент гранит стал в Ейске твердой валютой в прямом и переносном смысле. Сегодня остатки «заморского» камня можно увидеть на пересечении улицы Бердянской и Воронцовского проспекта, возле бывшей мужской гимназии, а еще возле Никольского парка и на улице Карла Маркса.

Есть в Ейске культурный объект, сохранившийся с первых десятилетий

основания города, — это лютеранская кирха. Дело в том, что во второй половине XIX века на Кубани обитало достаточно много немцев, историки насчитали их свыше десяти тысяч, на тот момент около трети населения всего Ейска. В Ейский уезд они начали перебираться перед Крымской войной. В самом городе их проживало немного, но протестантская община оказалась очень активной и добилась постройки молитвенного дома. Что же касается заведений светской культуры, то в Ейске находился купеческий клуб со сценой, на которой время от времени даже ставили оперы, правда, силами гастролирующих трупп. Артисты жаловались на тесноту и бедность реквизита, но приезжали охотно. Всем нравилась ейская публика — благодарная, любящая музыку и понимающая это искусство. Ейск мог похвастаться и своими культурными деятелями. В нем жили и творили украинские поэты Иван Подушка и Василь Мова, казачий историограф Прокопий Короленко.

И опять мы возвращаемся к казачеству, духовному стержню Кубани. Казачье житье в царской России традиционно ассоциируется с военными походами и сельским бытом, но это было далеко не повсеместно. А уж родственники казаков, даже самые близкие, и вовсе могли вести сугубо городской образ жизни. Правда, небольшие города в то время не так сильно отличались от деревень, как сегодня. В то же время в этих небольших городках (как и в деревнях) могли проживать весьма зажиточные люди.

Семья Кащенко к баснословным богачам, конечно, не относилась, но достаток имела выше среднего благодаря отцу. Его статус «военный лекарь» звучит довольно скромно и может ввести в заблуждение, если не вдаваться в подробности. Да, начинал он свою карьеру действительно практически с нуля, не имея ни солидного капитала, ни связей в высокопоставленных кругах. Зато отличался служебным рвением, что и привело его к успеху. От младшего лекаря в драгунском полку великого князя Николая Николаевича через многочисленные военные госпитали (Ораниенбаумский, Перекопский, Екатеринославский) Петр Федорович прошел Крымскую войну. Участвовал он и в покорении Западного Кавказа, в составе русских войск побывал в Румынии.

Как уже говорилось, медициной Петр Федорович занялся внезапно, отказавшись от священнического служения. Совет дяди, казака Якова Кащенко, оказался очень кстати. Как раз в момент поступления отца нашего героя (рубеж 1840–1850-х) Санкт-Петербургская медико-хирургическая академия находилась в периоде своего расцвета. В 1840 году к ней присоединили 2-й военно-сухопутный госпиталь, что дало новые широчайшие возможности для студенческой практики. Через шесть лет

открыли анатомический институт, во главе которого встал известный анатом Венцеслав Леопольдович Грубер.

В 1850-х при президенте Петре Александровиче Дубовицком студентов охотно отправляли на стажировку за границу. Как оказалось, не зря. Из них выросла целая плеяда светил отечественной медицины — создатель учения об организме Сергей Петрович Боткин, физиолог и просветитель Иван Михайлович Сеченов, гистолог Филипп Васильевич Овсянников, основатель Коктебеля окулист Эдуард Андреевич Юнге и многие другие.

Петр Федорович Кащенко выдающимся врачом не стал, но его профессионализм правительство заметило и оценило. В 1873 году отец нашего героя занял должность старшего лекаря 73-го пехотного Крымского полка великого князя Александра Николаевича. К этому времени он успел дослужиться до коллежского советника и гражданского чина шестого класса. По Табели о рангах это соответствовало военному чину полковника. Петр Кащенко-старший имел много наград, в том числе ордена Святой Анны 3-й степени, Станислава 2-й степени, Станислава 3-й степени; был награжден крестом за службу на Кавказе, серебряной медалью за покорение Западного Кавказа и бронзовой медалью «В память Восточной (Крымской) войны 1853–1856 годов».

Такой уважаемый человек, конечно же, имел достойный уровень дохода, получая от правительства 1300 рублей в год. Для сравнения — в 1874 году в Петербурге месячное жалованье прислуги составляло порядка 9–10 рублей с харчевыми деньгами, то есть если работник отказывался столоваться у нанимателя. Если же нет, то на руки давали около шести рублей в месяц. В Ейске, конечно же, платили меньше, чем в столице. Так что городская беднота вполне могла бы назвать Петра Федоровича Кащенко буржуем, только слово это тогда еще не употреблялось — его ввел в обиход писатель Иван Сергеевич Тургенев в своем романе «Новь», изданном в 1877 году. Мы еще вернемся к этой книге и великому русскому писателю.

О детских годах нашего героя не осталось его собственных воспоминаний, но рассказы Петра Петровича о детстве сохранила в памяти его племянница Анна Всеволодовна Кащенко, дочь выдающегося дефектолога Всеволода Кащенко и сама достаточно известный дефектолог. Она прожила удивительно долгую жизнь, скончавшись в 2016 году в возрасте 108 лет и сохранив ясность рассудка до последних дней. По ее словам, детство Пети Кащенко без сомнения можно назвать счастливым. Большой уютный дом, милый городок, окруженный садами и виноградниками. Кругом росли дыни и арбузы, а неподалеку был лиман с

чудесным песчаным пляжем. Как все мальчики из приморских городов, наш герой научился плавать очень рано. Увлекался он и рыбалкой, куда его часто брал отец. Интересно, что с ранних лет ему уже хотелось заботиться о своей семье, быть добытчиком. Летом он собирал с матерью грибы и ягоды и порой устраивал настоящие ежевичные «подвиги», приходя домой исцарапанным, но гордым, с полным лукошком ягод.

Родители не жалели средств на детей. В дом постоянно приглашали учителей по разным предметам, причем образовывали одинаково старательно и сыновей, и дочерей. Обучали языкам — немецкому, французскому, латинскому, арифметике и чистописанию, а также музыке, пению и танцам. Мать, будучи очень религиозной, следила за чтением молитв и знанием Закона Божьего. Неудивительно, что, поступив в гимназию, восьмилетний Петя тут же оказался в числе лучших учеников.

Итак, семья Кащенко процветала. Тем сильнее оказался удар, когда глава ее внезапно умер в возрасте 42 лет. Существует понятие «пенсия по утере кормильца». В России эта форма заботы государства о своих гражданах появилась в XIX веке. История ее начинается с 6 декабря 1827 года, когда император Николай I утвердил устав о пенсиях и единовременных пособиях государственным (военным и гражданским) служащим. В том же уставе царское правительство обозначило и другие виды пенсий — за выслугу лет и по инвалидности (в случае получения увечья). Члены семьи умершего чиновника имели право на пенсию по потере кормильца в случае, если он умер на службе или пребывал в отставке и получал пенсию либо не получал, но имел на нее право. Пенсия никак не зависела от дохода чиновника и до 1870-х была «нераздельной» — то есть сумма выдавалась общая на мать и детей, часто уже довольно взрослых, а делили ее сами, что не способствовало миру в доме. Интересный момент: необходимым условием для получения пенсии являлось хорошее «беспорочное» поведение вдовы и наследников. Лишались пособия «лица, собственными поступками подвергнувшие себя суду и наказанию; вдовы, которые хотя и не были под судом, но, по удостоверению губернаторов, по нетрезвому и развратному своему поведению заслужившие лишение такого пособия; совершеннолетние сироты развратного поведения».

Конечно же, поведение набожной Александры Павловны Кащенко и ее восьмерых детей, воспитанных в вере и строгости, считалось «беспорочным». Но скромная пенсия не могла удовлетворить нужд большой семьи, к тому же привыкшей к высокому уровню жизни. Шестнадцатилетнему Петру пришлось взять на себя заботу о матери и

младших братьях и сестрах. Возможно, именно это печальное обстоятельство явилось для юноши стимулом к самосовершенствованию. Неизвестно, как он проводил время до смерти отца — возможно, не слишком утруждался учебой. Приморский город с его прекрасным климатом и свободными нравами действовал на многих расслабляюще. Политик, глава Кубанской военной рады, позже ставший министром просвещения Кубани, Владимир Васильевич Скидан учился в Ейской гимназии одновременно с нашим героем и оставил неоднозначное воспоминание об этом учебном заведении: «Старшие ученики нашей гимназии мало учились, почти ничего не читали, резвились вечером и ночью на бульваре и в городском саду, по субботам (чаще всего) выпивали (пили водку, „сантуринское“, „донское“), играли в карты и компанией посещали дом с девицами, где нередко встречались со своим преподавателем».

Несмотря на нелестный отзыв Скидана, это учебное заведение имело неплохую репутацию. Среди его выпускников числились такие выдающиеся политики, как генерал-майор П. И. Кукунько, деятель Кубанского белого правительства, эмигрировавший после победы большевиков. Также Ейскую гимназию окончил потомственный казачий офицер К. Л. Бардиж, депутат Государственной думы всех четырех созывов, а впоследствии — комиссар Временного правительства на Кубани.

В биографической работе О. В. Лиманкина и А. Г. Чудиновских, изданной к 150-летию нашего героя^[7], говорится, что «гимназия предназначалась для детей войскового сословия, но при ней были специальные классы, где могли учиться выдержавшие экзамен и имеющие возможность платить за учебу дети граждан, к казакам не принадлежавших. Это было крупное учебное заведение. Костяк преподавательского коллектива (22 учителя) составляли в основном выпускники Харьковского университета. В гимназии обучались 63 коштных воспитанника, 162 вольноприходящих и 22 своекоштных, а кроме того, 48 учеников из Екатеринодара».

Вот таким достаточно солидным предстает учебное заведение, взрастившее нашего героя. А «трудные» ученики встречаются практически в любых школах — чаще всего они харизматичны и активны. Неудивительно, что вокруг них собираются компании подражателей и похождения таких компаний становятся предметом постоянного обсуждения, особенно в маленьком городе, тогда как тихие зубрилы внимания к себе как раз не привлекают.

Наш герой к зубрилам точно не относился, он обладал живым нравом,

который выражался, среди прочего, в ярком музыкальном даровании. С раннего возраста мальчик прекрасно пел и знал множество казачьих песен. Кубанская музыкальная традиция — это прежде всего хоровое пение без инструментального сопровождения. Особое значение казаки придавали военному фольклору: строевым, военно-бытовым и историческим песням, в которых освещались важнейшие походы и подвиги, поэтически осмыслились биографии полководцев и героев. Второй важной ветвью репертуара были духовные песнопения, в которых кубанцы достигли немалой искусности. Есть сведения, что войсковые вокальные коллективы исполняли партитуры Бортнянского и Моцарта. Есаул И. И. Кияшко в книге «Войсковые и музыкантские хоры Кубанского казачьего войска» пишет: «Первое время по переселении на Кубань хлопоты по устройству на новых местах... не давали возможности проявить любовь к музыке, но, устроившись и осмотревшись, запорожцы уже в 1811 г. организуют себе певческий и музыкантский хоры»^[8].

Музыкальные инструменты существовали параллельно, как более легкая, развлекательная часть культуры. Их часто использовали на свадьбах и праздниках. Играли на гармошке (иногда оснащенной специальными колокольчиками), на различных дудочках. Бытовали на Кубани и таламбасы — турецкие литавры. Но чаще на веселых застольях роль ударных играли хозяйственные предметы, от музыки далекие. Например, рубель — приспособление для глажения белья, а также ложки, ваганы (корыта), гребенки для волос. Пожалуй, такая свобода, креативность и даже некоторый юмор по отношению к музыкальному инструментарию свойственны далеко не каждой народной традиции, и это тоже по-своему отражает казацкий менталитет.

Юный Кащенко играл на народных инструментах с детства и делал это с удовольствием, а не из-под палки, как, к сожалению, часто случается с учениками современных музыкальных школ. Всю жизнь для нашего героя занятия музыкой значили не только приятное времяпрепровождение, но еще и дополнительный способ коммуникации с людьми. Музыка была важной частью его жизни, фактически второй профессией, ее он использовал как средство заработка, к ней он прибегал, когда требовалось организовать досуг для пациентов или укрепить командный дух среди врачей. Возможно, именно музыка спасала его в моменты духовных кризисов.

При этом считать его таким весельчаком-двоечником с единственной пятеркой по пению было бы крайне неверно. Учился он хорошо по всем предметам, а особенно любил логику, математику и историю. При этом с

раннего детства часто в свободное время разглядывал анатомические атласы, хранившиеся в отцовском кабинете. Возможно, интерес этот не ограничивался только теорией. Есть сведения, что Петя иногда помогал отцу и в 14 лет уже мог довольно профессионально оказать первую помощь больному, оттого никто не сомневался насчет будущности молодого человека. И выбрал он в итоге медицину, скорее всего, под влиянием отца. Пример Кащенко-старшего действительно вдохновлял. Помимо солидного жалования, врач такого высокого уровня пользовался непререкаемым авторитетом. Петр Федорович успел поработать лекарем и в той самой Ейской войсковой гимназии, где учились его сыновья. Естественно, дети, видя уважение окружающих к отцу, хотели повторить его путь. Как уже говорилось, врачом стал не только Петр, но и его младший брат Всеволод.

Отец успел привить детям интерес к своей профессии, но, к сожалению, смерть помешала ему поддерживать их на дальнейшем пути. Тем ярче видится героизм матери, которая смогла в одиночку воспитать продолжателей врачебной династии. Александра Павловна имела сильный характер. Будучи глубоко верующей, она не скрывалась в молитвах от реальности, а постоянно хлопотала, добиваясь достойной жизни для своих детей. Все они получили хорошее образование, а некоторые даже известность в своей профессии. Например, Всеволод Петрович (1870–1943) вошел в историю как основоположник коррекционной педагогики и дефектологии в России. В 1909 году в московском доходном доме при его личном участии открылась школа-санаторий для детей с нарушениями центральной нервной системы и задержкой в развитии. «Дефективных», как принято было тогда их называть, лечили, обучали и исследовали. Подобное учреждение стало первым не только в России, но и в мире. Другой брат, Борис Петрович, писал серьезные методические труды, по которым работали педагоги младших классов.

Когда наш герой после окончания гимназии в 1876 году поступил на медицинский факультет Киевского университета, мать сразу начала хлопотать о стипендии для него. Средства в итоге выделил не Киев, а Кавказский учебный округ, в то же время они выплачивались и Московским университетом; благодаря этой сложной схеме для Петра открылась возможность перевестись в Москву. Матери удалось добиться успеха, правда, и сын не подкачал — учился он блестяще. Собственно, и подавать властям грамотные прошения он уже умел, несмотря на достаточно юный возраст. В архиве Московского университета есть его письмо ректору от 21 сентября 1876 года следующего содержания: «Честь имею покорнейше просить ваше превосходительство сделать распоряжение

о зачислении меня студентом медицинского факультета Императорского Московского университета. Даю подписку в том, что во все время пребывания моего в университете буду подчиняться правилам университета»^[9].

Время показало, что слова своего Кащенко не сдержал: правила им нарушались неоднократно и серьезно, что привело к неприятным последствиям. Однако осенью 1876 года восемнадцатилетний Петр ехал в Первопрестольную с твердым намерением получить образование. Для этого у него имелось все необходимое. Ему назначили ежемесячную стипендию в размере 25 рублей. На семь из них он тут же снял себе комнату в Леонтьевском переулке, рядом с университетом, прочее оставалось на студенческую жизнь — небогатую, но крайне интересную, особенно после тихого провинциального Ейска. В Москве тогда работало огромное количество заведений общепита на самый разный кошелек, а улицы уже начали заливать асфальтом. Развивалась сеть общественного транспорта, представленная двухэтажными конками, управляемыми форе́йтором.

Москва 1870-х была богата культурными событиями. На это время пришелся расцвет деятельности Товарищества художников-передвижников, на сцене блистали Леонид Собинов и Мария Ермолова, в недавно открывшейся Московской консерватории давались симфонические концерты, в которых звучали произведения современных композиторов, например П. И. Чайковского, чья музыка очень нравилась нашему герою. Несмотря на скромное материальное положение, он все-таки находил возможность ходить на концерты, изыскивая самые дешевые билеты. Казалось бы, Петру Петровичу оставалось только радоваться удачному стечению обстоятельств, приведших его в сердце Российской империи и в один из ее лучших университетов. Но вскоре обстоятельства повернулись иначе.

Глава четвертая. Земля и воля

К моменту поступления нашего героя Московский университет только что отпраздновал свое столетие (1775). Учебное заведение считалось одним из лучших в стране, а его медицинский факультет принадлежал к трем ведущим, созданным самим Ломоносовым. При этом образование врачей вплоть до конца 1860-х оставляло желать лучшего. Ежегодно университет выпускал около ста специалистов, но их уровень подготовки заметно уступал выпускникам медицинских школ Западной Европы. Неудивительно, что глобальные реформы царя-освободителя Александра II коснулись и высшего медицинского образования. В ходе реформ был создан единый отечественный образовательный стандарт для будущих врачей. Он базировался на совершенно новом учебном плане, включавшем три этапа подготовки. Для каждого из них предназначалось три типа клиник — пропедевтические^[10], факультетские и госпитальные. Модель опробовали в Московском университете, после чего распространили на всю страну. Структура, созданная при Александре II, сохраняется в системе отечественного медицинского образования по сей день.

Всегда очень важно, кто именно воплощает в жизнь реформы правительства на местах. Формирование нового лица московской медицины происходило под непосредственным влиянием Григория Антоновича Захарьина, человека выдающегося и удивительно харизматичного. Он был блестящим диагностом и безграничным эксцентриком. При лечении императора Александра III вердикт свой высказывал императрице без всяких придворных реверансов, почти грубо: «Я знаю, что говорю». Далеко не все коллеги соглашались с Захарьиным, однако после смерти императора вскрытие подтвердило его правоту. Захарьин прекрасно читал лекции, правда, их порой освистывали из-за того же чрезмерного эксцентризма лектора.

Москвичи называли его «знаменитый Захарьин», чаще всего имея в виду вовсе не высочайшую врачебную квалификацию, а его многочисленные чудачества, ставшие расхожими анекдотами. Например, приходя к больным, он требовал остановить все часы и даже пытался запрещать петь канарейкам. Мог разгромить кухню, если она казалась ему недостаточно чистой, или вспороть подушки, если пух слежался или наволочка сырая. И все это сходило ему с рук, а коллеги завидовали, ведь от клиентов у чудаковатого профессора не было отбоя. Эндокринолог

Василий Шервинский писал о нем: «Что Григорий Антонович ругался в купеческих домах, так это не диво, так как подчас никакого терпения не доставало, чтобы переносить все те нелепости, которыми была полна домашняя обстановка замоскворецких купцов». Как бы то ни было, именно Захарьин оказался первым из российских профессоров-медиков, кто осознанно включал в сферу профессиональной подготовки вопросы врачебной этики, он учил студентов уважению к своей профессии и самоуважению. Возможно, его странности в какой-то степени были проявлением внутренней свободы, которая позволяла ему оказывать медицинскую помощь так, как он считал нужным, даже самому императору.

Благодаря активности этого «чудака» при Московском университете открылись первые специализированные клиники — нервных болезней; гинекологическая; общей диагностики и терапии; палаты для больных «накожными болезнями», отделение «болезней мочевых и половых органов», а также детская больница. Помимо «знаменитого Захарьина» на медицинском факультете преподавали другие замечательные педагоги — хирурги В. А. Басов, Н. В. Склифосовский и В. Ф. Снегирев, педиатр И. В. Бабухин, патолог А. Б. Фохт, физиолог Ф. П. Шереметьевский.

К сожалению, как раз в области психиатрии, особенно интересовавшей Петра Кащенко, Московский университет отставал от Санкт-Петербургского и даже от Казанского, где уже имелись свои психиатрические клиники. Правда, в материалах о Кащенко часто указывают его прославленного московского учителя Сергея Сергеевича Корсакова. Точнее даже наоборот — в материалах о Корсакове Кащенко называют его учеником. Эта традиция началась с фундаментального труда Ю. В. Каннабиха, но насколько она верна? Согласно новейшему исследованию О. В. Лиманкина и А. Г. Чудиновских, «Петр Петрович и Сергей Сергеевич, действительно, были знакомы, соприкасались по многим профессиональным вопросам и придерживались схожих взглядов, но все это было гораздо позже, когда Кащенко был уже сложившимся психиатром. А что касается студенческого периода его жизни, то нет никаких данных о том, что он в это время общался с С. С. Корсаковым или проявлял какой-либо интерес к психиатрии. Психиатрическая клиника при медицинском факультете Московского университета была открыта лишь в 1887 году, во время первого съезда отечественных психиатров, на котором врач П. П. Кащенко присутствовал в составе делегации от Бурашевской колонии (а приват-доцент С. С. Корсаков стал читать лекции и вести практические занятия по психиатрии еще позже — в 1888 году)».

Получается, в годы московского студенчества наш герой еще только находился в поиске своей специализации. Может быть, именно поэтому он не довольствовался одной учебой и тратил немало энергии на революционную деятельность? Это привело к весьма печальным последствиям — Кащенко отчислили из университета и сослали в Ставропольский уезд Кавказской губернии. Подумать только: с таким трудом добиваться возможности учиться в Москве, да еще и получая стипендию, и потерять все в один момент! А ведь он очень старался — не только блестяще учился, но и давал уроки, а деньги отсылал семье. Но недовольство существующим строем в какой-то момент оказалось сильнее доводов разума.

Москва стала для Кащенко «колыбелью революции», здесь он бросил свой личный вызов власти и пострадал за это, но протестные настроения появились у него не в Первопрестольной, а значительно раньше: он привез их со своей родины. Южнорусские земли были очень привлекательны для революционных идеологов. Кандидат исторических наук Владимир Владимирович Мелехин в своей статье «Региональные особенности распространения народнических идей в Кубанской области и Черноморском округе (60–80-е гг. XIX в.)» пишет: «В глазах идеологов народничества казачество обладало уникальными социальными качествами: „природным“ демократизмом, инициативностью, свободолюбием, а также связанным с ним бунтарским духом и антигосударственными началами, которые сочетались с особым чувством „общей земли“ — Отчизны».

Помимо уже описанного ранее казачьего менталитета, революционерам-народникам импонировало то, что Кубань находилась практически на окраине империи и довольно слабо контролировалась властями. Ничего не мешало пропагандистам внедряться в казачьи общины под видом поденных рабочих. В донесениях жандармов 1860-х годов есть информация об этом: «Отправляются из Ростова то ли в Ейск, то ли в Екатеринодар, Кубанской области и устраиваются там чабанами». Также жандармы сообщают, что местные горцы, продававшие дрова, «не раз возили» запрещенные издания, раскупаемые казаками с «чрезмерною охотою».

Подобную ситуацию подтверждали и сами участники «хождения в народ». По их свидетельствам, «в полицейском отношении времена на Кубани были еще патриархальные; жандармского управления не было; стражники, урядники еще не существовали, а казачье начальство не замечало нас»^[11]. Помимо общей либеральной атмосферы, на Кубани

существовали особые рассадники вольнодумства, среди которых, кстати, выделялась та самая Ейская гимназия, где учился наш герой.

При этом в Москве градус протеста был несомненно выше, что и понятно: там кипела интеллектуальная жизнь, и студенчество являлось самой активной частью этого процесса. Студенты самоорганизовывались, объединяясь в землячества по месту рождения и обучения в гимназиях и семинариях. При этих землячествах возникали кружки самообразования с библиотеками. Понятно, что литература там оказывалась самая разная, в том числе запрещенная. И все это происходило под носом московских жандармов, которые работали куда профессиональнее и жестче своих коллег из провинциального Ейска. Запретить землячества они все же не могли, а студенчество, имея свою организованную структуру, получало возможность быстро собираться на какую-либо демонстрацию. Так, в 1868–1869 годах состоялись масштабные выступления против введения устава 1863 года и проводимых правительством мер по усилению надзора над студентами.

К моменту поступления Кащенко в Московский университет студенческая Москва напоминала пороховую бочку, установленную в курилке, хотя главная причина волнений находилась в Петербурге. Речь идет о «процессе 193-х», судебном деле революционеров-народников, имевшем официальное название «Дело о пропаганде в Империи». Этот долгий и трагический судебный процесс, оборвавший многие молодые жизни, показывает не только тогдашнюю политическую ситуацию в России, но и несовершенство правовой системы тех времен. Начнем по порядку.

Одной из главных примет эпохи Александра II принято считать так называемое «хождение в народ». Расцветом этого явления стал 1874 год, когда тысячи молодых людей пошли по деревням нести истину и свет революционного учения. В советской литературе есть много романтических описаний их деятельности и благодарного отношения к ним со стороны крестьян. Подлинная историческая действительность сильно отличалась от ее советского прочтения. Народники действительно горели желанием помочь, но крестьяне в большинстве своем встречали их порывы весьма холодно и охотно выдавали «ходебщиков в народ» жандармам. Именно благодаря крестьянским доносам количество задержанных оказалось колоссальным — более четырех тысяч человек в 26 губерниях.

Адепты революционного движения объясняли неудачу забитостью и безграмотностью российского крестьянства, которое всю жизнь прозябает в своих деревнях, не видя иной жизни и не имея своего мнения. Вскоре — 3

апреля 1878 года — в Москве произошло столкновение крестьян с революционно настроенными студентами, оно привело к человеческим жертвам и показало, что крестьяне имеют достаточно четкое мнение по данному вопросу. Событие это получило название «охотнорядского побоища».

Что же конкретно произошло 3 апреля? Студенты Московского университета решили провести очередную политическую акцию, конечно же несанкционированную. Они собрались встретиться с цветами, как героев, своих бывших коллег из Киевского университета, а ныне — осужденных по подозрению в покушении на киевского прокурора Котляревского. Узников везли в закрытых каретах с вокзала на Волхонку, где тогда находилась пересыльная тюрьма. Путь проходил через улицу Охотный Ряд, известную своими мясными торговыми рядами и соседством с университетом. Именно там поджидали арестантскую процессию участники акции. Они бросились с цветами к проезжавшим каретам, и в этот самый момент на них напали охотнорядские продавцы, они же рогачевские крестьяне, вооруженные дубинами и крючьями для мясных туш. Били студентов жестоко, некоторых забили насмерть. Народоволец Петр Поливанов оставил воспоминания о том ужасном дне: «Пусть лучше меня повесят, лишь бы так не били»^[12].

В советской историографии официальной стала версия о том, что мясников натравило на студентов царское правительство. В то же время сохранились документы, в которых власть порицает полицию, допустившую это столкновение. В частности, пристав местного полицейского участка Бернев был уволен со службы за «непринятие мер». Какова же истина? Историк Александр Азизович Музафаров в своей книге «По следам исчезнувшей России» пишет: «„Охотнорядское побоище“, как называли его газеты, повергло некоторых представителей либерального лагеря в замешательство. Как же так — размышлял молодой студент, будущий глава партии кадетов и министр иностранных дел Временного правительства Павел Милюков — студенты боролись за народную волю и получили побои от самого народа? Вместе с некоторыми другими студентами он даже написал письмо одному из тогдашних „властителей дум“ — Федору Михайловичу Достоевскому. Последний ответил в том духе, что нельзя бороться за интересы народа, не понимая того, что народ из себя представляет, относясь с презрением к его обычаям, мировоззрению и т. д. И резюмировал — ведь мясником был и Кузьма Минин-Сухорук. Увы, предостережение великого классика осталось непонятым. А ведь он совершенно справедливо указывал, что против так называемого

освободительного движения поднялись не темные массы, а народ, вполне осознающий свои интересы»^[13].

Действительно, рогачевские крестьяне, торгующие мясом на Охотном Ряду, как и многие другие представители крестьянского сословия, вовсе не считали себя угнетенными, они неплохо зарабатывали своим трудом и дорожили сложившимся порядком. Студенты со своими традиционными гулянками и попойками вызывали у них раздражение. А постоянное участие грамотной молодежи в революционной деятельности лепило из студента в народном массовом сознании образ врага. По словам того же А. А. Музафарова, «цели революционной борьбы были совершенно чужды простонародью. Среди него сложилось простое и логичное объяснение — эти бедные барчуки потому пытаются убить царя, что он дал волю крестьянам и много хорошего сделал для России».

Но вернемся к «процессу 193-х». Он очень быстро начал буксовать из-за слишком большого количества задержанных. Оказалось технически невозможным судить несколько тысяч человек одновременно. Сложившаяся ситуация вызывала недовольство у самих царских сановников. Член Государственного совета и будущий идеолог контрреформ Константин Победоносцев писал: «Захватили по невежеству, самовластию, по низкому усердию множество людей совершенно даром».

Количество потенциальных обвиняемых решили сократить, выделив из четырех тысяч 770 человек. Вскоре выяснилось, что такое число тоже слишком велико для одновременного суда. Тогда часть арестованных срочно переквалифицировали в свидетелей, но и это не помогло. Судебная волокита шла три года, за это время в суровых условиях заключения многие обвиняемые потеряли здоровье. 43 человека умерли, 12 покончили с собой, 38 потеряли рассудок. В конечном итоге из всех задержанных выбрали 193 подсудимых, которых обвиняли в создании тайного общества, ставящего целью свержение царя.

Процесс шел совершенно открыто, поскольку правительство планировало показать всему населению, к чему приводят революционные идеи. В высоких кругах жила уверенность в том, что народ в своей массе не пойдет за революционерами, и негативная реакция крестьян на «ходебщиков» поддерживала это заблуждение.

Тем удивительнее выглядит оправдательный приговор Вере Засулич, которая совершила покушение на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, придя к нему на прием и тяжело ранив его двумя выстрелами в живот. Председательствовал на ее процессе известный юрист А. Ф. Кони, который постарался вникнуть в дело. А оно заключалось в том, что за

полгода до покушения в июле 1877 года Трепов отдал приказ о сечении розгами политзаключенного А. С. Боголюбова, хотя еще в 1863 году вышел закон о запрете телесных наказаний. Самовольство градоначальника вызвало бурное возмущение общественности, поступок Засулич сочли справедливой карой и встретили ее освобождение ликованием.

Оправданной знаменитая революционерка прожила менее суток: император разгневался, и уже на следующий день решение суда опротестовали. Однако Кони не изменил своего решения даже под страхом опалы, которая не замедлила случиться. Пострадал даже министр юстиции — его сняли «за небрежное ведение дела Засулич». Полиция объявила о поимке революционерки, но та скрылась на конспиративной квартире, а затем бежала в Швейцарию, став романтической легендой не только в России, но и в Европе.

Иван Сергеевич Тургенев был глубоко тронут историей Веры Засулич. Сохранилось его письмо редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу, в котором говорилось: «История с Треповым — новая иллюстрация старой поговорки: „Как аукнется, так и откликнется“». С образом революционерки связывают тургеневское стихотворение в прозе «Порог», оканчивающееся строками:

«Девушка перешагнула порог — и тяжелая завеса упала за нею.

— Дура! — проскрежетал кто-то сзади.

— Святая! — принеслось откуда-то в ответ».

Стихотворение это нельзя назвать спонтанной реакцией писателя на громкую новость. Тема революции волновала Тургенева долго и глубоко. В отличие от Достоевского Тургенев относился с симпатией к революционно настроенным студентам. Его последний, самый крупный роман «Новь», о котором уже говорилось выше, посвящен молодому человеку, «который вступает в тайное народническое общество с целями не вполне ему ясными, но отчетливо благородными и жертвенными».

Несмотря на то что деятельность народников в «Нови» вовсе не предстает в розовом свете, этот роман Тургенева в немалой степени полемизирует с «Бесами» Достоевского, где революционные настроения подаются как народная трагедия и следствие утраты веры. «Бесы» появились несколькими годами раньше (1871–1872) и, возможно, стали одной из мотиваций для создания «Нови». Во всяком случае, Тургенев писал этот роман не просто так, а с целью поддержать молодое поколение. Об этом прямо сказано в его письме Стасюлевичу от 22 декабря 1876 года:

«Молодое поколение было до сих пор представлено в нашей литературе либо как сброд жуликов и мошенников — что, во-первых,

несправедливо, — а во-вторых, могло только оскорбить читателей-юношей как клевета и ложь; либо это поколение было, по мере возможности, возведено в идеал, что опять несправедливо — и сверх того, вредно. Я решил выбрать среднюю дорогу — стать ближе к правде; взять молодых людей, большей частью хороших и честных — и показать, что, несмотря на их честность, самое дело их так ложно и не жизненно, что не может не привести их к полному фиаско. Насколько мне это удалось — не мне судить; но вот моя мысль... Во всяком случае, молодые люди не могут сказать, что за изображение их взялся враг; они, напротив, должны чувствовать ту симпатию, которая живет во мне — если не к их целям, то к их личностям. И только таким образом может роман, написанный для них и о них, принести им пользу».

Тургенев не только обращался к молодым людям в своих произведениях, но и встречался с ними. На одной из таких встреч, организованной 18 февраля 1879 года для студентов и преподавателей Московского университета, почти наверняка присутствовал Петр Кащенко.

Почему мы говорим «почти наверняка»? Дело в том, что на этой встрече после выступления профессоров и преподавателей инициативу перехватил студент медицинского факультета Петр Викторов. Он осмелился высказать Тургеневу свои замечания по поводу как раз того самого романа «Новь». Зинаида Михайловна Агеева в своей книге «Доктор Кащенко» цитирует выступление Викторова: «Вы очертили молодежь не такими красками, как следовало. Вероятно, вам бросились в глаза лишь некоторые образцы нового поколения». Такая уверенная позиция заинтересовала Тургенева, и он пригласил дерзкого студента для продолжения беседы в квартиру своего знакомого И. И. Маслова на Пречистенском (Гоголевском) бульваре.

Викторов подробно описывает эту встречу и среди прочего упоминает, что пришел не один, а с приятелем. Фамилия приятеля не указана, но вряд ли это мог быть кто-то, кроме Кащенко. Во-первых, Викторов близко дружил именно с нашим героем, а во-вторых, сам Петр Петрович интересовался в то время народничеством и революционной проблематикой чуть ли не больше, чем своей будущей профессией.

Случайностью для него это, разумеется, не было. Как уже говорилось, революционный дух (а заодно и соответствующие знакомства) он заимел еще с кубанских времен и, конечно же, не изменил стиля жизни и в Москве. Он входил в круг «вольнодумцев», как и его близкие знакомые из числа врачей. Среди них был Сергей Яковлевич Елпатьевский (1854–1933), один из основателей партии народных социалистов, арестованный и сосланный в

Сибирь в 1882 году. После революции он стал врачом кремлевской больницы и прославился, в числе прочего, как автор мемуаров о народниках. С Кащенко он дружил в университетские годы, а позже, в 1890-е, они пересекались в Париже, куда Елпатьевский уехал после ссылки.

Другой приятель нашего героя по медицинскому факультету — уже упомянутый Петр Петрович Викторов (1853—?), корреспондент журнала «Земля и воля». За политическую активность его дважды отчисляли из университета и ссылали. В итоге он вместе с Кащенко завершил свое образование в Казанском университете. Помимо сбора материала для неблагонадежного журнала Викторов также организовал одну из читален для студенческого самообразования.

О. В. Лиманкин и А. Г. Чудиновских приводят в своей книге его воспоминание о первой встрече с нашим героем: «Вот в этой-то читальне я и познакомился с П. П. Кащенко... Как сейчас помню, это было под вечер уже осенью, когда мы впервые пожали друг другу руку, причем вошедший молодой человек назвал свою фамилию. Это был совсем еще юноша... неяркий блондин, высокий и стройный, с красивым лицом и прекрасной, горделиво приподнятой головой, обрамленной густой шевелюрой, как орел. Для своих 19–20 лет (а на самом деле ему было 18 лет...) он показался мне достаточно развитым и начитанным и был не чужд научных стремлений. Но, что в особенности мне бросилось в глаза в моем новом знакомом, это та сдержанность и тактичность, с которой он беседовал, что позволяло ему, с одной стороны, не обнаруживать своих незнаний там, где действительно чего-либо не знаешь, с другой стороны, незаметно поучаться от другого, не подавая виду. Эта черта со временем развилась у него в другую родственную ей, благодаря которой, занимая в спорах известную позицию, он давал противнику своей сдержанностью известный простор, а когда тот достаточно сбивался с пути, неожиданно запирал ему выход. Это была своего рода диалектическая стратегия, в которой он сделался впоследствии великим мастером»^[14].

Вот таким, в какой-то степени сложившимся человеком Петр Кащенко попал на встречу с Тургеневым. Мы не знаем, какую роль тот сыграл в истории протеста нашего героя, но, вполне вероятно, эта роль была значимой. Артистическая натура Кащенко скорее всего отозвалась на воздействие личности великого писателя. Возможно, именно после общения с Тургеневым наш герой перешел от слов к действию. Вместе с Елпатьевским и Викторовым он собирает средства для политзаключенных, распространяет запрещенную литературу. А после «охотнорядского побоища» начинает пробовать себя в роли оратора на студенческих

сходках.

Руководство университета, конечно, заметило подрастающего революционного вожака, но некоторое время его не трогали. Тем временем вокруг будущего психиатра сложился настоящий кружок по революционным интересам. Студенты не только организовывали сходки своими силами, но и встречались с более опытными оппозиционерами, известными народниками Н. А. Морозовым и А. Ф. Михайловым.

Вольная жизнь продолжалась до 5 марта 1879 года, когда в московской гостинице «Мильгрэн» обнаружили труп Н. Н. Рейнштейна, фальшивого революционера, состоявшего в Северном союзе русских рабочих, а на деле работавшего полицейским агентом. Убийцы оставили на теле записку: «Николай Васильевич Рейнштейн, изменник, шпион, осужден и казнен русскими социалистами-революционерами. Смерть иудам-предателям!» Полиция бросилась арестовывать всех, кто казался неблагонадежным. Разумеется, в их число попал и наш герой, хотя ему удалось к этому моменту избавиться от запрещенной литературы и прочего компромата. Единственным подозрительным предметом в его личных вещах оказались портреты Чернышевского и Пугачева.

Кащенко отпустили, но с негласным полицейским надзором, а его друга Петра Викторова сослали в Вологодскую губернию. Вскоре после этого был принят новый университетский устав, сильно ограничивший студенческую вольницу. Теперь студентам запрещались любые коллективные действия, будь то посиделки, собрания или публичные чтения. Правда, нашего героя это не остановило: в самом конце того же 1879 года он пытался снова организовать протест в защиту исключенных из университета студентов, которые участвовали в беспорядках.

При этом учиться Кащенко продолжал старательно, а на последнем курсе еще и женился, что тоже в какой-то степени можно считать актом неповиновения властям. Дело в том, что студенты, начиная с давних времен, не имели права на брак до конца учебы. Постепенно на эту проблему начали смотреть сквозь пальцы, но все равно требовалось специальное разрешение начальства. Свадьба Петра Петровича произошла в январе 1881 года, его невеста, Вера Александровна, происходила из семьи коллежского секретаря Александра Горенкина и отличалась крайней строгостью нравов. Даже к своим домашним она всегда выходила только при полном параде.

В этой девушке Кащенко нашел свою полную единомышленницу как в профессиональном плане, так и в духовной жизни. Она увлекалась музыкой и танцами, успела послужить земской фельдшерницей в городе Ново-

Оскольске Курской губернии и разделяла революционные взгляды своего избранника до такой степени, что за год до свадьбы оказалась под следствием. Дело ее прекратили лишь по соглашению министров внутренних дел и юстиции. В вину ей ставилось близкое знакомство с курсисткой московского Общества воспитательниц и учительниц Лидией Витальевной Васильевой, дамой, судя по всему, неблагонадежной. К счастью, тяжелая каторжная участь минула обеих женщин, а дружба осталась. Во всяком случае, существуют методические труды Лидии Васильевой «Руководство для преподавания природоведения» (М., 1912) и «О постановке неорганического природоведения в 4-годовалой начальной школе» (М., 1912), написанные в соавторстве с сыном нашего героя, Борисом Петровичем Кащенко.

Известно, что в период ухаживания Петр Петрович водил свою избранницу в Большой театр на недавно появившееся «Лебединое озеро», и шедевр Чайковского произвел огромное впечатление на обоих молодых людей, надолго став темой для разговоров. Вскоре Кащенко сделал Вере Александровне предложение, которое она приняла с восторгом. Оставалось только спросить разрешение у ректора, ведь, несмотря на послабления, студенческие браки еще оставались делом не вполне законным или, во всяком случае, не вполне привычным. 14 февраля от ректора пришло письмо: «Студенту 5 курса медицинского факультета Петру Кащенко дано свидетельство в том, что к вступлению его в законный брак со стороны университета препятствий не встречается».

Казалось, бы, женившись, наш герой мог бы успокоиться, оставив политическую борьбу холостым товарищам. Поначалу так и казалось: он полностью погрузился в учебу. Сохранился табель с оценками, по которым можно увидеть круг интересов будущего светила медицины. Например, «отлично» за учение о минеральных водах наводит на мысли о его будущем фундаментальном труде «Здоровый стол». Эта книга включает в себя множество изысканных кулинарных рецептов, каждый из которых тщательно проанализирован с точки зрения воздействия на организм пациента. Также высший балл Кащенко получил за диагностику и общую терапию.

Итак, Петр Петрович аккуратно сдал все зачеты и готовился к выпускным экзаменам. Однако жизнь внесла свои коррективы. Спустя два месяца после свадьбы, в марте 1881 года, народовольцы совершили очередное покушение на императора Александра II и на этот раз оно оказалось успешным. Событие это всколыхнуло всю Россию. Большинство населения пребывало в ужасе и сочувствовало убиенному государю, но

находилось немалое количество и тех, кто радовался, празднуя победу революционных идей. Раскололся на два лагеря и студенческий коллектив Московского университета. Пока студенты юридического факультета собирали деньги на траурный венок погибшему царю, на медицинском началась сходка, которая быстро переросла в настоящий митинг против власти.

Интересен тот факт, что изначально сходку разрешил ректорат, несмотря на общий запрет студенческих собраний. Но заявленная тема была сверхлояльна: студенты-медики сошлись «для избрания лиц, имевших сопровождать в Петербург венок на гроб почившего в Бозе Государя Императора». Изначально председательствовал на этом мероприятии молодой профессор С. А. Муромцев, но ситуация вышла из-под контроля и на трибуне оказался не кто иной, как Петр Кащенко. В своей речи — пламенной и убедительной — он осудил и покойного Александра II, и всех, кто скорбел по нему. Разумеется, расплата за такую дерзость не заставила себя ждать. Ночью Кащенко забрали; правда, уже на следующий день он вышел на свободу до окончательного решения его судьбы ректором.

Удивительно, но и это не заставило нашего героя проявить осторожность. Всего через две недели при его деятельном участии случилось еще более громкое событие. В университете проходила защита докторской диссертации И. И. Иванюкова по вопросам политической экономии. Как раз к этому моменту из ссылки вернулся друг Кащенко Петр Виктор. По предварительной договоренности ему дали слово, но едва выйдя на кафедру, он изменил заявленную тему на логическое и грамотное обоснование необходимости свержения царизма. В зале начался шум, Викторам велели замолчать, но на помощь ему тут же пришел Кащенко. Его силами научное мероприятие мгновенно переросло в митинг. Впоследствии этот день вошел в историю как первое в России открытое выступление, на котором излагалась философия марксизма. Неудивительно, что большинство участников поплатились за свою смелость. Викторова снова отправили в ссылку, на этот раз вместе с его неугодным другом, которого отчислили из университета прямо накануне выпускных экзаменов.

Подытоживая период московского студенчества в жизни Кащенко, можно сказать, что революционная деятельность стала ярким проявлением его менталитета, характера и темперамента. Петр Петрович был не кабинетным ученым, а харизматичным лидером, он обладал незаурядным ораторским даром и умением воздействовать на людей. Именно эти качества помогли ему в дальнейшем успешно руководить

психиатрическими больницами.

Глава пятая. Балалайку в руки возьму...

Итак, наш герой пострадал за дело революции, лишившись возможности окончить Московский университет. Здесь стоит отметить, что «кровавый» царский режим в конце XIX века наказывал своих противников довольно гуманно. Петру Кащенко и его друзьям при всей их хронической «неблагонадежности» удавалось раз за разом организовывать массовые протестные выступления, да еще и в стенах университета. И даже когда терпение властей лопнуло, бунтовщиков судили лишь университетским судом. Он состоялся 9 апреля 1881 года, по его решению Петра Викторова сослали в Ставрополь-Самарский, а нашего героя отчислили без права продолжения учебы в течение двух лет и сослали под гласный надзор полиции в Ставрополь-Кавказский. Почему именно туда? Причина проста: недавно в этот город из Ейска переехала мать Петра Петровича Александра Павловна Кащенко со всеми детьми.

Почему она выбрала этот город? Возможно, это было как-то связано с известной династией купцов, носящих ту же фамилию Кащенко. Они сделали состояние на торговле зерном и прославились как благотворители. Долгое время ставропольцы, услышав фамилию Кащенко, говорили: «Щедрые были люди — сколько добра сделали!» Один из представителей семьи Александр Кащенко переехал в Ставрополь как раз одновременно с матерью нашего героя и построил в предместье города, Воронцово-Александровской слободе, ремесленное училище и прогимназию для крестьянских детей. На содержание учебных заведений он выделил особый капитал, а по церковным праздникам всегда приезжал к ученикам с угощением.

Во время революции Александра Кащенко защитили от расправы красных комиссаров собственные рабочие, которые вступились за «эксплуататора». В ставропольском Спасо-Преображенском храме на старинной мраморной доске с именами жертвователей есть и фамилия Кащенко. Такие вот достойные люди носили эту фамилию. Трудно сказать, состояла ли семья нашего героя с ними в родстве, хотя бы и отдаленном. Но вполне возможно, что именно смутные (и скорее всего несбывшиеся) надежды на купеческую помощь сподвигли мать Петра Петровича переехать именно в Ставрополь-Кавказский.

Здесь стоит прояснить ситуацию с двумя Ставрополями, поскольку она постепенно забывается за давностью лет и уже не столь общеизвестна, как

в середине XX века, когда Ставрополь-Самарский, он же Ставрополь-Волжский или Ставрополь-на-Волге был только что переименован в Тольятти. Генеральный секретарь итальянской компартии Пальмиро Тольятти никакого отношения к этому городу не имел, но некоторый смысл в факте переименования найти можно: второй, кавказский Ставрополь, куда уехал в ссылку Петр Кащенко, больше не путался со своим тезкой и стал просто Ставрополем без всяких приставок.

Слово «Ставрополь» переводится с греческого как «крест-город», но с Античностью это никак не связано. Просто в России конца XVIII века бытовала традиция называть города на греческий лад. Откуда в названии «кавказского» Ставрополя взялся крест, историки спорят до сих пор, причем версии одна другой литературнее. По одной из них фундамент крепости, с которой начался город, имел форму креста. По другой — древний каменный крест якобы нашли, когда рыли траншею для закладки крепостного фундамента. Есть и совсем смешная версия: будто бы Ставропольская крепость, от которой ведет свою историю город, была отмечена на какой-то старинной карте не точкой, а крестиком.

Кавказский Ставрополь тоже не избежал советского переименования. В 1935 году он стал Ворошиловском в честь советского военачальника Климента Ворошилова. Однако после освобождения от немецкой оккупации в 1943 году городу вернули старое название с обоснованием «различие в наименовании краевого центра и края вызывает затруднения для учреждений и граждан». Хотя кого и когда эти затруднения останавливали? Скорее, переименование свидетельствовало о временном охлаждении Сталина к своему другу Ворошилову, не отличившемуся полководческими талантами в ходе Великой Отечественной войны.

Но вернемся в конец XIX века, к облику тогдашнего Ставрополя-Кавказского. Был ли он унылой провинцией и беспросветной глушью для ссыльных? А ведь ссылали туда еще со времен декабристского восстания. В списке ставропольских ссыльных значились А. А. Бестужев-Марлинский, А. И. Одоевский, А. Е. Розен, М. А. Назимов и другие декабристы. Заезжал туда во время одной из кавказских ссылок и великий русский поэт М. Ю. Лермонтов. Кроме того, там часто доживали свой век провинившиеся гвардейские офицеры, которым запрещалось появляться в обеих столицах.

Яркий портрет этого места оставил нам генерал Н. Н. Раевский: «Ставрополь — уездный город, на высоком и приятном месте и лучшем для здоровья жителей всей Кавказской губернии. В нем нашел я каменные казенные и купеческие дома, сады плодовые и немалое число обывателей, словом, преобразованный край, в который едущего ничего,

кроме отдаленности, страшить не должно».

В городе периодически показывал премьеры местный театр, работали различные научные общества, выходили собственные периодические издания — «Ставропольские губернские ведомости» и другие, более мелкие. Каждый год открывали двери для новых учеников классические гимназии, как мужская, так и женская, именуемая училищем Святой Александры. Торжественно открытое в 1849 году в присутствии кавказского наместника святейшего князя М. С. Воронцова, это заведение вошло в историю, став первой ласточкой официального женского образования на Кавказе. В 1862 году местный купец Л. Е. Павлов построил для учениц прекрасное трехэтажное здание, которое сохранилось до наших дней. За год до приезда Кащенко, в 1880 году, училище переименовали в Ставропольскую женскую гимназию.

Помимо классических гимназий в городе было множество других школ и училищ, например Армянское. Отдельно существовало Общество для содействия распространению народного образования. Охотно занимались в Ставрополе искусством в специальном «Кружке любителей изящных искусств» и местном отделении Русского музыкального общества. Неудивительно, что город в разные годы охотно посещали известные люди, среди которых А. В. Суворов, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, Н. Н. Раевский, Н. И. Пирогов.

Интерес к Ставрополю немного поутих после строительства Ростовско-Владикавказской железной дороги, которую пустили в обход этих мест, но город продолжал оставаться притягательным для многих благодаря своему красивому ландшафту и мягкому климату. Для многих, но не для нашего героя. Первыми, с чем он столкнулся по приезде на этот «курорт», стали серьезные материальные проблемы. Никак не получалось найти работу. Все хорошие оценки и знания, полученные за годы обучения в Московском университете, ничего не стоили без диплома. Кащенко вообще не имел права заниматься врачебной деятельностью, а зарабатывать нужно было много и срочно, поскольку молодая жена находилась в интересном положении. Первый сын супругов Борис родился в декабре того же несчастливого 1881 года. Можно только представить, какие душевные муки и угрызения совести испытывал Петр Петрович, вынужденный просить деньги на еду у матери, получающей скудное вдовье пособие.

Стоит отметить, что небольшое пособие полагалось и ему самому. Как ни странно, в дореволюционной России ссыльным платили. В книге А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» говорится: «Кроме того, платило

царское государство своему политическому врагу в ссылке: 12 рублей в месяц кормежных и 22 рубля в год одежных». Лепешинский пишет, что и Ленин в шушинской ссылке получал (не отказывался) 12 рублей в месяц, а сам Лепешинский — 16 рублей, ибо был не просто ссыльный, но ссыльный чиновник. Ф. Кон уверяет нас теперь, что этих денег было крайне мало. Однако известно, что сибирские цены были в 2–3 раза ниже российских, и потому казенное содержание ссыльного было даже избыточным. Мартов же пишет, что он «за 5 рублей в месяц получал от хозяина квартиру с полным столом, а остальные деньги тратил на книги и откладывал на побег».

Правда, в документе «Устав о ссыльных» 1909 года цифры гораздо ниже, чем у Солженицына, но все равно речь о выплатах идет, причем независимо от статьи. Также все ссыльные на некоторое время освобождались от налогов: «Относительно обложения ссыльнопоселенцев податями и повинностями соблюдаются следующие правила: поселенцы в первые три года по водворении освобождаются от всяких податей, а затем облагаются сбором по пятнадцати копеек с души в год собственно для составления экономического капитала ссыльных; в течение первых десяти лет по водворении ссыльно-поселенцы освобождаются также от земских и общественных повинностей».

Сохранилась точная сумма ссыльного пособия нашего героя — 5 рублей 70 копеек. Это было крайне мало, меньше даже мизерного жалованья прислуги. Кормить на такие деньги семью не представлялось возможным, особенно учитывая беременную жену и будущего ребенка. Ситуация действительно оказалась тяжелой, и усугубляло ее то, что Кащенко попал в нее исключительно собственными стараниями.

Единственной моральной поддержкой Петра Петровича в тот момент стала жена Вера, сочувствующая революционным идеям. Она безусловно поддерживала мужа. У матери, которая вкладывала все силы в образование своих детей, его поступки, приведшие к краху, вряд ли нашли бы понимание. Тем более что она сама рассчитывала на помощь сына.

Кащенко метался в поисках хоть какого-то заработка. Пригодились музыкальное дарование и мастерство: он давал уроки пения, настраивал фортепиано, но средств все равно катастрофически не хватало. Выжить будущему психиатру помог случай: он узнал о вакансии учителя пения в уже упоминавшейся Ставропольской женской гимназии и схватился за эту возможность. Из-за полуарестантского статуса дело выгорело не сразу. Известно, что для разрешения на трудоустройство Кащенко потребовалось ходатайство самого ставропольского губернатора. Но как мы помним, он умел просить сильных мира сего. В итоге Департамент полиции пошел

навстречу, и в октябре 1881 года новоиспеченный учитель пения приступил к своим обязанностям.

Кстати, в наше время для занятия подобной должности непременно потребовался бы диплом. Но тогда музыкальное образование в России находилось в зачаточном состоянии, система его еще только складывалась. До 1860-х годов российская музыкальная педагогика представляла собой лишь домашнее обучение, в основном пению и игре на фортепиано, иногда — на струнных инструментах. Любительское музицирование считалось хорошим тоном в богатых домах, именно оно подготовило почву для будущего профессионального исполнительства. Из формата частных уроков музыкальное образование выходило постепенно. Поначалу преподавание музыки внедрилось в программы немусыкальных учебных заведений. К середине XIX века «клавикордные» классы открылись в Московском и Петербургском университетах, а также в Смольном институте, но до настоящей профессиональной системы это, конечно же, недотягивало даже близко.

Когда речь идет о системе, давно и продуктивно работающей, часто кажется, что она сложилась сама собой, как говорится, исторически. Однако в большинстве случаев появление глобальных структур всегда связано с именами конкретных людей, без которых все получилось бы не так или не получилось бы вовсе. Отцами-основателями русского музыкального образования стали братья Рубинштейны — Антон и Николай. Они могли бы ограничиться яркой музыкальной карьерой — таланта на это хватило бы обоим. Но миссия просветителей вела их дальше, и они стали Кириллом и Мефодием русской музыкальной культуры, заложив основы профессиональной музыкальной системы, которая до сих пор котируется во всем мире.

Первым шагом стала инициатива Антона Рубинштейна, создавшего в 1859 году в Петербурге Русское музыкальное общество. В него вошли единомышленники братьев, также стремившиеся к музыкальному просвещению своего отечества. Антон Григорьевич не успокоился на этом и через год организовал общедоступные музыкальные классы. Образование там проходило бесплатно, силами энтузиастов, за два года работы «классов» в них сформировался будущий костяк профессуры первой русской консерватории, которая открылась в Петербурге в 1862 году. Николай Рубинштейн последовал примеру брата и предпринял точно такие же шаги в Москве. Он открыл московское отделение Русского музыкального общества, а чуть позже и музыкальные классы, также вырастив в них педагогический коллектив будущей Московской

консерватории. Она открылась в 1866 году, среди ее педагогов был Петр Ильич Чайковский.

Консерватории открыли новую страницу в истории русской музыки. Теперь музыкантов учили не только играть или петь, из них делали настоящую творческую элиту, людей культурных и мыслящих. Помимо музыкальных дисциплин в консерваториях преподавались общие гуманитарные знания. Выпускникам, при условии успешной сдачи экзаменов, выдавали диплом «свободного художника». Курс обучения предполагал девять лет, позднее его разделили на собственно консерваторию и предваряющее ее музыкальное училище. Понятно, что к 1881 году людей с консерваторским образованием в России можно было буквально пересчитать по пальцам. И вряд ли бы они вдруг все оказались в Ставрополе.

Так что на отсутствие диплома у Кащенко никто не посмотрел, а вот его психологический портрет весьма заинтересовал ставропольскую полицию. Наблюдая за тем, как лихо он преподает музыку девочкам, жандармы пришли к выводу, что означенный тип весьма опасен. Тем более что насчет него из Московского полицейского департамента пришла тайная бумага, содержание которой гласило: «Личность крайне вредного направления образа мыслей и, благодаря своему красноречию, имеет огромное влияние на своих товарищей, что в особенности заметно на сходках, бывших в университете, на которых он почти всегда бывал главным руководителем и вожаком, что дает ему возможность высказывать свои антиправительственные идеи и тем производить влияние».

Понятно, что в Москве наш герой имел дерзость призывать студентов к свержению царского режима, но что опасного могли усмотреть ставропольские служители порядка в девичьих занятиях музыкой?

Дело в том, что помимо сильной харизмы и умения влиять на людей Петр Петрович обладал еще незаурядным талантом педагога-методиста. Как уже говорилось, в начале 1880-х профессиональное музыкальное образование только начинало формироваться, учебный процесс происходил в режиме тестирования, никаких официальных учебных программ не существовало. А Кащенко с его блестящими успехами в учебе, конечно же, был перфекционистом, кроме того, он горячо любил музыку, поэтому не мог преподавать ее, что называется, «для галочки». Поэтому он не нашел ничего лучшего, как создать свою, совершенно уникальную методику игры на музыкальных инструментах. Смысл ее в том, что партии сначала твердо выучивались голосом, а потом подбирались по слуху на всяческих гармошках и балалайках. Таким образом нечто вразумительное получалось

очень быстро даже у самых неопытных учениц. Удача в свою очередь вдохновляла юных исполнительниц, и они хотели учиться дальше с тем горячим энтузиазмом, которого так часто не хватает ученикам современных детских музыкальных школ.

Возможно, если бы наш герой не вернулся в медицину, то стал бы русским Карлом Орфом или Золтаном Кодаем^[15], повлияв на всю систему обучения детей музыке. Но и то, чего он добился в Ставрополе, достойно восхищения. Позанимавшись с новым учителем меньше года, простые девочки из небогатых семей вдруг превратились в хор и оркестр народных инструментов такого уровня, что их стали звать на общегородские официальные мероприятия, а их руководитель стал местной знаменитостью, что, разумеется, очень не понравилось жандармам.

Кашенко же, окрыленный успехом, словно забыл о своем сомнительном статусе и принялся за старое. О. Лиманкин и А. Чудиновских цитируют донесение ставропольских полицейских. Их подопечный «общался с членами кружка, состоявшего из приезжавших на каникулы петербургских студентов и имевшего цель распространение революционных учений среди учащейся молодежи». И это при гласном надзоре полиции, с беременной женой и кучей неработающих младших братьев и сестер, за которых он всегда чувствовал ответственность! Как оценить подобное? Что это — благородное мученичество за идею или кураж безответственного смельчака?

Конечно, Петру Петровичу было тогда всего 22 года, и подобное поведение можно объяснить неопытностью и тем, что в юности люди очень часто живут эмоциями, а не разумом. Но наш герой получал высокие оценки в университете, а значит, с самодисциплиной у него все было в порядке. К тому же подпольная революционная деятельность требовала много сил и изворотливости ума. Судя по всему, в тот момент молодому Кашенко было присуще некое чувство сродни религиозному, свойственное многим революционерам его времени. Именно из-за этого чувства террористы-народники, совершающие жестокие убийства, получали не только широкую поддержку, но иногда практически ореол святости.

Есть специальный термин — психология революционера. Это явление начали изучать вскоре после того, как психология стала научной дисциплиной, то есть в XIX веке. В 1896 году появился фундаментальный труд французского психолога и антрополога Гюстава Лебона «Психология социализма». Лебон составил психологический портрет русских идейных террористов и пришел к выводу, что упорное и насильное навязывание обществу нового социального идеала вызвано аномалиями психики. В

своей книге Лебон условно разделил революционеров на три типа. К первому он отнес случайных людей, примкнувших к террористам под влиянием внешних обстоятельств. Став членами тайных обществ, они никогда не участвовали в собственно акциях террора, а лишь соглашались исполнять «мирные» рутинные обязанности, например, обустройство быта в коммунах. Как правило, это были подруги революционеров. Найдя себе более «безопасных» кавалеров, они мгновенно возвращались к нормальной жизни и становились хорошими хозяйками, начисто забыв революционные идеалы.

Второй тип составляли ораторы разной степени амбициозности и таланта. Самым важным в революционной деятельности для них оказывалось влияние на массы. Психологической потребности в насилии они не испытывали и бомб не взрывали, ограничиваясь идеологическим просвещением. Кащенко, несомненно, относился к этому типу. Его влекла возможность выступить с трибуны, зажечь людей, повести их за собой, неважно, в какие формы облекались его позитивные идеи — в политические, музыкальные или научно-медицинские. Поэтому со временем он все-таки отошел от революционной деятельности, найдя своим ораторским и организационным талантам другое применение.

Третий, самый опасный тип революционера явно не имел с нашим героем ничего общего. Лебон определил этот тип как страдающий хроническим девиантным (то есть сильно отличающимся от принятых социальных норм) психологическим состоянием. Таких людей называют фанатиками. Они становились террористами и проливали кровь своих сограждан часто не из-за идейности, а из-за латентной психопатии, толкающей их к насилию. К такому типу принадлежал Игнатий Гриневицкий, признававший лишь кровавые формы террора, — именно он бросил роковую бомбу под ноги Александра II.

Итак, протестная деятельность продолжала манить Кащенко возможностью самовыражения, но обстоятельства сильно сдерживали его революционный порыв. Он все-таки был ответственным человеком и не мог бесконечно подставлять своих близких, являясь для них в общем-то единственной опорой. В какой-то момент Петр Петрович задумался о том, чтобы наладить отношения с властями и даже попросить у них помощи. Для начала он написал ходатайство о снятии гласного надзора, однако Собрание по особым делам сочло его просьбу преждевременной, что неудивительно. Он подождал около года, а потом с истинно казачьей храбростью написал письмо самому министру внутренних дел Д. А. Толстому.

В этом документе Кащенко вполне реализовался как оратор. Он просит прощения красноречиво, даже артистично: «В прошлом месяце исполнилось 2 года с того времени, когда я был исключен из Московского университета за два месяца до окончания курса и отдан под надзор полиции... Если бы эта кара постигла меня только одного и не коснулась моей собственной семьи, состоящей из жены, маленького сына и многочисленной семьи моей матери-вдовы, нуждающейся в значительной поддержке и возлагавшей на меня, единственного старшего своего сына, все надежды, — я не осмелился бы и беспокоить Ваше Сиятельство моей просьбой и отбыл бы назначенный мне срок 9-е сентября 1884 г. безропотно. Но, Ваше Сиятельство, тягость семейного положения и продолжительное пребывание здесь (я не смею полагать это достаточным искуплением моей вины) дают мне надежду на Ваше милостивое согласие сократить мне срок моего нахождения под надзором и позволить мне привести к концу мое прямое назначение: получить диплом врача и посильно служить обществу теми знаниями, которые дает профессиональное университетское образование... т. е. дело, ради которого я и мои родители принесли столько материальных и нравственных жертв»^[16].

Удивительно, но министр проявил сочувствие к будущему выдающемуся психиатру. Если честно, речь шла всего о нескольких месяцах, но для Кащенко этот срок имел очень большое значение. Петр Петрович отчаянно стремился все-таки получить диплом врача, упущенный так безрассудно. А оставаясь в Ставрополе до начала сентября, он не успевал на экзамены и терял целый год.

Что касается университета, то выбора у нашего героя не было. После ссылки он еще некоторое время не имел права проживать в обеих столицах, а также в Киеве. Но неплохой вариант для завершения образования все же имелся — Казанский университет. Он шел третьим по рейтингу после Петербургского и Московского, и его медицинский факультет считался весьма сильным. Туда Кащенко и подал документы на пятый курс. А встретил его в Казани не кто иной, как товарищ по революционной борьбе Петр Викторов. Вскоре закадычные друзья стали еще и однокурсниками. На этот раз наш герой погрузился в медицину основательно, не отвлекаясь на другие виды деятельности. Конечно, кроме музыки, которая сопровождала его всю жизнь, являясь мощной отдушиной и фактически второй профессией.

Глава шестая. Третья столица, Бехтерев и поиск себя

Сегодня Казань иногда называют третьей столицей России. Действительно, этот город полностью соответствует общероссийскому образу столичности, связанному с достатком, кипучей культурной жизнью и обширными международными связями. Нужно заметить, что столичность эта проявилась не вдруг и не сразу. Но уже с начала XVIII века, когда Казань сделали столицей огромной Казанской губернии, город начал развиваться крайне быстро и вскоре стал образовательным и культурным центром Поволжья. Между прочим, первая в России провинциальная гимназия открылась именно в Казани. Это случилось в 1758 году, а в 1791-м в городе появился постоянный городской театр. Казанский университет, открывшийся в 1804 году, стал третьим в России, подарив городу высокий рейтинг в ученых кругах. Успешно развивалась и городская инфраструктура. К моменту приезда Петра Кащенко в 1884 году в Казани уже имелись газовое освещение, телефон, телеграф и общественный транспорт, представленный конкой. Всего через десятилетие с небольшим уличные газовые рожки заменят на электрические фонари и по казанским улицам поедут настоящие трамваи.

Однако их появление, а также другие этапы благоустройства этого замечательного города прошли мимо нашего героя, так как в Казани он провел меньше года, причем совершенно не пытаясь укорениться и принципиально оставив семью в Ставрополе. Тем не менее у ряда биографов существует «идеологически правильная» версия, что этот небольшой период времени ознаменовался интересным знакомством с Алексеем Пешковым, гораздо более известным по своему литературному псевдониму «Максим Горький». Соблазн представить себе, как это происходило, довольно велик, ведь в то время будущему писателю было только семнадцать лет, он приехал в Казань на заработки и торговал булочками возле университета. Там с ним и разговорились Кащенко и Викторов. Они узнали, что юноша тоже мечтает учиться в университете, но путь туда ему закрыт из-за низкого происхождения. Алеша Пешков со своей корзинкой часто проходил в университетское здание, затесавшись в толпе студентов. В аудиторию его не пускали, он садился под дверь и слушал лекторов через замочную скважину, что очень возмущало нашего

героя, всегда боровшегося за справедливость.

Конечно, категорично утверждать, что дела обстояли именно так, без прямых документальных свидетельств, невозможно. Но романтичность этой версии делает ее больше похожей на миф, созданный советскими биографами с целью прописать более выпукло революционный облик выдающегося психиатра. Как бы там ни было, с Горьким Кащенко общался совершенно точно, тому есть исторические подтверждения. Вот только произошло это значительно позже, во время работы Петра Петровича в Нижнем Новгороде.

Итак, Казань и университет этого замечательного города интересовали нашего героя только как возможность получить, наконец, вожделенный диплом врача. А в итоге именно там он нашел себя, выбрав специализацию психиатра. Этого бы не случилось, останься он в Москве — ведь как уже говорилось, Московский университет не имел в то время кафедры психиатрии, да и сам Кащенко поначалу не особенно интересовался этой областью медицины. Почему же вдруг душевные недуги так увлекли его по приезду в Казань?

Долгое время было принято объяснять этот факт влиянием Владимира Михайловича Бехтерева, который работал в Казанском университете и имя которого сегодня носит Казанская республиканская клиническая психиатрическая больница. Действительно, врач такого масштаба и такой харизмы, как Бехтерев, мог бы вдохновить любого начинающего специалиста и даже изменить его жизненный путь за одну встречу. И совершенная правда то, что наш герой плодотворно общался со своим великим коллегой. Вот только произошло это спустя много лет после обучения, а в 1885 году они даже не познакомились, разминувшись на четыре месяца. Петр Петрович, окончив университет в июне, уже в июле вернулся в Ставрополь к любимой жене и сыну. А молодой профессор Бехтерев появился в Казани лишь в октябре, так что о его влиянии на выбор специализации нашего героя говорить не приходится. Миф же возник на обычной для всех мифов почве неглубокого восприятия и случайного соседства фактов: Казань связана с деятельностью Бехтерева, который является знаковой фигурой в области изучения деятельности мозга, а Кащенко выбрал свою специализацию именно там.

Но почему же на самом деле он сделал этот выбор именно в последний год обучения? Дело скорее всего в том, что психиатрия как наука оказалась в Казани на неожиданно высоком уровне, поэтому Кащенко и его друг Викторов увлеклись новым для них и весьма интересным делом. Казанская кафедра психиатрии была второй в России после Петербургской. Ее

основал русский немец Август Устинович Фрезе, один из первых в России людей, попытавшийся сделать из многочисленной информации о душевных болезнях курс для обучения студентов. Сам он такого образования, разумеется, не получил, будучи выпускником Московского университета, зато ему досталось огромное количество бесценной практики.

Проработав год ординатором в Преображенской больнице под руководством известного русского психиатра Василия Федоровича Саблера, Фрезе открыл в Москве частную лечебницу для душевнобольных и в течение семи лет содержал ее. Параллельно он ездил в Германию, Голландию и Англию — осматривать и изучать аналогичные учреждения. По итогам своих наблюдений он защитил в 1857 году диссертацию под названием «De paralyssi generali sive dementia paralytica» («О прогрессивном параличе или паралитическом безумии»). По времени это как раз совпало с началом крупных реформ в русской медицине. Следующая крупная научная работа Фрезе «Об устройстве домов умалишенных» была замечена правительством, и автора — уже официально — командировали в Европу для обмена опытом. По возвращении Август Устинович участвовал в разработке проекта сумасшедших домов нового типа и в итоге стал директором подобного заведения в Казани. Оставшуюся часть жизни он совмещал эту ответственную должность с заведованием кафедрой психиатрии, для которой создал первый русский учебник, называемый «Краткий курс психиатрии». Все свое немалое жалованье Фрезе тратил на благотворительность. К сожалению, Кащенко разминулся и с этим выдающимся человеком: тот скончался в феврале 1884 года.

Однако организованное Фрезе дело работало четко и, кроме того, у него имелся достойный преемник — Лев Федорович Рагозин. Он и стал гуру психиатрии для нашего героя и его друга Петра Викторова. Возможно, молодых людей зацепили его лекции, связанные с судебной медициной. Известно, что их первое знакомство с психиатрией произошло не через практику. Хотя с самим Рагозиным они, скорее всего, познакомились гораздо раньше, ведь Лев Федорович не только учился в Московском университете, но и активно занимался революционной деятельностью, в частности, некоторое время исполнял обязанности кассира в знаменитом обществе «Земля и воля». Правда, к моменту приезда Кащенко в Казань Рагозин уже настолько отошел от революционеров, что в дальнейшем даже вызвало неудовольствие у советских историков, назвавших его «реакционером и противником общественной самодеятельности».

Увлечись теоретической психиатрией, молодые люди стали помогать

своему шефу в лечебнице и участвовать в обходе больных. Профессор, заметив их интерес, позволил им находиться в психбольнице вне графика студенческой практики и охотно привлекал их к самым разным обязанностям. Они успели побывать и сиделками, и помощниками надзирателей. Если поразмыслить, то из всех врачебных наук именно психиатрия (изначально — учение о душе) лучше всего подходила к артистическому темпераменту нашего героя и к его желанию воздействовать на людей. Ведь именно в этой медицинской специализации врач может успокоить пациента или даже помочь ему силой внушения.

Итак, Кащенко и Викторов старательно изучали теорию и практику психических заболеваний. А параллельно — саму организацию психиатрической помощи, выстроенную Фрезе, а также изменения, претворяемые в жизнь их профессором. О. В. Лиманкин и А. Г. Чудиновских пишут, что «Рагозин был последовательным сторонником государственной системы организации психиатрической помощи и считал, что забота о лечении и призрении душевнобольных должна полностью быть задачей государственной. Он настаивал на строительстве крупных окружных психиатрических больниц, полагая, что земства не в состоянии организовать полноценную психиатрическую помощь, так как не располагали для этого достаточными средствами и не могли договориться между собой о содержании единой системы помощи».

В Казани в тот момент существовало два психиатрических заведения, относящихся к совершенно разным типам. Первое было открыто в 1817 году и принадлежало Приказу общественного призрения. Этот «желтый дом» представлял собой не медицинское учреждение, а приют для сумасшедших. Если его обитатели, находясь там, страдали другими, не психиатрическими болезнями, они практически не получали медицинской помощи. Лиманкин и Чудиновских пишут, что «положение больных было тяжелым, они умирали от чахотки, цинги, кровавого поноса».

Второе заведение, основанное Фрезе в 1869 году и называющееся «Казанская окружная лечебница во имя Божией Матери всех скорбящих», как раз являлось медицинским учреждением. Туда направляли больных с начальными и острыми формами заболеваний, также там исследовались сомнительные случаи помешательства и проводились практические занятия для студентов. К моменту приезда в Казань Кащенко и Викторова правительство пыталось отделаться от содержания этой лечебницы, мотивируя это слишком большими затратами. Рагозин же, наоборот, добивался расширения финансирования и открытия новых подобных лечебниц. Он считал, что психиатрическая помощь населению —

полностью государственная задача, которую нельзя перекладывать на земства потому, что те, во-первых, не располагают достаточными средствами, а во-вторых, не могут договориться друг с другом, чтобы создать единую, хорошо работающую систему.

При этом далеко не все психиатры поддерживали это стремление к централизации. Многим врачам казалось, что полный перевод психиатрии в руки государства повысит бюрократизм и формализм, что плохо скажется на конкретных пациентах. А земства относились к рагозинской инициативе еще более негативно по сугубо материальной причине. Они опасались, что под новые окружные больницы правительство заберет земли, уже предназначенные для строительства земских психиатрических больниц. Но Лев Федорович обладал достаточно сильным характером, чтобы отстаивать свою позицию. Тем более что ему удалось высоко продвинуться по служебной лестнице — от директора Казанской окружной лечебницы до руководителя Медицинского департамента.

Рагозин имел четкие собственные представления не только о форме русской психиатрии, но и о ее содержании. С подачи директора жизнь пациентов Казанской окружной психиатрической лечебницы в корне изменилась: он отменил смирительные рубашки, внедрил систему нестеснения и начал активно использовать трудотерапию. В итоге атмосфера психбольницы стала совершенно иной. Если раньше она походила на тюрьму, то теперь напоминала нечто среднее между лечебным санаторием и трудовым лагерем.

Находилась рагозинская больница за городом, в четырех верстах от Казани. Как пишет Зинаида Михайловна Агеева в своей книге «Доктор Кащенко», «в отделениях чистота, много воздуха и света, больные опрятно одеты. У каждой кровати столики. В спокойном отделении — настольные игры, бильярд... Лечение больных проводилось разумно и целенаправленно — трудовая терапия сочеталась с развлечениями и прогулками. <...> Все усилия врачей были направлены на создание максимальных удобств и свободы для больных». Надо сказать, что фраза, которую часто повторял Кащенко: «Врач должен смотреть на смирительную рубашку как на страшилище, а на себя как на палача, если он ее применяет», — изначально принадлежала Льву Федоровичу. Он произнес эти слова в 1887 году на Первом съезде российских психиатров.

Как и все новое, метод работы Рагозина поначалу встретил большое сопротивление со стороны коллег, но успешный опыт заставил скептиков замолчать. Вскоре возникло еще пять окружных лечебниц подобного типа: Варшавская (Творки) — в 1891 году; Винницкая — в 1896 году; Виленская

(Вилейки) — в 1902 году; Московская (село Троицкое) — в 1907 году; Томская — в 1908 году.

За победителями хочется идти. Яркая личность Льва Федоровича привлекала его студентов и оказывала на них большое влияние. Кащенко и Викторов не оказались исключением. Особое впечатление на них произвело революционное прошлое их учителя. В отличие от советских историографов близкие не считали, что он сделался «мрачным реакционером», предав светлые идеалы революции. До конца своих дней Рагозин оставался гуманистом, о чем свидетельствует характер его больничных нововведений. Также Лев Федорович никогда не отказывал в помощи своим студентам, даже если те попадали в затруднительные ситуации. Подобный случай произошел и с нашим героем.

Устав Казанского университета оказался более строгим, чем в Первопрестольной. Помимо строгого запрета на любые студенческие сходки и собрания полагалось наличие специальной университетской полиции, а студентов не допускали к занятиям без форменной одежды. Также Казанский университет отличался повышенным антисемитизмом: прием студентов еврейской национальности был ограничен тремя процентами от общего числа поступивших.

Петр Петрович, наученный горьким опытом, старался вести себя тихо. К сожалению, репутацию себе он уже успел сильно испортить и восстановить ее в один момент не представлялось возможным. Существует ведь даже народная пословица «Добрая слава лежит, а худая бежит», и нет ничего удивительного в том, что в один прекрасный день его неожиданно арестовали и посадили под стражу в жандармское управление.

Ситуация оказалась абсурдной, но от этого не менее драматичной. В очередной раз арестовали известного революционера Г. А. Лопатина, у которого при обыске обнаружили красноречивое письмо антиправительственного содержания. Никаких явных улик, указывающих на авторство Кащенко, не нашлось, но ораторский дар будущего выдающегося психиатра жандармы помнили, поэтому заподозрили в сочинении крамольного документа именно нашего героя. Да, скорее всего, его непричастность подтвердилась бы с течением времени, но пока он сидел в полиции, в Казанском университете встал вопрос о его отчислении. Это означало приговор: в третий раз возможность получить медицинский диплом ему бы уже не дали, и мир бы не узнал о психиатре Кащенко. Его друг Петр Викторов, понимая серьезность ситуации, обратился за помощью к Рагозину. Лев Федорович задействовал все свои связи и добился самой тщательной графологической экспертизы. Проведенная с

вниманием, она помогла установить истину. Автором преступного письма оказался студент Киевского университета и убежденный террорист Авраам Бах, Петр Кащенко же не имел к этому делу никакого отношения. Его освободили из-под стражи и разрешили вернуться к занятиям.

Это событие вкупе с московским провалом стало очень серьезным уроком для нашего героя, научив его сдержанности и осторожности. Советские биографы приписывают Кащенко продолжение революционной деятельности и чуть ли не активное участие в революции 1905 года. На самом деле, Петр Петрович очень внимательно следил за тем, чтобы не попадаться более на глаза полиции, открыто оказывая помощь «неблагонадежным элементам» только в качестве врача.

Вернемся к казанскому периоду. До защиты диплома осталось чуть больше месяца, но наш герой не был бы собой, если бы занял все время одной лишь зубрежкой. В своих силах на экзамене он не сомневался, а его артистическая натура требовала отметить долгожданное завершение образования с истинно казацким размахом. Он решил дать грандиозный концерт. И здесь полностью проявились оба его таланта — музыкальный и организаторский. Петр Петрович создал настоящий хор. Сил студентов университета ему не хватило, и он подключил к делу учащихся Духовной академии, в которой пению традиционно уделяли большое внимание.

В июне 1885 года наш герой, наконец, получил право заниматься медициной. Решением экзаменационной комиссии ему дали звание земского врача. Как раз к этому времени созрела и музыкальная программа. Концерт прошел в присутствии официальных лиц, в том числе городского головы, и оказался столь хорош, что присутствующий в зале антрепренер казанской оперы П. М. Медведев начал звать Кащенко к себе в штат хормейстером.

Об этом событии сохранилось красочное воспоминание Петра Викторова, которое обычно цитируют в разных материалах о Кащенко. Сделаем это и мы, поскольку оно действительно интересно: «В течение нескольких недель репетиций, повторяющихся, конечно, не каждый день, хор был готов, и о дне концерта, составленного исключительно из малороссийских песен, были вывешены анонсы. Вот настал прекрасный вечер, когда мы, студенты, а с нами и „вся Казань“ явились в театральный, ярко освещенный зал. Открытая сцена стала мало-помалу заполняться хористами. Когда все было готово, на сцене появился с легким поклоном в публику Петр Петрович и занял место за пюпитром против хористов, расположившихся в известном порядке по голосам. Петр Петрович был во фраке, в белых перчатках, с дирижерской палочкой в руках и производил

великолепное впечатление своей представительской фигурой, слегка приподнятой головой и аполлоновской шевелюрой. В программе первым номером стояла старинная малороссийская песня „Закувала та сива зозуля“, где рисовалась картина казаков в тюремной неволе, в турецком плену. По данному Петром Петровичем знаку тут наступила особенная тишина, и эту песню предварительно проиграли на рояле, чтобы подготовить в публике настроение. Затем, со взмахом дирижерской палочки среди глубочайшей тишины в басовой партии хора раздается глухой рокот, подобный рокоту моря, закончивший музыкальную фразу необыкновенно эффектным подъемом и расширением всех голосов хора. С первых же аккордов вся публика была очарована, аплодисментам и вызовам не было конца. С не меньшим успехом прошли и остальные номера. Припоминая это музыкальное выступление Петра Петровича, я всю мою последующую жизнь до сего дня не могу забыть произведенного на меня впечатления, так сильно и неизгладимо оно показалось».

Окрыленный триумфом, наш герой покинул Казань и вернулся в Ставрополь, где его с нетерпением ожидали родные. Диплом принес ему уважение в профессиональной среде, и уже в сентябре 1885 года Петр Петрович стал членом местного медицинского общества. Нашлось и место работы по специальности, приобретенной с таким трудом, — Кащенко взяли на должность врача в епархиальное училище для девочек из семей духовенства. Однако разочарование постигло его очень скоро. Жалованье оказалось таким мизерным, что ему снова пришлось преподавать пение все в той же Ставропольской женской гимназии. Но денег все равно не хватало и, чтобы хоть как-то увеличить свой доход, он взял ставку учителя арифметики.

Сложившаяся ситуация совершенно не устраивала его. С одной стороны, он был молод, полон сил и амбиций, с другой — остро чувствовал ответственность за жену с ребенком, мать и братьев с сестрами, которые еще не доросли до самостоятельной жизни и нуждались в поддержке. Младшему брату Владимиру исполнилось 12 лет, Сергею и Всеволоду — соответственно 14 и 15. К тому же Кащенко хотелось заниматься психиатрией — не зря же в конце концов он выбрал эту специализацию, а в Ставрополе не было соответствующей больницы. Поэтому Петр Петрович начал активно искать варианты в других городах и вскоре нашел искомую вакансию психиатра в Тверской губернии, в лечебнице доктора М. П. Литвинова.

Глава седьмая. Ветер перемен

Новое место работы оказалось вдалеке не только от столичной, но и просто от городской жизни. Это была психиатрическая больница-колония, располагавшаяся в небольшом селении Бурашево, что в 13 верстах от Твери.

Стоит рассказать об этом заведении подробнее. Появилось оно благодаря Земской реформе Александра II. В 1864 году в губерниях возникли органы местного самоуправления, именно они и способствовали развитию медицинской помощи. А развивать было что. Психиатр Н. Н. Баженов в 1887 году заметил интересную закономерность: число «официальных» психических больных было обратно пропорционально расстоянию от их места проживания до психбольницы.

В губернских органах стали обсуждать, как приблизить психиатрическую помощь к населению и обеспечить разнообразие ее видов, но поначалу дело шло очень туго. Только в 1897 году стараниями психиатров был разработан единый циркуляр, в котором предусматривались пособия земствам из бюджета государства на строительство или улучшение домов для душевнобольных в размере 50 процентов израсходованной на это суммы. Но все-таки некоторые улучшения происходили и раньше. Медицинский департамент заключил, что для хронических душевнобольных необходимы специальные учреждения на 500 мест и более. Земства приводили в порядок старые здания психиатрических больниц и строили новые, чаще всего вне черты города, располагая дома для душевнобольных на крупных земельных участках. Многие такие больницы имели черты земледельческих колоний. Это не было случайностью: идею совместить земледелие с лечением душевнобольных, которые часто оказывались вполне способны к физическому труду, русские психиатры позаимствовали у коллег из Европы и начали целенаправленно проводить в жизнь.

Подробную программу для будущих психбольниц нового типа разработал И. М. Балинский (1824–1902), именем которого практически открывается история русской психиатрии. Балинский не оставил после себя крупных научных трудов, но «старался сделать все, — говорил он, — от меня зависящее, чтобы товарищи, которые придут в устроенную мною клинику, могли в ней найти все необходимые средства для того, чтобы учиться и работать для науки».

Первый русский профессор психиатрии начал свою деятельность с преподавания в Петербургской медико-хирургической академии, а параллельно ездил в Европу набираться опыта. Он посетил около сорока психиатрических больниц в Германии, Голландии, Бельгии, Англии и Франции и всюду тщательно изучал устройство этих учреждений. По возвращении Балинский немедленно преобразовал психиатрическое отделение при 2-м военно-сухопутном госпитале в Санкт-Петербурге. По словам современников, оно представляло собой «филиальное отделение дантова ада». Голодные больные получали вместо пищи приемы рвотного для отвлечения от безумных мыслей, побои со стороны служителей и неизменный смирительный камзол.

Подобная ситуация была характерна для начального периода российской (да и европейской) психиатрии, когда «юродивых», «порченных» или буйных начали пытаться лечить, а не подкармливать из жалости или прогонять подальше, если больной казался опасным. Лечить тогда подобные заболевания совершенно не умели, вот и возникали способы экзотические, а порой и просто варварские. Например, «метод стеснения», символом которого стала смирительная рубашка. Применялись вовсе не только рубашки с длинными завязывающимися рукавами, которые можно увидеть в художественных фильмах, — обычным инструментарием врача-психиатра становились также железные цепи, «ремни сыромятные» и многое другое.

Сохранились записи врача из дома инвалидов и умалишенных Московского приказа общественного призрения Зиновия Ивановича Кибальчича. По ним явно видно, что больного старались сделать безопасным, а не вылечить: «Если нужно неистовому сумасшедшему бросить кровь, в таком случае пробивается жила сильнее обыкновенного. За скорым и сильным истечением крови вдруг следует обморок и больной падает на землю. Если больной подвержен чрезмерно неистовым припадкам бешенства, то ему бросают кровь не только во время припадка, но и несколько раз повторяют, дабы предупредить возвращение бешенства, что обыкновенно случается при перемене времени года. Что касается до задумчивых сумасшедших, подверженных душевному унынию или мучимых страхом, отчаянием, привидениями, то употребляется следующее: рвотный винный камень, белена, приложение пиявиц к заднему проходу, нарывные пластыри или другого рода оттягивающие лекарства».

В петербургском «желтом доме», который реформировал Балинский, было мало даже таких примитивных и часто бессмысленных попыток медикаментозного и процедурного лечения. Панацеей там считалось

максимально жесткое стеснение: «Средства для усмирения беспокойных состоят в ремне в 2 дюйма ширины и 2 аршина длины, коим связывают им ноги в так называемых смирительных жилетах, к коим приделаны узкие рукава из парусины длиной в 3 аршина, для привязывания ими рук больного вокруг тела».

В XXI веке такой способ лечения кажется дикостью, однако метод физического стеснения психических больных используется до сих пор во всем мире, в том числе и в России. Его применение — это острый и сложный вопрос, волнующий правозащитников. Их стараниями в 2002 году появился документ, называющийся «Информационно-методическое письмо „О мерах физического стеснения при оказании психиатрической помощи и правилах фиксации больных по медицинским показаниям“ от 26.12.2002 года № 2510/12967–02–32». Составлено это письмо после работы Европейского комитета по предотвращению пыток и бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и оказания (ЕКПП) в декабре 2001 года. Комитет выявил ряд серьезных нарушений в российских психиатрических учреждениях, особенно при применении к возбужденным и агрессивным настроенным людям мер физического стеснения. Нарушений оказалось много, но все они имели под собой одну-единственную мотивацию: врачи, к сожалению, заинтересованы в усмирении буйных пациентов не для их пользы, а для собственного спокойствия.

Правозащитники тогда несомненно добились успеха: то, что появилось вышеуказанное письмо Министерства здравоохранения с приложением в виде «Правил назначения и применения в больнице фиксации психически больных по медицинским показаниям», — большая победа. Правда, с тех пор эти правила периодически продолжают нарушаться. Уж слишком велик соблазн надежно связать опасного больного и заняться другими делами вместо того, чтобы тщательно отслеживать изменения его состояния.

Но вернемся к Ивану Михайловичу Балинскому, гуманизм которого не оставил шансов «дантову аду» петербургского сумасшедшего дома. Этот, как он назывался тогда, шестой корпус служил местом ссылки для военных врачей, нарушивших дисциплину. Для Балинского же он стал полем кипучей деятельности. Буквально через несколько лет ужасающее место страданий приняло вид больницы, в которой стараются помочь пациентам, а не законсервировать их, дабы они не доставляли хлопот. Смирительная рубашка, правда, оставалась на своем месте — слишком уж революционно выглядели идеи, проводимые в жизнь отцом русской психиатрии. Иван Михайлович не сам придумал их, он опирался на опыт Уильяма Тьюка,

который в 1796 году основал первое поселение для душевнобольных «Йоркский ретрит» («The York Retreat»). Успех аналогичных заведений в Европе вдохновил Балинского на разработку своей программы. Естественно, внедрение ее происходило не быстро — только в 1884 году в Бурашеве открылось то самое поселение для душевнобольных, первое в России.

Кащенко настроился на работу в этом заведении достаточно серьезно, поскольку выехал туда не один, а с женой и четырехлетним сыном. С какими чувствами семья покидала Ставрополь? Это был теплый и спокойный город, правда, выбранный для житья не добровольно, а теперь еще и ставший душным из-за невозможности профессионального роста. Конечно, переезд сопровождали волнения, но, думается, супругов Кащенко поддерживали надежды на развитие карьеры главы семьи. Надежды эти во многом оправдались, прежде всего потому, что на новом месте Петр Петрович обрел единомышленников, готовых поделиться с ним накопленным опытом.

Нашему герою везло: рядом с ним на разных этапах жизни постоянно оказывались духовно близкие люди. Таким был и основатель колонии в Бурашеве Михаил Павлович Литвинов (1846–1918). Младший современник Балинского, он во многом повторил профессиональный путь своего коллеги. Окончил Петербургскую медико-хирургическую академию. Успел поработать в психиатрической клинике под началом отца-основателя русской психиатрии. Затем трудился в небольшой больнице в Весьегонском уезде Тверской губернии, заведовал психиатрическим отделением Кронштадтского военно-морского госпиталя. В 1881 году Тверское губернское земство пригласило Михаила Павловича руководить отделением для душевнобольных в Твери и заняться устройством земской психиатрической больницы. Для этой цели его, как и Балинского, командировали за границу, где он посетил 24 психиатрических учреждения в Германии, Франции, Швейцарии и Австрии. И ему тоже в первую очередь бросилась в глаза система нестеснения больных, необычная для российских реалий.

Впечатления от поездки Литвинов подробно описал в отчете. Вместе с программой Балинского этот документ лег в основу реорганизации всей психиатрической помощи в Тверской губернии. Место для будущей колонии выбиралось очень тщательно: планировалось, что сам ландшафт должен оказывать лечебное воздействие, а наличие источника воды поможет избежать вспышек инфекций. Поселение решили расположить в пределах досягаемости от крупных губернских городов, территорию

выделили достаточно большую, чтобы хватило места для помещений, где могли бы трудиться пациенты. Бурашево полностью соответствовало всем требованиям.

Первоначально лечебницу рассчитали на 400 коек, однако она быстро расширилась. Режим реабилитации больных помимо мер нестеснения включал трудотерапию: больные гуляли на свежем воздухе, трудились в сапожной, переплетной, корзиночной, портняжной, столярной мастерских и возделывали землю на больничных участках. Для развлечения пациентов имелись небольшая библиотека, «волшебный фонарь», театральный зал и музыкальные инструменты. Было чем заняться и врачам. Помимо амбулатории и анатомического театра для персонала открыли отдельную библиотеку, включавшую свыше тысячи томов и комплекты русских и зарубежных научных журналов.

Неудивительно, что за короткое время Бурашевская колония стала популярна. Знакомиться с ее работой и перенимать опыт приезжали известные психиатры — Н. Н. Баженов, В. П. Сербский, П. И. Ковалевский, А. Я. Кожевников. Ю. В. Каннабих писал: «Литвинов создал в Бурашево настоящую школу для русских психиатров, куда приезжали учиться постановке дела, организации лечебного труда и полному нестеснению»^[17]. По словам Баженова, Бурашево в те годы было для психиатров «Меккой и Мединой». Один из патриархов русской психиатрии И. П. Мержеевский на Первом съезде отечественных психиатров в 1887 году сказал: «Колониальная система призрения душевнобольных сделалась идеальным типом земских заведений. Тверское заведение в селе Бурашево может служить образцом благородных и возвышенных стремлений земства в деле улучшения быта душевнобольных»^[18].

Кащенко появился в Бурашевской колонии в 1886 году, через два года после ее открытия. Работа в уникальном передовом учреждении рядом с будущими известными психиатрами стала для молодого врача серьезной профессиональной школой. Там он познакомился с Владимиром Ивановичем Яковенко (1857–1923). Приятельство переросло в дружбу и тесное сотрудничество на долгие годы. Яковенко и Кащенко много переписывались, советовались, их часто приглашали вместе в различные губернии для консультаций по вопросам психиатрической помощи, и не только.

Негласное соперничество между окружными психиатрическими больницами и земскими, о котором уже говорилось, постепенно видоизменялось. Земская медицина все больше показывала свою

целесообразность, но с самого начала земского движения практически во всех губерниях поднимался вопрос о чрезмерности и разорительности расходов на заведения для душевнобольных. И основную борьбу психиатры вели теперь уже не с государственной психиатрией, а со своими земствами, которые финансировали их крайне неохотно. Как раз и увлечение строительством «колоний-гигантов» происходило во многом из-за иллюзии о самокупаемости колоний, где больные успешно работают в мастерских. Конфликты с чиновниками продолжались до начала XX века, тем не менее организаторы земской психиатрии благодаря своему подвижническому труду смогли создать систему помощи, приближенной к населению. Одним из таких крупных подвижников впоследствии стал наш герой. Работая в Бурашевской больнице, он лично наблюдал за становлением этой системы, ее сильными и слабыми сторонами.

В 1887 году состоялся Первый съезд отечественных психиатров. Наш герой принял в нем участие вместе со своим бывшим университетским шефом М. П. Литвиновым и В. И. Яковенко. Для российской психиатрии того времени мероприятие это было беспрецедентным и привлекло внимание медицинских работников разных специализаций. В большой аудитории Политехнического музея в Москве собралось 440 врачей, среди которых было 86 психиатров. На этом съезде помимо обмена опытом и обсуждения насущных проблем С. С. Корсаков предложил создать союз психиатров с соответствующим уставом. Предложение поддержали, правда, инициатива несколько застопорилась и учредительный съезд Союза психиатров прошел лишь в 1911 году, уже после смерти Корсакова.

Кащенко, разумеется, будет присутствовать на том съезде, но это произойдет почти четверть века спустя, а сейчас он еще молодой специалист, внимательно слушающий дискуссии старших коллег по поводу животрепещущих вопросов. Обсуждались проблемы устройства больниц, колоний и патронажа, законодательства в области охраны психического здоровья, олигофренопедагогики, лечения алкоголизма. С ярким докладом о проблемах нестеснения выступил С. С. Корсаков. В. П. Сербский вспоминал позже: «Первый съезд отечественных психиатров в Москве воочию показал, что русская психиатрия, впервые открыто учитывавшая свои наличные силы, по широко поставленным задачам, их основательной разработке и, может быть главное, по своим светлым и гуманным тенденциям достойна занять видное место в ряду соответствующих западноевропейских дисциплин».

Подобные съезды являлись наиболее представительными собраниями врачей дореволюционной России, они объединяли врачей всех

специальностей. Например, в том же 1887 году врачи из Бурашева, в числе которых был и наш герой, побывали на Втором Пироговском съезде в Санкт-Петербурге. Этот съезд был отмечен созданием специальной группы врачей, которая в последующие годы занималась сбором статистических материалов и сведений о состоянии земской медицины.

Помимо роста в основной профессии Бурашево дало Кащенко возможность и для дальнейшей реализации музыкального дарования. Он организовал кружок самодеятельности, в котором участвовали как больные, так и персонал. Устраивал концерты и увеселительные вечера, пел сам и аккомпанировал другим.

Погруженность в работу, как всегда, сочеталась у нашего героя с заботами о семье. Его мать покинула Ставрополь и перебралась поближе к сыну, поселившись на даче в Жолтикове, под Тверью. Это место было выбрано из-за близости Жолтикова монастыря, где она молилась постоянно и усердно. Близкие свидетельствовали, что даже спустя годы она так и не примирилась с потерей мужа и не могла успокоиться. В конце 1890-х годов она уехала в Иерусалим и писала оттуда детям письма, присылала иконки и молитвенники. Однако после 1917 года связь с ней прекратилась. Со слов ее внука Константина Борисовича, племянника нашего героя, она будто бы стала настоятельницей в одном из монастырей Святой земли, где и скончалась. В Бурашеве выросла и семья самого Петра Петровича. В 1888 году родилась его дочь Евгения. В будущем она пойдет по стопам отца и станет психиатром.

Казалось бы, для нашего героя сложилась ситуация, о какой можно только мечтать. Однако бурашевская идиллия не просуществовала долго, в нее вмешалась революция. События, потрясавшие Россию в те годы, находили отклик даже на задворках Тверской губернии. И неудивительно: врачебный персонал, работавший в такой передовой клинике, конечно же, разделял прогрессивные идеи, в том числе политические. Многие врачи Бурашева оказались убежденными противниками монархии. Эти революционно настроенные сотрудники часто собирались в «увеселительном зале» лечебницы вместе с главным врачом М. П. Литвиновым. Председательствовали на антиправительственных собраниях родной брат Феликса Дзержинского Владислав и врач женского отделения Е. Я. Снисаренко.

Знали ли власти об этом «гнезде» вольнодумства? Несомненно. В документах жандармского управления неоднократно писалось, что Бурашевская колония — один из политических центров Тверской губернии. Больница находилась под постоянным надзором полиции. В 1887 году

Александру III подали докладную записку со сведениями о лечебнице и ее сотрудиниках. Царь наложил резолюцию «Компания не особенно надежная». В подобной ситуации могла бы помочь поддержка местных властей, но, к сожалению, с тверским губернатором отношения у Литвинова тоже не складывались. До поры до времени авторитет и известность главного врача позволяли ему сохранять независимость, но со временем под давлением тверских чиновников он был вынужден оставить свой пост. В знак солидарности с ним больницу покинули и многие ординаторы (Р. Н. Ванновский, В. М. Бяшков, М. П. Глинка, П. И. Тукалло).

Труды Литвинова не прошли бесследно. Бурашевская колония стала образцом для других подобных учреждений, а опыт создания таких колоний вообще сложно переоценить. Такие колонии-лечебницы представляли собой своеобразный промежуточный этап между лечением в больнице и жизнью в обычном обществе. Подобная система возвращения больных к нормальной жизни через труд была прообразом форм реабилитации в психиатрии, которые появились в дальнейшем.

Для Кащенко уход из больницы главного врача Литвинова и нескольких его последователей явился сигналом к поиску другого места работы. Без своего костяка Бурашевская колония уже не являлась больше флагманом зарождающейся отечественной психиатрии. К тому же, получив за четыре года работы огромный опыт, в том числе организационный, Петр Петрович мог претендовать на руководящую должность. Почему он не получил ее в Бурашевской больнице? Опасался оставаться в «неблагонадежной» конторе, а может, наоборот, хотел показать таким образом солидарность с бывшим шефом? Вероятно, на эту вакансию просто нашлись другие люди, имеющие связи в губернской администрации.

Но у Кащенко тоже были полезные знакомства и авторитетные друзья. Спустя совсем немного времени после исчезновения больничного «революционного кружка» он получает рекомендацию на должность заведующего психиатрическим отделением в Нижегородской земской больнице. Рекомендацию эту дал его казанский шеф Л. Ф. Рагозин, который на тот момент уже стал директором медицинского департамента Министерства внутренних дел. А собственно приглашение поступило от университетского друга Кащенко Сергея Яковлевича Елпатьевского, того самого основателя партии народных социалистов, с которым наш герой познакомился в нелегальной читальне. Арестованный и сосланный в Сибирь в 1882 году, Елпатьевский как раз недавно вернулся из ссылки и по примеру многих революционеров-медиков решил приносить пользу народу

не агитацией, а личным вкладом в развитие здравоохранения.

Кащенко ухватился за возможность профессионального и карьерного роста и начал готовиться к переезду.

Глава восьмая. Желтый городок

«— Какие-то чудные у вас на селе мужики, — проговорил бородатый крестьянин, показывая своему товарищу на группу людей, идущих с удочками в сторону речки.

— Да это и не мужики вовсе. Это же из сумасшедшего дома, на рыбалку идут, — ответил тот.

— Как? Неужто сбежали? — удивился приезжий.

— Куда там! Теперь у них доктор новый! На цепочку к стенам их больше не привязывает. Наоборот, тех, которые тихие, в деревню выпускает. И даже в дом к себе зовет — на пианине им играет, а они песни с ним хором поют. И ведь не боится! А у самого жена и четверо детей. Сыновья младшие махонькие еще совсем! А у сумасшедших этих тут все как у людей — вон, видишь, теплица. Там и огурчики, и помидоры — все честь по чести! Сами сажают, сами поливают. А некоторые и вовсе на селе живут, прямо здесь, в Кубинцево. Мужики их в дом берут, а доктор за это деньги платит. А сумасшедшими он их звать не велит, говорит, они больные просто. Вот такие у них в медицине теперь методы. Что, не веришь? Точно тебе говорю! Врача нашего, Петра Петровича Кащенко, во всей Нижегородской губернии знают! Больные его страсть как любят!»

Небольшой фрагмент статьи «Странный доктор» автора еженедельника «Аргументы и факты» Ольги Тумановой правдиво рисует яркий и плодотворный итог работы нашего героя на первом руководящем посту в его жизни. Но реальность, изображенную на этой доброй и живой картинке, Петру Петровичу пришлось создавать с нуля в течение многих лет тяжелого и кропотливого труда. Ведь психиатрическое отделение Нижегородской больницы досталось ему в состоянии, мягко говоря, плачевном.

Душевыми болезнями в Нижнем Новгороде начали заниматься довольно давно — в 1837 году. Тогда в Нижегородской губернской земской — ее еще называли Мартыновской — больнице появилось 30 коек для душевнобольных. Очень скоро этого стало не хватать, в отделении порой скапливалось до ста человек и это при отсутствии водопровода и канализации. Ужасный смрад и теснота усугубляли и без того тяжелое психическое состояние пациентов, но власти закрывали глаза на эту проблему. Лишь через четыре десятилетия, в 1878 году по ходатайству старшего врача больницы Д. А. Венского было выделено 60 тысяч рублей

на строительство нового здания. Спустя шесть лет решением Нижегородского земского собрания к этой сумме добавили еще 101 тысячу. Наконец в 1888 году по проекту И. В. Штрома построили два корпуса, мужской и женский, с водопроводом, канализацией, печным отоплением и электричеством. Конечно же, в новую психиатрическую больницу требовался руководитель — не только опытный профессионал, но и активный организатор. Кащенко подходил по обоим пунктам. Назначение его на должность заведующего отделением произошло быстро и без предварительного согласования с нижегородским губернатором и жандармским управлением, на что, кстати, департамент полиции вскоре и указал.

В феврале 1889 года Петр Петрович с женой, восьмилетним сыном Борисом и грудной дочерью Евгенией прибыл в Нижний Новгород, где ему предстояло провести целых 15 лет. Перед вступлением в должность Кащенко встретился со своим университетским товарищем Сергеем Елпатьевским, который тогда работал врачом в Обществе вспоможения частному служебному труду. К тому времени он уже был известен в городе как врач-общественник и литератор. Елпатьевский предупредил Кащенко, что работа предстоит нелегкая, потому что психиатрическая служба в городе находится в полном расстройстве.

Наш герой убедился в этом уже во время знакомства с заведением, в котором ему предстояло работать. К приезду Кащенко старые флигели уже отремонтировали, два новых здания построили и вроде бы подготовили к размещению больных. Но после осмотра помещений новый заведующий нашел, что «они не во всех своих частях соответствовали требованиям современной психиатрической науки и практики». Коллега Кащенко П. Д. Трайнин вспоминал, что после образцовой колонии в Бурашеве больничные корпуса в Нижегородской больнице показались Петру Петровичу мрачными. Новые, пока еще пустые корпуса выглядели более современно и были лучше оснащены, но все отделение даже отдаленно не напоминало современное, по мнению Кащенко. «Психиатра не было там, а заведовал больницей один из врачей соматической больницы, изредка посещавший ее. Больные всецело были предоставлены служительскому и надзирательному персоналу, совершенно не приспособленному к уходу за душевнобольными. О каком-либо лечении не было и речи. Меры стеснения применялись в широких размерах»^[19]. Один из членов управы, присутствовавший на осмотре, сообщил, что еще в 1878 году они заметили, что «в этом заведении не только нельзя вылечить больного от сумасшествия, но что оно включает в себе все данные для окончательного

умственного убийства человека»^[20].

Автор книги «Доктор Кащенко» Зинаида Михайловна Агеева, создавшая в музее Психиатрической клинической больницы № 1 им. Н. А. Алексеева в Москве уникальную коллекцию материалов о нашем герое, опубликовала яркие воспоминания его родственников. Первый визит Петра Петровича в Нижегородскую больницу описан очень подробно: «В сопровождении надзирателя и служителей Кащенко начал обход в мужском отделении. Многие больные находились в коридоре и ходили взад-вперед с отрешенным выражением лица, занятые своими мыслями. Некоторые были в смиренных рубашках с завязанными рукавами. Одна группа больных сразу же окружила его. Они стояли около него в своих длинных халатах-балахонах, как дети возле своей матери, с надеждой в глазах, и наперебой торопились высказать накопившиеся мысли. А он слушал их внимательно и отвечал с серьезностью на все их вопросы, даже самые нелепые. Из коридора Кащенко прошел в изолятор, служивший для содержания наиболее опасных больных. То, что он там увидел, вызвало у него настоящий шок. На полу лежал скованный наручниками и прикованный к полу крупный мужчина с затравленным и одичавшим взглядом. Петр Петрович считал насилие над душевнобольными преступлением против личности и потребовал немедленно снять с больного цепи и наручники. Но никто не решался приблизиться к нему, а надзиратель предупредил, что это крайне опасный, агрессивный больной, который нанес тяжкие побои смотрителю, и что подходить к нему близко нельзя. Но Петр Петрович взял у служителя ключи от цепей и наручников и сам начал их снимать. Ему стал помогать один из служителей, а остальные с ужасом ждали последствий. Но произошло то, чего никто не ожидал. Больной размял онемевшие члены и, повалившись внезапно под ноги Петру Петровичу, заплакал, то ли от своего унижения, то ли от радости за неожиданное освобождение»^[21].

После обхода Кащенко вызвал к себе в кабинет опасного больного и ознакомился с его карточкой. Это оказался дегенерат-алкоголик по фамилии Евлогов, ловкий, смелый и находчивый человек. Попав в больницу, он быстро приобрел влияние не только среди больных, но и среди младшего персонала, благодаря чему добывал водку и напивался, становясь для всех кошмаром. Из чувства мести он нанес удар надзирателю самодельным колющим оружием, дело было передано в окружной суд, и с тех пор Евлогов находился в больнице на принудительном лечении по 95-й статье, как совершивший преступление в припадке болезни. В процессе беседы

Кащенко подробно ознакомился с биографией пациента: тот происходил из мещан, работал и кузнецом, и слесарем, и плотником, и землепашцем и вообще отличался трудолюбием и позитивным отношением к жизни, несмотря на вспышки агрессии, которые проявлялись в состоянии опьянения.

Как пишет З. М. Агеева, больной был обезоружен добротой и участием врача и с готовностью согласился помогать ему в обустройстве мастерских. Состояние Евлогова стало стремительно улучшаться, а через некоторое время его даже сочли возможным выписать. В следующем, 1890 году в кабинет Петра Петровича вошел прилично одетый мужчина, выложивший на стол кусок деревенского сала и домашние заготовки овощей. Это был недавний «опасный больной», который приехал поблагодарить Петра Петровича за лечение и сообщил, что чувствует себя нормально, работает и содержит семью. Он согласился остаться на месяц, чтобы «закрепить лечение» и помочь в больничном хозяйстве. В последующие годы Евлогов вел абсолютно нормальную жизнь, даже занимал ответственные должности в разных местах, но неизменно приезжал в психбольницу раз в год или как только чувствовал какую-то перемену в настроении. Достаточно было недели в стенах отделения, чтобы к нему вернулась уверенность в своем психическом здоровье. Подобные курсы реабилитации Евлогов получал все 15 лет, пока там работал Кащенко, и даже после отъезда врача, уже будучи стариком, он продолжал регулярно посещать лечебницу.

Этот случай далеко не единичен в практике нашего героя. Он успешно находил язык с любыми, самыми страшными и буйными пациентами. Порой это пугало его коллег, особенно представителей младшего персонала, которые были уверены, что доктор Кащенко владеет гипнозом. В его гипнотические способности верили даже родственники. Возможно, нечто подобное действительно имело место, но больные любили Петра Петровича по другой причине. Его всегда отличало человеческое отношение к своим пациентам. Для него было неприемлемо ущемление прав и ухудшение условий жизни целой группы людей только за то, что они тяжело больны. Поэтому, конечно же, заняв пост заведующего, он тут же начал бороться с несправедливостью. Первым шагом стала замена мрачных оконных решеток на рамы с более прочным стеклом. Двери в палаты больше не запирали, в вестибюле повесили шторы и картины. Больничные помещения проветрили и высушили, а после получения ссуды из городской казны заменили постельное и нательное белье. У каждого больного появились пуховые подушки с двумя одеялами. Некоторые корпуса, по бурашевской традиции, переоборудовали под мастерские, чтобы проводить

трудовую терапию. Не забыл новый заведующий и про развлечения больных — для этой цели купили «волшебный фонарь» и стереоскоп.

И снова наш герой занялся художественной самодеятельностью в терапевтических целях и, конечно, сам охотно принимал участие в музыкальных посиделках — пел и играл на фортепиано. В больницу закупили струнные музыкальные инструменты, стали устраивать вечера, на которые приглашали родственников больных. На территории разбили сад и огород, стали проводиться прогулки и устраиваться праздники. Кащенко подчеркивал, что свобода — это не вседозволенность, она должна быть ограничена пределами больничного режима. Для трудовой терапии он отбирал больных после предварительной беседы, учитывал психическое, физическое состояние, профессию, интересы — и все это для того, чтобы труд был не просто занятостью, а лечебным фактором, отвлекающим больных от болезненных переживаний. По опыту, приобретенному в Бурашевской колонии, он знал, что правильно подобранные трудовые процессы позволяют побороть заторможенность и агрессию и даже повлиять на бредовые идеи.

Одной из важных задач Петр Петрович считал выделение психиатрического отделения Нижегородской больницы в отдельное медицинское учреждение. Уже через месяц после своего назначения, в марте 1889 года он писал В. И. Яковенко: «Товарищества и коллегиальности в общей больнице нет и следа. Все перессорились друг с другом, с администрацией и отчасти с Земством. Ввиду таких отношений я особенно резко поставил вопрос о полном выделении лечебницы, и после некоторой борьбы это сделалось свершившимся фактом»^[22]. Но не только сложные взаимоотношения между докторами и администрацией вынуждали Кащенко требовать обособления психбольницы. Количество душевнобольных постоянно увеличивалось, одного модернизированного отделения уже явно не хватало. Местная пресса отображала ситуацию довольно цинично. «Сумасшедших в Нижнем девать некуда», — писали в «Нижегородских губернских ведомостях» в 1898 году.

Для того чтобы обоснованно спланировать и организовать психиатрическую помощь в Нижегородской губернии, наш герой предпринял перепись душевнобольных. В мире подобная практика только начиналась. Первую в истории попытку осуществили в Швейцарии в 1870 году, позднее к опыту швейцарских врачей присоединились коллеги из других стран Европы. В России до Кащенко этим никто не занимался.

Перепись провели в восьми уездах губернии из одиннадцати, активное участие в ней принимал заведующий статистическим бюро при

Нижегородской губернской земской управе Н. Ф. Анненский (который, заметим, в ранние годы неоднократно был арестован и побывал в ссылках за участие в революционных движениях). Результаты переписи были опубликованы в «Статистическом очерке переписи душевнобольных в Нижегородской губернии» в 1895 году. Именно на них опирался наш герой, чтобы обосновать необходимость открытия еще одного лечебного учреждения для душевнобольных. Он считал, что им должна стать больница-колония. Кроме того, Петр Петрович доложил результаты своих статистических исследований в Московском обществе невропатологов и психиатров. Именно с того времени он становится известным и приобретает авторитет среди представителей российской психиатрической науки.

Активные действия Кащенко возымели успех: губернское собрание приняло решение о строительстве новой психиатрической лечебницы за городом. Однако строительство затормозилось в связи с отсутствием средств. Петр Петрович обратился за помощью к купеческому собранию и получил необходимую помощь: почетная гражданка Нижнего Новгорода М. И. Бочкарева сделала первый взнос в пять тысяч рублей, значительную сумму пожертвовали предприниматели Рукавишниковы, причем один из братьев приобрел в деревне Ляхово в восьми километрах от городской черты участок земли площадью в 50 десятин для строительства больницы, а купец Н. А. Бугров взял на себя расходы на строительство отдельного корпуса. Общая сумма пожертвований составила 57 тысяч рублей.

Собрать такую сумму — уже огромный труд. Едва ли не больше сил и интеллектуальных ресурсов требуется при составлении и утверждении проектов, на которые собирались средства. В подобных делах наш герой активно участвовал. При этом он находил время лично общаться с многими и многими пациентами, помнил их истории болезни, стараясь поддержать каждого. Требовала внимания и его собственная семья, которая постепенно разрасталась. За время, проведенное в Нижнем Новгороде, Петр Петрович стал отцом четверых детей, у него родились еще два сына — Петр и Юрий. Наличие малышей в XIX веке при отсутствии антибиотиков и многих других изобретений, облегчающих, а порой и сохраняющих жизнь, само по себе уже предполагает постоянный стресс. А ведь наш герой помимо забот о собственной семье продолжал чувствовать ответственность за своих младших братьев и сестер. Те же далеко не всегда способствовали спокойной жизни.

Пожалуй, наиболее духовно близким Петру Петровичу был брат Всеволод. Так же, как и Петр, он выбрал медицину. И не просто медицину,

а именно психиатрию, правда, немного другую ее разновидность: он специализировался по детским психическим отклонениям. Причем это направление старший брат подсказал младшему. В 1893 году Петр Петрович стал председателем Общества попечения о малолетних преступниках. Благодаря его активной деятельности на средства, полученные от Министерства юстиции, и частные пожертвования удалось расширить колонию для малолетних преступников, построить новое здание и мастерские, подобрать подходящий штат воспитателей и учителей. Наш герой часто посещал колонию, вникал во все нужды находящихся. Скорее всего, именно тогда у него появилась мысль о создании для физически и психически неполноценных детей специальных школ. Эту идею он пересказал брату и предложил ее реализовать. Всеволод Петрович вдохновился, и результатом его деятельности стало открытие в Москве уникальной школы-санатория для дефективных детей.

Конечно, старший брат был кумиром для Всеволода, а кумирам часто подражают. Может быть, дело и не в этом, а Всеволод просто был похож на Петра характером. Так или иначе, но пути братьев оказались похожими. Как и Петр, Всеволод поступил в Московский университет и также увлекся революционной деятельностью. В ноябре 1894 года наш герой получил известие из Москвы: его брата исключили с четвертого курса за участие в составлении петиции императору Николаю II. В петиции студенты, общее число которых составляло 52 человека, просили разрешить самоуправление и свободу слова, а также открыть дешевую студенческую столовую.

Как пишет в своей книге З. М. Агеева, «3 декабря 1894 года у него (Всеволода) был произведен обыск, найден полуобгоревший отчет нелегального Красного Креста. Он был посажен в Бутырскую тюрьму, а потом отправлен в ссылку в Торжок Тверской губернии. 24 профессора Московского университета, среди которых были крупные ученые — Сеченов, Тимирязев, Корсаков, Кожевников, Остроумов, Эрисман, — написали письмо министру народного просвещения Делянову с просьбой о помиловании студентов. Но их вмешательство посчитали неуместным. В ответе значилось: „Содержание просьбы профессоров, поданной во время брожения студентов, может быть воспринято как осуждение университетских порядков“. Многие профессора получили выговор, а Эрисман исключен из состава профессоров университета и уехал за границу». Нет точных данных об участии Петра Петровича в помощи брату, но кто-то явно помог Всеволоду. Уже через год провинившемуся студенту разрешили продолжить образование в Киевском университете.

Кажется, что кроме рабочих проектов и семейных забот ничего бы уже

не поместилось в насыщенный график нашего героя. Но кипучая натура этого выдающегося человека требовала большего. Он успевал принимать активное участие в общественной и культурной жизни Нижнего Новгорода. Например, через год после своего приезда, в 1890 году Кащенко стал посещать «субботы» у поэтессы Анны Дмитриевны Мысовской (1840–1912). Туда его привел все тот же давний университетский друг Сергей Яковлевич Елпатьевский, который устроил ему приглашение в Нижегородскую больницу. Вечера Мысовской собирали всю нижегородскую интеллигенцию. Там наш герой познакомился с Владимиром Короленко, к тому времени уже известным писателем, автором нашумевшего рассказа «Сон Макара», там же происходили встречи Петра Петровича с Алексеем Максимовичем Пешковым, еще не пустившим в народ свой литературный псевдоним Максим Горький. На сей раз общение этих двух выдающихся людей не подлежит сомнению, оно подтверждено документально. В неопубликованном письме Д. Г. Довинеру жена Горького Е. П. Пешкова сообщала: «Во время жизни в Новгороде мы дружили с Петром Петровичем Кащенко — психиатром, были знакомы с М. Г. Фальком и Трайниным, тоже психиатрами».

Пешков приехал в Нижний одновременно с Кащенко в 1889 году и работал разносчиком кваса, а затем письмоводителем у местного адвоката. С нашим героем у него сложились приятельские отношения, а объединяла их, судя по всему, любовь к «народной» литературе. Вместе они с восторгом читали и слушали новые рассказы В. Г. Короленко — завсегдатая демократического салона Анны Мысовской. Кащенко наблюдал за становлением литературного дарования Горького, а позже, когда тот вернулся в город после двухлетнего путешествия по России, стал свидетелем яркого успеха его первых рассказов.

Нижний Новгород дал молодому психиатру практически все, что нужно для всестороннего развития, — обширное поле профессиональной деятельности, общение с интересными людьми, хорошие условия для проживания его семьи. Но не все 15 лет были спокойными и безоблачными. Спустя год после приезда нашему герою и его семье пришлось пережить настоящее бедствие. 1890 год в Нижегородской губернии выдался крайне неурожайным, это повлекло за собой голод, последствия которого чувствовались даже в 1892 году. Пострадало всё Поволжье. Городские власти предпринимали срочные меры по спасению населения, но это решало проблему лишь отчасти. Цены на хлеб непрерывно росли, в употребление вошли лепешки из чечевицы и лебеды.

15 января 1892 года в голодающую губернию отправился даже Антон

Павлович Чехов, чтобы помочь своему приятелю, земскому начальнику Е. П. Егорову, спасти народ от голодной смерти. «Голод газетами не преувеличен. Дела плохи. При мне на 20 тысяч человек было прислано из Петербурга 54 пуда сухарей», — напишет Чехов в письме А. С. Суворину, а в своей записной книжке отметит, что «вчера на рынке в селе Константиново была мука 1 рубль 60 копеек». Это баснословная цена по тому времени: продукты питания, особенно хлеб, стоили непомерно дорого. Чехов понимал, что, продавая до последней нитки свое жалкое имущество, голодающие действительно не могли прокормиться. «Праздников не празднуют, — занес Чехов в записную книжку, — не поют».

Кащенко и Елпатьевский приняли деятельное участие в борьбе с голодом. Наш герой спасал от голода больницу как мог: расширил огородное хозяйство, доход от продажи продукции лечебных мастерских использовал для закупки хлеба. Последствия неурожая удалось побороть, но злключения на этом не прекратились. В 1892 году на город обрушилось новое бедствие: из Астрахани прибыл пароход, на котором оказался больной холерой буфетчик. Болезнь быстро превратилась в эпидемию, стали вымирать целые семьи. Ежедневно вывозили сотни трупов, началась паника. Власти города вновь мобилизовались: открылись пункты первой медицинской помощи, устроили холерные бараки с круглосуточным дежурством медицинского персонала. Параллельно в народе распространялись самые невероятные слухи — говорили, что иностранцы подкупили врачей, те отравили воду в Волге и живьем закапывают людей в могилы. Будто бы видели, как на кладбище везли человека, обсыпанного известкой, а он кричал и звал на помощь. Сплетники восстанавливали население против врачей и сеяли дополнительную панику. В городе издали даже специальный указ о смертной казни за подстрекательство. После этого ситуация накалилась еще больше, а слухи, конечно, не поубавились.

Для медицины наступили черные дни. Врачей в дома к больным не впускали, их преследовали, избивали, были даже случаи убийства. Медицинским работникам приходилось скрывать свою профессию и пробиваться к заболевшим под видом чиновников. Свои семьи доктора, опасаясь погромов, укрыли на пароходе, который стоял у пристани. Там спасалась и семья Елпатьевского, а сам он вместе с Кащенко и другими коллегами работал без выходных почти круглосуточно — они выявляли заболевших, направляли в холерные бараки, проводили санитарную обработку помещений.

Петр Петрович предпринял строгие профилактические меры и в своей

лечебнице. В каждом отделении установили по два чана с хлорной известью для мытья рук, помещения окуривали можжевельником, при малейшем подозрении на жидкий стул больных изолировали. В результате больница выстояла, в ней были отмечены лишь единичные случаи холеры. Правда, возросло количество обращений к Кащенко по его специальности. На почве страха перед заболеванием закономерно участились случаи невротических расстройств среди горожан. Елпатьевский даже показал Кащенко одного больного, который имитировал холерные судороги. К зиме 1893 года эпидемия, наконец, пошла на убыль и Кащенко смог вернуться к своей обычной работе.

Прошло пять лет, и в 1898 году земство оплатило Петру Петровичу поездку в Европу для изучения заграничного опыта организации психиатрической помощи. Всего за три месяца он посетил 14 психиатрических больниц в Англии, Шотландии, Бельгии, Франции и Германии. Он был за границей не впервые: в 1894 году вместе с Елпатьевским предпринял поездку в Париж, где ознакомился с устройством городских и сельских больниц и домов призрения. По возвращении он начал работать над планом загородной колонии, которую позже возвели в Ляхове. Будучи в командировке, Петр Петрович на три дня останавливался в Москве у брата Всеволода. Там он встречался с профессором С. С. Корсаковым и А. Я. Кожевниковым, заведующим Преображенской психиатрической больницей В. Р. Буцке и давним товарищем В. И. Яковенко, который возглавил недавно построенную Покровскую психиатрическую больницу Московского губернского земства (в наше время эта больница недалеко от города Чехова носит его имя). Он также советовался с ними по поводу устройства будущей колонии для душевнобольных.

Нетрудно догадаться, что интересовало его в организации психиатрической помощи за рубежом: сама география путешествия говорит, что нашего героя привлекали идеи «нестеснения» и «открытых дверей», различные формы патронажа. Стоит отметить, что Петр Петрович, готовясь к протяженной командировке, выучил английский язык, французским и немецким в то время он уже владел. По возвращении из-за границы Кащенко издает в 1900 году трехтомный труд со своими замечаниями о поездке — «Отчет по осмотру психиатрических учреждений в Западной Европе и России». Эта книга вызвала широкий интерес среди земских психиатров. В этом отчете Кащенко формулирует принципы организации психиатрических учреждений.

Первой и главной целью всех общественных мероприятий по

признанию душевнобольных должно быть поставлено благо самого больного, а интересы общественной безопасности могут учитываться только при обсуждении практического осуществления формы признания.

При оказании психиатрической помощи в большинстве случаев нарушается один из основных элементов, составляющих понятие «благо больного», а именно — индивидуальная свобода. Поэтому в основу всех организационных мероприятий должен быть положен принцип сохранения индивидуальной свободы больных.

Другие важные стороны понятия о благе больного — забота о сохранении жизни, о скорейшем и полном выздоровлении, об удобствах обстановки и условиях содержания — все это и многое другое является задачами второго порядка, решение которых определяется материальными возможностями.

Современная психиатрия отдает предпочтение больничной форме оказания помощи, исходя из приоритета общественной безопасности. Однако для значительного числа больных больница не является показанной лечебной мерой. Для многих хронических больных стационарное содержание не только не полезно, но и вредно, и пребывание в учреждении такого рода негативным образом сказывается на их психическом состоянии. В известной мере это относится к свежезаболевшим и «острым» больным.

Наоборот, благотворным для значительного числа психически больных является нахождение в «здоровой среде».

Последний пункт показывает, что Кащенко считал наиболее прогрессивной формой психиатрической помощи патронаж душевнобольных. Сегодня идея «здоровой среды» успешно развивается в инклюзивном обучении детей с особенностями, но тогда, в конце XIX века, она выглядела довольно необычно.

Нельзя сказать, что именно наш герой придумал или ввел в практику этот метод. В России к тому времени уже имелся небольшой опыт подобного «инклюзива». Активным сторонником патронажной системы был С. С. Корсаков, а первые опыты организации патронажа делал Н. Н. Баженов, сначала в Рязанской психиатрической больнице, а позже в селе Семеновском под Москвой. Посемейное признание бытовало в Екатеринославской губернии, Кащенко специально ездил туда изучать, как идея работает на практике. Свои наблюдения он потом осмыслил и упорядочил.

Наиболее оптимальным местом для реализации этого метода Петр Петрович называет небольшие уездные городки, не слишком удаленные от больницы и не имеющие развитой промышленности и торговой жизни. Он

отдавал предпочтение так называемому «патронажу у чужих», потому что сожителство с родными лишь в редких случаях оказывается полезным для больного. Собственно, такая увлеченность нашего героя «инклюзивной» психиатрией имела под собой не только научные мотивации, но и сугубо практические. Требовалось как можно быстрее преодолеть недопустимую перенаселенность Нижегородской лечебницы, пока продолжались сбор средств, планирование и строительство колонии в Ляхове. Кащенко полагал, что при налаженной системе патронажа больница может разгрузиться за счет хронических больных почти наполовину.

Местом для устройства патронажа Петр Петрович выбрал уездный город Балахну в 30 километрах от Нижнего Новгорода. Получилось это нелегко и не сразу — Балахнинская городская дума посчитала размещение в семьях душевнобольных опасным, из-за чего пришлось разместить в Балахне лишь приемный покой, а патронаж — в соседнем селе Кубинцево.

Больных в патронажные семьи Кащенко отбирал лично вместе с ординатором И. И. Захаровым. Брели таких, которые не только отличались безобидным нравом, но и могли помогать хозяевам в домашней работе. З. М. Агеева подробно описывает один из примеров: «19-летняя девушка с врожденным умственным недоразвитием и старушка со снижением интеллекта были определены в одну семью. Хозяевам выдали одежду и постельные принадлежности для больных, а те обязались предоставить им угол в доме и пропитание. Больница стала платить им по 6 рублей в месяц на каждую больную. В другую семью поселили двух добродушных слабоумных стариков на тех же условиях. Вскоре хозяева убедились, что держать у себя патронажных больных очень даже выгодно, тем более плату вскоре еще и повысили — до 8 рублей в месяц. Больных регулярно посещал врач Захаров и надзирательский персонал, а также „няньки и дядьки“».

Новая система стала прочно завоевывать место в жизни губернии. После удачного первого опыта в Балахне построили здание приемного покоя, больницу на 30 мест. В нее переводили больных из Нижегородской больницы для расселения по семьям. Если состояние больного, находившегося в патронаже, ухудшалось, его кратковременно помещали в больницу в Балахне, а по улучшении состояния он вновь возвращался в патронаж. Количество больных в патронаже уже через год достигло почти 400 человек. 2 января 1900 года в приемном покое в Балахне для больных и кормильцев была устроена новогодняя елка с угощением.

Таким образом, может, и не быстро, но психиатрическая помощь в Нижегородской губернии все же развивалась, переходя на новый уровень.

Особенно памятным и радостным для Петра Петровича стало 16 сентября 1899 года. В этот день произошла закладка первого камня колонии в Ляхове. Проект колонии создал архитектор П. П. Малиновский в соответствии с пожеланиями Кащенко. За образец он взял устройство саксонской больницы для душевнобольных «Дворянское поместье Альт-Шербитц», находившейся рядом с Лейпцигом. Во время своей командировки в Германию Петр Петрович досконально изучил это учреждение, составив детальный план местности с указанием размещения зданий и поэтажных планов основных корпусов.

Собранных средств оказалось достаточно для начала строительства. Первую очередь строений открыли 10 февраля 1901 года — это были два павильона на 50 спокойных мужчин и 30 спокойных женщин. Внутреннее расположение помещений повторяло планировку все той же больницы «Альт-Шербитц». В центре павильона расположили столовую и зал, вокруг которых группировались спальни, буфет, гардероб, туалеты и ванны. В каждом корпусе имелись изолятор, кабинет врача и комнаты для свиданий с посетителями. Интерьер максимально напоминал домашний: стены покрасили «под дуб», в залах висели картины, зеркала, часы, в комнатах стояли венские стулья, деревянные крашенные табуретки, деревянные диваны и полированные столы.

Кроме того, на территории возвели хозяйственные постройки, разбили красивый парк, подвели водопровод, соорудили канализацию и водяное отопление. Из больницы в городе было переведено 157 больных с хроническим течением заболевания. За три года Петру Петровичу удалось найти финансирование для строительства второй очереди строений: на территории появились еще несколько павильонов для больных, квартиры для служащих, здание лечебно-трудовых мастерских. Также развернулось обширное хозяйство с животноводческой фермой, полями для посевов, огородом, садами. Увеличивался и штат колонии; поначалу из врачей там работал только П. П. Шафранов, которого Кащенко назначил заведующим колонией, позже к нему присоединился М. Л. Фальк.

Конечно же, наш герой организовал в новой больнице-колонии художественную самодеятельность высокого уровня. В ней участвовали пациенты, персонал, сам заведующий и члены его семьи. Летом для больных стали устраивать пикники с чаепитием и закуской на берегу Оки в двух километрах от Ляхова. Кащенко все делал с размахом: если семейный патронаж больных, то сразу на сотни человек, если хозяйство — то на нескольких гектарах. Благоустраивая помещения для больных, Петр Петрович улучшал и быт сотрудников: добился увеличения жалованья,

помог с бытовым устройством. Постепенно ему удалось поднять престиж Ляхова. В 1904 году, когда Кащенко покинул Нижний Новгород, эта сельская колония для реабилитации душевнобольных считалась одной из лучших в России. А сам Петр Петрович, создавший впервые в России поэтапную систему психиатрической помощи, стал популярен в профессиональной среде. Психиатры приезжали в Нижний Новгород учиться на месте, а самого Кащенко приглашали для консультаций по организации психиатрической службы в Московскую, Рязанскую, Харьковскую, Симбирскую и другие губернии. Он выступал с докладами на губернских земских собраниях, съездах врачей, Пироговских съездах. Многих врачей привлекла его система организации:

психиатрическая больница с отделениями для лечения острых состояний в Нижнем Новгороде;

больница-колония в Ляхове для лечения хронических больных;

семейный патронаж для выздоравливающих и хронических психических больных.

Кащенко охотно делился своими наработками. Для повышения уровня среднего и служительского персонала он организовал краткие курсы, на которых преподавал основы ухода за душевнобольными. Помимо медицинских он преподавал там и общеобразовательные науки на уровне двух начальных классов обычной школы. Это пришлось сделать, поскольку младший персонал больницы был почти полностью неграмотным за редким исключением. В последние годы своего нижегородского периода Кащенко открыл специальный профессиональный кружок, на котором делались доклады не только по психиатрии и неврологии, но и по другим медицинским дисциплинам. Правда, выступить с докладом в Ляховской колонии мог далеко не каждый служитель медицины. Не так-то просто было получить приглашение людям «со стороны». По воспоминаниям выпускника медицинского факультета Московского университета, а кроме того, революционера и советского партийного деятеля С. И. Мицкевича, Петр Петрович «подбирал персонал под стать себе: М. Фальк был партийным эсером, П. Д. Трайнин числил себя анархистом, И. И. Захаров — беспартийным демократом»^[23].

Кстати, эта избирательность нашего героя многим казалась подозрительной, поэтому время от времени на него писали доносы относительно его революционно-демократических связей — и это несмотря на положительную оценку его врачебной деятельности. Сохранились некоторые образцы подобного жанра: «Прислуга без ведома врача Кащенко не решается допускать членов полиции в больницу, а сам

Кащенко не разрешает видеть гласных поднадзорных потому, что появление полицейского мундира может будто бы повлиять на ухудшение здоровья больных. Кроме того, в продолжение зимы и лета под предлогом поправления здоровья больных в той же психиатрической больнице по распоряжению врача Кащенко устраивались танцевальные вечера, на которые допускались по билетам только те лица, которые знакомы Кащенко и больничной прислуге. Все это вместе взятое не может не навести на подозрение, что врач Кащенко вполне сочувствует деятельности социалистов и дает им возможность укрываться у себя в больнице, видаться с кем надо и тем самым освобождает от всякого надзора со стороны полиции».

Подобные донесения периодически омрачали жизнь нашего героя на протяжении очень долгого времени. Именно они дали повод советским биографам говорить о Кащенко как о профессиональном революционере. И действительно, шли десятилетия, а он по-прежнему сочувствовал участникам демократических движений, со многими встречался: в их числе марксисты П. Н. Скворцов, М. Г. Григорьев, Я. М. Свердлов, позже он знакомится с будущими наркомздравами М. Ф. Владимирским и Н. А. Семашко. И, как говорят, нет дыма без огня. Известен факт, что в 1895 году доктор Кащенко выдал известному революционеру Аполлону Карелину документ о том, что тот находится в его больнице и не может явиться в Вологодский окружной суд, где должно было разбираться его дисциплинарное дело как адвоката. Благодаря этому документу дело не было рассмотрено в течение шести месяцев и оказалось прекращено. Отчет о дисциплинарном проступке министр юстиции России Н. В. Муравьев не получил, и Карелин не был исключен из рядов адвокатуры.

При этом революционной деятельностью Кащенко в данный период совершенно точно не занимался. Каждым человеком движут определенная мотивация и желание реализоваться в совершенно определенной области. Для Петра Петровича созидание оказалось гораздо важнее разрушительного революционного процесса. Он перестал быть революционером, но тот факт, что ему это продолжали приписывать, является ключом к пониманию его характера. Важнейшей чертой его личности была независимость, видимо, унаследованная от казачьих предков. Причем она никогда не выражалась через мелочные конфликты, но лишь через силу убежденности в своей правоте и ощущения своей профессиональной ценности, что давало ему возможность игнорировать внешние обстоятельства. В то же время после своего московского провала Петр Петрович научился хорошо чувствовать ту грань, за которую

переступать нельзя. Поэтому, несмотря на все попытки доносчиков, а также обиды медиков, не попавших в его компанию, ему все сходило с рук.

Еще одна яркая черта преобладала в его характере — повышенное чувство собственного достоинства, возможно, тоже унаследованное от казачества. Кащенко испытывал его одинаково сильно по отношению и к себе, и к окружающим. Возможно, в том числе из-за этого революционные идеи так захватили его в юности. И конечно же, по этой причине его всегда любили пациенты, ведь он не видел в них недолюдей, как, к сожалению, многие другие врачи. В его представлении душевная болезнь являлась бедой человека, а вовсе не пороком, за который можно презирать. В итоге и революционной деятельностью он скорее всего занимался прежде всего потому, что был гуманистом в практическом и самом прекрасном значении этого слова. Сочувствие и равнодушие к людским бедам заставляли его как бороться с истязанием пациентов в психбольницах, так и помогать своим друзьям-революционерам.

Глава девятая. О пище духовной, научной и просто здоровой

У читателя может сложиться впечатление, что всё, чем занимался Кащенко изо дня в день, ограничивалось лишь организацией работы психиатрического стационара да периодическим музицированием. Это, конечно, далеко от истины. В работе нашего героя достаточно важное место занимала наука. Именно при нем в нижегородской больнице начались занятия по анатомии нервной системы, стали выполняться экспериментальные работы, применялись новые тогда физиотерапевтические методы лечения. В 1891 году Петр Петрович стал членом-корреспондентом Московского общества невропатологов и психиатров.

Год переезда нашего героя в Нижний Новгород совпал с интереснейшим событием в научном мире. 1 июня 1889 года французский физиолог Шарль Броун-Секар выступил перед Парижским биологическим обществом с заявлением, что он нашел способ преодолеть старение. Ученый, которому исполнился 71 год, провел на себе рискованный опыт, впрыскивая под кожу инъекции экстракта половых желез собак и морских свинок. Медицинский журнал «Lancet» тут же опубликовал это сенсационное сообщение. «Во мне произошли радикальные перемены, — писал физиолог. — Полностью вернулась ко мне старая сила. Мои члены решительно вернули себе силу. Что касается способности к интеллектуальному труду, то возврат к моим прежним способностям полностью проявился уже через два или три дня экспериментов».

Современные специалисты уверены, что в данном случае имел место эффект плацебо, тем более что «молодость» Броуна-Секара довольно скоро исчезла и наступило прогнозируемое ухудшение состояния. Однако за ученым признают одну из первых попыток заместительной гормональной терапии. Помимо этого удивительного эксперимента Броун-Секар поставил множество других опытов, изучая состав крови, животное тепло и функции спинного мозга. Когда весть о французских «молодильных яблоках» дошла до России, Кащенко одним из первых стал изучать действие на душевнобольных вытяжки семенных желез кроликов и морских свинок, но, по-видимому, через некоторое время разочаровался в этой идее.

Наш герой успел написать немало работ по своей специальности.

Правда, его литературное наследие состоит почти полностью из статей и отчетов — о поездках за границу, о проектировании психиатрических больниц, о переписи и статистике душевнобольных в разных регионах России. Однако два научных труда стоят в этом списке особняком.

В 1888 году Петр Петрович выпустил работу «О гипнотизме». Он анализирует ведущие теории этого явления и попутно обсуждает сам термин, считая, что необходимо отделять мистическое, шарлатанское понятие о гипнотизме от серьезного отношения к этому явлению и использовать его в медицинской практике: «Нет никакого основания видеть в этом только преднамеренный обман и суеверие; нельзя сомневаться в реальности фактов, послуживших основой такому общераспространенному убеждению, когда опыты, производимые над гипнотиками, показывают, какую власть над другим субъектом, при известных условиях, действительно имеет „глаз“ или „слово“ экспериментатора».

Другая его монография также лишена теоретизирования и приближена к врачебной практике — «Здоровый стол», которую наш герой опубликовал значительно позже, в 1910 году. В этой книге он с позиций учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности показал важность диетотерапии при разных заболеваниях, в том числе и психических. Сама тема очень характерна для Кащенко с его заботливой практичностью. Разумеется, идея принадлежала не ему, в Европе лечебное питание уже применяли у душевнобольных значительно раньше. Вполне возможно, что Петр Петрович обратил внимание на это как раз во время своих европейских командировок, когда знакомился с историей различных психиатрических заведений.

Речь идет о любопытном опыте, что прошел в знаменитом лондонском Бедламе в XVII веке. 11 ноября 1684 года главным врачом там стал Эдвард Тайсон (1651–1708). На новом посту ему пришлось заниматься еще и хозяйственными нуждами больницы для умалишенных. После осмотра обитателей сумасшедшего дома Тайсон обнаружил, что все они страдают еще и обычными болезнями: у кого дерматит, у кого водянка, каждый второй истощен. Новый врач сделал ставку на регулярное мытье и улучшение питания больных. Завтракали кашами, в обед давали молочный суп или бульон, мясо с капустой или картошкой и кружку пива. В пять вечера — хлеб с маслом и молоко. От такого питания многие вышли из депрессии. По Англии пошла добрая слава о больнице. В других подобных заведениях сумасшедших обворовывали и били, в нетопленных палатах не кормили, а тут — рай. В итоге в Бедлам выстроилась очередь, Тайсону пришлось даже выписывать больных, которые казались самыми

адекватными. От них требовалось только регулярно приходить на осмотр к врачу. Так возникла первая психиатрическая амбулатория, а сумасшедший дом перестал быть «конечной остановкой» в жизни. За 24 года службы Тайсон выписал две трети своих больных, причем не просто так, а по случаю полного выздоровления. Мясо с картошкой и теплые ванны творили чудеса — люди осознали, что жизнь бывает прекрасна, и приходили в себя. Единственная проблема, перед которой доктор Тайсон с его методом оказался бессилён, — это алкоголизм.

Система, созданная Тайсоном, предвосхищала метод «нестеснения», которому следовал наш герой, только воздействие на больных предполагалось здесь немного с неожиданной стороны. Хотя почему же неожиданной? Ведь фраза «Мы есть то, что мы едим» появилась еще в древности. Ее приписывают разным людям: в списке есть Пифагор, Конфуций, Фейербах и, конечно, Гиппократ. Ведь по его учению здоровье возможно лишь при правильном питании, так как организм человека формируется из тех элементов, которые в него поступают, и приобретает свойства этих элементов. Спустя два тысячелетия после Гиппократа, уже в XX веке знаменитый диетолог Том Спайес согласился с ним: «Если бы у нас было достаточно знаний, мы могли бы все болезни предупредить или вылечить только с помощью правильного питания».

Кащенко решил проработать эту теорию практически, написав вместе с женой Верой, искусной кулинаркой, очень необычную кулинарную книгу, в которой подробно описанный рецепт каждого блюда предстает еще и в виде лекарства. С особым вниманием он разбирает проблемы физиологии питания, особенности пищевых продуктов, кулинарные методы, рецепты и, что самое главное, режимы питания при здоровом состоянии организма и при различных болезнях. Различные перегрузки и множество прочих факторов становятся причиной переутомления нервной системы и приводят к расстройствам — от нервозности до более серьезных состояний. Автор пишет: «Чрезмерный труд, заботы всякого рода, плохие гигиенические условия, недостаточное питание или, наоборот, праздное житье, частые нервные возбуждения с неизбежным их следствием — нервным истощением, бессонные ночи за умственным трудом или за удовольствиями, отсутствие физического труда или упражнений, слишком обильная пища, особенно мясная, злоупотребление алкоголем и т. д. — все эти причины приводят к переутомлению нервной системы и к ее заболеваниям, начиная от простой нервозности и повышенной раздражительности и кончая помешательством. Во всех этих случаях пищевой режим заслуживает большого внимания, так как нередко

неправильности питания бывают непосредственной, производящей причиной нервного заболевания, а, с другой стороны, правильное питание значительно содействует ослаблению болезни».

Петр Петрович считает, что режим питания способствует восстановлению организма и психики. Например, он рекомендует следующие принципы организации питания:

при неврастении — легкоперевариваемая, питательная пища вегетарианского характера с добавлением молочных продуктов;

при нервной астме — легкая пища с ограничением мяса и алкоголя;

при психических заболеваниях (которые сопровождаются расстройствами органов пищеварения) — молочные продукты, растительная пища, бобовые, ограничение алкоголя, пряностей, мяса, добавление сахара.

Несмотря на то что Кащенко написал свою книгу более ста лет назад, она не только читается интересно сегодня, но и затрагивает актуальные вопросы, например проблему борьбы с лишним весом. Петр Петрович советует обязательно ходить после каждого приема пищи. «Этот способ лечения надо признать рациональным, — пишет наш герой, — он отвечает двум требованиям: препятствует накоплению жиров и не подвергает в то же время аппетит испытаниям. В самом деле, потребность в пище вполне удовлетворяется двухкратной основной едой (среди дня и к вечеру), в которую входит мясо (один раз даже в горячем виде), и двумя добавочными хотя и легкими подкреплениями, которые утишают могущее явиться в промежутках чувство голода. Если пациент все-таки будет жаловаться на неприятное ощущение голода, то можно разрешить лишний стакан некрепкого чаю без сахара. Это обманывает аппетит и является в то же время укрепляющим средством для сердца. Можно без вреда для системы заменить этот добавочный чай стаканом мясного бульона, холодного или горячего. Но надо заметить, что при этом режиме аппетит очень умеряется вследствие недостаточного разнообразия блюд, изгнания всех приправ, включая соли, ароматических веществ, кофе, алкоголя и т. д., а также вследствие дробного повторного принятия пищи, которая занимает и отвлекает желудок».

Кащенко также уделяет большое внимание качеству продуктов, из которых готовятся блюда. Он подробно и понятно описывает, как определить свежесть яиц. Отдельно упоминает о ядах, которые могут встречаться в мясных продуктах. Особое внимание Петр Петрович уделяет так называемому колбасному яду, имеющему научное название «ботулотоксин», попадание которого в пищу часто приводит к летальному

исходу. Не забывает наш герой также предупредить поваров о химических отравлениях, которые могут подстергать пациентов при употреблении консервов: «...консервы могут отравлять и минеральными ядами, попадающими туда от посуды (свинец), или от способа приготовления (салициловая и борная кислота, формалин и т. д.)».

Сами рецепты в книге Петра Петровича описаны с душой и так аппетитно, что даже не верится о связи их с рационом психбольницы. Вот несколько цитат: «Перед тем, как подавать, посыпать сверху мелким сахаром и погладить раскаленной металлической лопаточкой, чтобы глянцевать поверхность. Можно прибавить по вкусу рома или какого-нибудь ликера» (речь идет об омлете на завтрак). Чудесно примечание к не менее прекрасному блюду под названием «Тельное из рыбы»: «Если угодно, можно вместо котлеток сформовать род пирожков, положив внутрь их грибки или какой-нибудь фарш». Есть среди рецептов оливки, фаршированные кильками, рыба по-английски, множество потрясающе вкусных мясных блюд.

Даже любимая нашим героем музыка проникла в эту книгу. Среди многочисленных омлетов есть один «а-ля Россини» имени великого итальянского композитора, прославившегося также в высокой кулинарии. Сегодня это блюдо хорошо известно гурманам, его называют «гламурным завтраком». Правда, рецепт Кащенко несколько отличается от того, что готовят под этим названием в наши дни. Поэтому мы решили привести версию от выдающегося русского психиатра полностью. Итак, рецепт № 571, «омлет а-ля Россини»:

шесть яиц;

12 золотников^[24] масла;

8 золотников тертого пармезана или швейцарского сыра;

несколько ложек сливок.

1. Отделить белки от желтков, взбить белки в довольно густую пену и вылить на сковороду, в которую предварительно положить масло. Посыпать сверху тертым сыром, на поверхности распределить желтки так, чтобы они не касались друг друга, снова посыпать сыром и поставить на несколько минут в духовой шкаф.

2. Вынуть сковороду из шкафа, залить яичницу сверху подогретыми сливками и подавать.

Отобразена в этой замечательной книге и многолетняя товарищеская борьба между бордюром и поребриком — имеется в виду отличие культурных традиций в Москве и Петербурге, неоднократно подмечавшееся в разные времена. Оказывается, в конце XIX века в Санкт-

Петербурге и Москве существовали совершенно разные схемы сортировки бычьей туши. Не вдаваясь в тонкости мясницкого дела, вероятно известные профессионалам, скажем только, что в петербургском варианте названия частей туши выглядят более изысканно. То, что в Москве называли вырезкой, у петербургских мясников именовалось ростбифом. Московский оковалок и кострец в петербургском варианте представлял толстым филеом. Московская голяшка в лексиконе петербургских гурманов, по-видимому, вовсе отсутствовала, а простонародная пашинка нежно именовалась «бочком».

«Здоровый стол» П. П. Кащенко — очень интересная, по-своему уникальная работа. Научность ее подхода не вызывает сомнений — автор опирается на различные медицинские теории, называя фамилии отечественных и зарубежных специалистов. При этом текст получился занимательным и понятным для широкого читателя, а изрядная часть информации не устарела до сих пор. Но найти сегодня эту книгу нелегко, существуют лишь остатки тиража, выпущенного типографией товарищества «Общественная польза» в 1910 году в Санкт-Петербурге. Кажется странным, что ее не переиздали в СССР при всей популярности в советское время книг «о вкусной и здоровой пище». Но если задуматься, тому есть причины.

Во-первых, рецепты, с такой душой собранные Петром Петровичем, являлись в некоторой степени памятником дореволюционного быта, и быт этот представлял совсем не так, как требовалось советским идеологам. Образ пламенного революционера Кащенко, скрывающего своих товарищей в катакомбах под ляховской колонией, подходил гораздо больше. А вот свидетельство о кормлении оливками, рябчиками и прочими изысками душевнобольных при царском режиме в советскую идеологическую картину никак не вписывалось. Во-вторых, «вкусная и здоровая пища» от Кащенко была неразрывно связана с психиатрией, а эту тему старались не поднимать, особенно в изданиях для широкого читателя. Ведь, как известно, советский народ отличался здоровьем и оптимизмом все 70 лет своего существования. Была и третья, совсем простая причина. Кащенко умер в 1920 году, в момент безвременья — старое безнадежно отмерло, новое еще только начинало развиваться. Проживи наш герой еще лет десять, ему бы наверняка дали возможность развития, ведь большевистское правительство помнило и ценило его заслуги перед революцией. И тогда бы, возможно, эту книгу попросили немного переработать и издали бы миллионными тиражами. А возможно, Петр Петрович написал бы другой труд на ту же тему, более соответствующий

новой идеологии.

Вот только у истории нет сослагательного наклонения...

Глава десятая. Путь в столицу

Возникает вопрос: почему Кащенко покинул Ляхово, где ему было, в общем-то, хорошо и где он прожил столько лет? Масштаб его личности требовал более крупных свершений. Петру Петровичу просто стало тесно в губернском земстве. Он уже давно стремился перебраться в одну из столиц, вот только ничего не получалось. Революционная молодость и подозрительное отношение полицейского ведомства продолжали служить препятствием. Еще в 1893 году Кащенко обратился в Департамент полиции с просьбой разрешить ему временно проживать в Петербурге или Москве для продолжения своих научных занятий и приготовления к экзамену на степень доктора медицины, но просьбу отклонили из-за «неблагонадежности» просителя. Спустя три года Нижний Новгород покинули два близких друга Петра Петровича — врач Елпатьевский и писатель Короленко. Опустевший город начал тяготить нашего героя. Он вновь подал прошение о проживании в одной из столиц и снова получил отказ. На этот раз он пытался занять вакантную должность главного врача Санкт-Петербургской психиатрической больницы Святого Пантелеймона.

Полицейская подозрительность была, конечно, избыточной, ведь к тому времени Петр Петрович отошел от занятий какой-либо политикой и полностью посвятил себя врачебной деятельности. Правда, в самом Ляхове до сих пор существует легенда о том, что Кащенко укрывал в своей колонии гонимых властями революционеров. Указывают даже на то, что при строительстве поселения для душевнобольных был вырыт коллектор, в котором эти самые революционеры скрывались от полиции. Под землей можно было добраться из Ляхова до берега Оки, где сейчас находится парк «Швейцария». Коллектор, к слову сказать, существует и поныне, только входы в него замурованы из-за большой опасности обрушения.

Выяснить правду того времени достаточно сложно, но нельзя не отметить желание биографов советского периода преувеличить революционные заслуги нашего героя. А для такой цели все средства хороши, пусть даже необходимо создать соответствующую легенду, основываясь на необоснованных донесениях агентов. Например, во время поездки в Париж в 1894 году Кащенко, согласно секретному донесению полицейского чиновника П. И. Рачковского, встречался с эмигрантами-революционерами, в частности с П. Л. Лавровым, и совместно с С. Я. Елпатьевским и А. И. Эртелем пытался якобы создать «общественную

оппозицию» с изданием заграничного журнала без цензуры вроде «Колокола» Герцена, чтобы «деморализовать правительственные сферы». В этом же источнике далее есть и другие подробности: «При возвращении П. П. Кащенко был обыскан жандармами на границе России. Однако он был отличным конспиратором, благодаря чему избежал очередного ареста. После этого полицейский надзор за ним усилился еще больше»^[25]. Как замечает О. В. Лиманкин, возникает сразу несколько вопросов: а что, собственно, хотели найти при обыске жандармы? И что за «очередной арест», ведь последний, по недоразумению, был почти десять лет назад? И почему полицейский надзор должен был усиливаться, если подозрения полиции в течение многих лет оказывались безосновательными?

Справедливость тем не менее восторжествовала. Заслуги Кащенко в области земского здравоохранения, активная созидательная деятельность и возрастающая популярность среди коллег и народа убедили чиновников полицейского ведомства, и они наконец сняли с Петра Петровича ярлык «неблагонадежности».

Первой ласточкой будущего освобождения стала поездка нашего героя в Москву на XII Международный конгресс врачей, который состоялся в августе 1897 года. Это было грандиозное событие, имевшее общекультурную ценность. В Россию приехали выдающиеся ученые, в частности ученый и политический деятель, родоначальник клеточной теории Рудольф Вирхов. Также приехал родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве Чезаре Ломброзо, получивший мировую известность благодаря своей книге «Гениальность и помешательство». Ломброзо во время своей поездки нанес визит Льву Толстому в Ясной Поляне. Их встреча превратилась в массовое мероприятие. Как пишет З. М. Агеева, «одна благотворительница устроила для них завтраки в манеже с 15 тысячами бутербродов, 6 тысячами пирожков, огромным количеством бутылок пива и минеральной воды».

Первое заседание этого исторического конгресса прошло в Большом театре и открыл его Н. В. Склифосовский. Доклады, включенные в программу мероприятия, выходили далеко за рамки практической медицины, в них поднимались философские вопросы, осмыслились современные научные теории. Например, доклад Рудольфа Вирхова назывался «Непрерывность жизни как основа биологических воззрений». Профессор закончил свое выступление следующей фразой: «Тайна о том, что составляет источник жизни, не разрешена... Пожелаем, чтобы будущее столетие принесло разрешение этой загадки».

Именно на этом конгрессе русская психиатрия получила совершенно

неожиданное признание от Европы. Десятилетием ранее С. С. Корсаков подробно описал проявления специфического алкогольного психоза и сделал это столь точно, что его берлинский коллега, профессор Жоли, предложил назвать болезнь «синдромом Корсакова». Сам Сергей Сергеевич, присутствовавший в зале, начал возражать из соображений скромности, но Жоли настоял на своем, указав, что исследование Корсакова уникально и оставить имя ученого в истории таким образом будет справедливо. С тех пор «синдром Корсакова» занял свое место в Международной классификации болезней.

Наш герой присутствовал на конгрессе только как слушатель, но поездка в Москву принесла ему немалую пользу, которая заключалась не только в расширении профессионального кругозора, но и в новых интересных знакомствах. После окончания съезда всех психиатров повезли в новую больницу, что на Канатчиковой даче. Петр Петрович впервые посетил то самое учреждение, которое спустя годы станет мифологической страшилкой и сделает фамилию Кащенко именем нарицательным. Тогда больница еще носила имя Н. А. Алексеева и был жив ее главный врач В. Р. Буцке. Он долго водил своих гостей по огромной территории, показывая корпуса и объясняя их предназначение. Конечно, там имелись и лечебные мастерские — в одной из них для гостей устроили праздничный обед.

Кащенко вернулся в Нижний Новгород окрыленным, и ему еще сильнее захотелось перебраться в Москву или в Петербург. Желание его сбылось, правда, не сразу, а через два года. В 1899 году Петр Петрович получил интереснейшее предложение от Санкт-Петербургского губернского земства — ему предлагали занять пост директора главной столичной психиатрической больницы. Это почти автоматически означало руководство психиатрической помощью всего Санкт-Петербурга. Имелся только один немаловажный нюанс: больница, куда приглашали нашего героя, существовала пока только в планах. Почти наверняка кандидатуру Кащенко выбрали именно по этой причине. Работая в Бурашеве, он успел зарекомендовать себя как человек, умеющий практически с нуля создавать прекрасно работающую структуру. Его и позвали — создавать новое, а не руководить уже имеющейся базой психиатрических учреждений и отделений, которых в городе уже было некоторое количество.

Петербург к тому времени имел немалый стаж официальной психиатрической помощи. Первый доллгауз там открыли в 1779 году, а в 1784 году на его месте построили Обуховскую больницу, при которой возникло психиатрическое отделение на 32 койки. Когда с 1828 года заботу о сумасшедших в обеих столицах передали попечительским советам, то

первой мерой Петербургского попечительского совета стало строительство больницы во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость». Ее открыли в 1832 году на 11 версте Петергофской дороги, «нравственное лечение умалишенных» возглавил И. Ф. Рюль, а старшим врачом назначили Ф. И. Герцога, который ранее в Москве уже создал образцовую больницу для умалишенных, которая просуществовала с 1818 по 1825 год. Под началом этих двух талантливых врачей и опытных организаторов было создано одно из лучших в Европе заведений для призрения душевнобольных. В нем имелись отделения для разных категорий пациентов — «выздоровливающих, спокойных, беспокойных, трудных, неопрятных и буйных» с учетом причин болезни, а к 1850 году появилось «заведение для неизлечимых», которое вмещало 100 больных.

Устав больницы, составленный И. Ф. Рюлем, предусматривал прогулки больных, возможность заниматься ремеслами, ванны и лечебную гимнастику, а также чтение, музыкальные занятия, шашки, бильярд; в интерьерах больницы были картины, камин, удобная мебель. Ф. И. Герцог на опыте руководимой клиники опубликовал в 1846 году «Исследование о сумасшедших», где отмечал необходимость приучать больных «всем строем заведения к благоразумному образу жизни». Естественно, большое внимание уделялось подготовке персонала больницы. При соблюдении всех условий содержания в течение двух лет около половины душевнобольных выписывались с улучшением.

С 1820-х годов в России начало развиваться и частное психиатрическое дело. Предпосылки были очевидны: недостаток мест в государственных больницах, невозможность индивидуального подхода к лечению пациентов и необходимость внедрения «системы нестеснения», а кроме того, желание родственников душевнобольных содержать их в достойных условиях. В 1836 году открылась первая такая клиника того же доктора И. Ф. Рюля. Однако количество душевнобольных росло прямо пропорционально стремительному росту населения Петербурга и коек для них не хватало во всех медицинских заведениях независимо от статуса. Уже в 1840-е годы положение стало настолько катастрофическим, что приемные покои при двенадцати полицейских частях города, предназначенные для оказания скорой медицинской помощи при несчастных случаях, оказались переполнены безнадзорными душевнобольными. Отделения для умалишенных стали открываться в разных госпиталях столицы, и в 1866 году в Петербурге имелось 904 психиатрические койки, что составляло 40 процентов всего психиатрического фонда России. Но лечились в этих заведениях не столько

постоянные обитатели города, сколько приезжие, поскольку долгое время психиатрическая служба на территориях вокруг столицы практически отсутствовала.

В 1876 году губернское земское собрание обсуждало вопрос об устройстве в столице центральной психиатрической лечебницы для больных, проживающих в губернии, предлагалось выделить денежное пособие семьям, призревающим у себя больных. Окончательно этот вопрос был решен только в 1879 году, причем поначалу для лечения больных земская управа арендовала койки в уже имеющихся отделениях у городских властей. На увеличение количества арендуемых коек петербургские власти шли очень неохотно, останавливала их арендная плата, которая постоянно росла. Становилась все более очевидной необходимость постройки губернской земской психиатрической больницы, но опять-таки все упиралось в средства. В итоге решили строить новую больницу на 350 коек, отобрав для нее свежезаболевших, а из хроников «самый опасный элемент», то есть беспокойных и буйных.

В 1895 году шесть врачей-психиатров провели перепись душевнобольных в Петербургской губернии. По информации, приведенной Лиманкиным и Чудиновских, количество душевнобольных составило 1388 человек (2,4 на тысячу населения). Доктор В. М. Бяшков, которому была поручена обработка этих данных, на очередном земском собрании представил свои расчеты: согласно им губернии требовалось 614 психиатрических коек. После этого уже окончательно были определены размеры и проект больницы — и именно ею пригласили руководить нашего героя.

До начала строительства больницы Кащенко принимал самое активное участие в решении организационных вопросов, которых оказалось немало, начиная с выбора места для больницы. В нем должны были сочетаться разные, порой трудносочетаемые вещи. Например транспортная доступность. В самом начале XX века дороги выглядели совсем не так, как сейчас. Существовала сезонная непроходимость, когда из-за таяния снега, паводков или дождей некоторые населенные пункты оказывались полностью отрезаны от остального мира. Такой вариант не подходил для содержания тяжелобольных людей. Но и строить огромную психбольницу посреди Петербурга тоже не представлялось возможным. Причем не только из-за возможного недовольства жителей, но и из-за состояния пациентов, которым однозначно требовался покой. Оптимальное место должно было сочетать в себе удаленность от шумных мест, надежные подъездные пути, красивый ландшафт и близость воды.

Петр Петрович с автором проекта архитектором и инженером И. Ю. Мошинским долго ездили по всей губернии и наконец остановили выбор на бывшем имении Демидовых Сиворицы (сейчас это село Никольское Гатчинского района). Близость к дорогам, наличие водных ресурсов, обширной земли под лесом, лугами и пашнями, налаженное приусадебное хозяйство — все это создавало условия для будущей лечебной работы пациентов. В то время Гатчина выглядела как царство дач и отдыха. Климат этого места считался целебным. «Гатчинский воздух даже чахотку способен вылечить. Гатчина стала модной по милости доктора Боткина — он стал всем больным грудью или легкими рекомендовать гатчинское местоположение», — писали в тогдашней прессе. Но скорее всего своей популярностью дачи Гатчины обязаны не Боткину, а Варшавской железной дороге. Открытая в 1870-х годах, она сильно повысила доступность этих красивых мест. Всё в Гатчине подходило для будущей больницы. Осталось понять расположение подземных вод, ибо вопрос водоснабжения являлся достаточно важным. В 1902 году профессор Войслав произвел пробное бурение на участке будущего строительства, и водоносный горизонт оказался оптимальным.

Итак, с местом определились. Параллельно продолжалось совершенствование архитектурного проекта. Еще на начальном этапе стало ясно, что 350 коек, определенных заданием губернского собрания, явно недостаточно для губернии, в которой проживало около восьмисот тысяч человек. Поэтому решили строить больничный комплекс, имея в виду возможность добавлять в дальнейшем по мере надобности новые корпуса.

В 1904 году ответственная группа представила губернскому земскому собранию готовый проект больницы и он был одобрен. Дорога в столицу окончательно открылась для нашего героя. О такой ступени на карьерной лестнице можно было только мечтать — вряд ли для доктора-психиатра существовала должность выше и престижнее. Но даже в наши дни со всеми современными технологиями больничный комплекс невозможно построить и за неделю, и за месяц, а более века назад продолжительность такой стройки исчислялась годами. Петру Петровичу оставалось лишь ждать, правда, он не спешил возвращаться на основное место службы в Нижний Новгород. И судьба снова подбросила ему шанс. В начале февраля того же 1904 года умер главный врач Московской психиатрической больницы им. Н. А. Алексеева В. Р. Буцке. На освободившуюся должность объявили конкурс, и Кащенко послал в Москву материалы о своей психиатрической деятельности. Ответ не приходил очень долго. Как выяснилось позднее, из всех кандидатов выбрали для рассмотрения только двоих — нашего героя и

старшего врача этой самой больницы А. И. Маньшина. Две их кандидатуры поставили на голосование, и Кащенко получил на один голос больше, чем врач, который уже давно работал в этой больнице. Видимо, поэтому долго тянули с объявлением результата. Но весы все-таки склонились в пользу Петра Петровича, и 11 июня 1904 года было объявлено о назначении его главным врачом.

Новость несказанно обрадовала нашего героя и его семью. Вот только при переезде возникли сложности. Как ни странно, запрет на проживание в Петербурге нашему герою удалось снять раньше, чем аналогичный запрет на московское проживание. Речь не шла о каком-то особом статусе Москвы, просто Петру Петровичу повезло подать прошение в Петербургский департамент в удачное время. В Москву же он «стучался» не один раз, но процедура утверждения задерживалась из-за внешних обстоятельств. Дело в том, что 28 июля 1904 года произошло очередное политическое убийство: эсер Егор Сазонов бросил бомбу в министра внутренних дел Вячеслава Константиновича Плеве. Естественно, после такого громкого события полиция не спешила пускать в крупные города неблагонадежных граждан.

Спасло Кащенко другое заметное событие, также с ним никак напрямую не связанное. 12 августа у императора наконец родился долгожданный наследник престола — великий князь Алексей. Считалось, что произошло это по заступничеству святого Серафима Саровского, к мощам которого царская семья ездила годом раньше. Поэтому царь решил отметить рождение наследника делами милосердия. Он объявил амнистию дезертирам, отменил телесные наказания в армии, а также приказал смягчить отношение к неблагонадежным.

30 ноября 1904 года наш герой с женой и четырьмя детьми выехал из Нижнего Новгорода в Москву, оставив после себя, по словам Ю. В. Каннабиха, «одну из лучших земских организаций в России».

Глава одиннадцатая. Основатель легендарной «Кащенко»

Та самая больница Кащенко, ставшая легендой, сегодня носит имя Н. А. Алексеева. Точно так же было и в 1904 году, когда ее возглавил наш герой. История, описав круг, вернулась к началу. Почему так произошло? В 1990-е происходила всеобщая декоммунизация, в ходе которой многим объектам возвращались исторические названия. Сам процесс воспринимался тогда на ура, да и являлся бесспорно позитивным, даже если не иметь в виду справедливость. Ведь наводненные советской топонимикой старые русские города лишались индивидуальности, тиражируя проспекты Ленина и Маркса, улицы имени бесконечных революционеров и памятных дат Великого Октября.

Однако под горячую руку переименователей порой попадали не только революционеры, но и не совсем (или совсем не) революционеры. Среди последних оказался наш герой. Из трех больниц, названных в честь него — Петербургской, Нижегородской и Московской, — последняя, самая известная, оказалась переименованной. Кащенко действительно довелось руководить всей системой психиатрической помощи молодой Советской республики, и, возможно, революционное прошлое сыграло какую-то (не самую главную) роль в его карьере. При этом почти вся его профессиональная жизнь успела состояться до революции. В этом контексте становится немного обидно за Петра Петровича: человек отдал психиатрии всю свою жизнь, а больница в итоге носит имя московского городского головы, пусть и основавшего это учреждение. На самом деле, если разобраться и вникнуть, — все произошло в высшей степени справедливо, и сам Кащенко бесспорно согласился бы с таким решением. Дело в том, что создатель больницы Николай Александрович Алексеев тоже интересовался темой душевных болезней достаточно глубоко — настолько глубоко, что погиб от руки сумасшедшего. Но, даже умирая, он продолжал думать о помощи психическим больным и завещал огромную сумму на больницу для них.

Этот удивительный человек был во многом близок по духу нашему герою. Он отличался повышенной эмпатией, заставлявшей его сочувствовать каждому человеку. Известно, что Алексеев любил прогуливаться по Москве с маленькой записной книжечкой в золотом

переплете. Жил он в Леонтьевском переулке в доме номер девять и ходил по близлежащим окрестностям и просто по людным местам, останавливаясь у лавочек и вступая в беседы с продавцами. Москвичи, узнав его, часто обращались с просьбой, и он тут же записывал нужды горожан в свою книжечку. Ни один пункт из отмеченного на прогулке он не оставил без внимания.

Городским головой его избрали в 1885 году в возрасте 32 лет. Это очень мало для мэра современной Москвы, да и в те времена высказывались сомнения по поводу слишком молодого возраста градоначальника. Однако он очень быстро завоевал уважение москвичей, причем не только деловыми качествами и предприимчивостью, но также гуманизмом и бескорыстием. Именно в правление Алексеева и при его активном содействии сердце Москвы приобрело облик, ставший сегодня визитной карточкой российской столицы. При нем были построены здания Верхних торговых рядов на Красной площади (современный ГУМ), Исторического музея и городской думы. Именно при Алексееве стал жемчужиной ландшафтного дизайна Александровский сад. Городской голова являлся также душеприказчиком знаменитых меценатов Третьяковых, и именно он официально открыл Третьяковскую галерею. При нем было основано Московское общество искусства и литературы, где начал режиссерскую карьеру К. С. Станиславский — двоюродный брат Алексеева, взявший себе псевдоним, чтобы избежать подозрений в протекции со стороны наделенного властью родственника.

Много сил и денежных средств Алексеев вложил и в развитие Московской консерватории. Вместе с Третьяковым выкупил особняк князя Воронцова и перестроил его специально под нужды музыкантов. П. И. Чайковский, восхитившись энергией и внимательностью Алексеева, стал мечтать о том, чтобы этот выдающийся человек взял на себя руководство консерваторией. Композитор даже придумал, как обойти консерваторский устав, запрещающий занимать пост директора человеку без музыкального образования. «Величайшее несчастье, что устав требует для директорского места музыканта. Не будь этого пункта... консерватория, в лице Никол[ая] Ал[ександровича] Алексеева... имела бы превосходнейшего директора. Нельзя ли этот закон обойти? Не хочет ли Ник[олай] Алекс[андрович], чтобы я несколько своих сочинений издал бы под его именем, чтобы он имел предлог с подобающим ему достоинством и свойственными ему превосходными административными качествами сесть на директорское место»^[26]. Директором консерватории Алексеев так и не стал, но всегда старался помогать музыкантам.

Остались после него и другие достижения — не такие красивые, заметные, но совершенно необходимые для жизни города. Это строительство нового Мытищинского водопровода и устройство городской канализации. Водопровод в Москве существовал и до Алексеева, но старый, построенный еще при Екатерине II. Пролегал он от Мытищинских ключей в Подмосковье до Сухаревой башни. Вода из него поступала в фонтаны и бассейны, расположенные в разных частях города, а уже оттуда водовозы и водоносы развозили и разносили ее по домам москвичей. Но дело даже не в устаревших технологиях — ресурсов старого водопровода не хватало для постоянно растущего города. Некоторым удаленным районам приходилось брать воду из прудов и ключей, многие пили и вовсе из Москвы-реки. Такой способ приводил к печальным последствиям — эпидемиям кишечных заболеваний и повышенной смертности среди горожан. При массовом строительстве доходных домов и вовсе начался настоящий водяной коллапс, многие квартиры оказались полностью лишены водоснабжения, поднимать воду на верхние этажи водоносы отказывались.

Алексеев соорудил новый водопровод всего за два с половиной года. Это и сегодня удивительно быстро для такой огромной системы, а по тем временам подобный проект и вовсе можно назвать фантастикой. Новый водопровод действительно вызывал ассоциации с фантастической литературой — 116 километров труб с пожарными кранами через каждые 100 метров. Разумеется, обошелся он в немалую сумму — пять миллионов 883 тысячи рублей. Это значительно превышало рассчитанную смету, и разницу городской голова оплатил из собственных средств. К тому же он полностью на свои деньги построил Крестовские водонапорные башни.

Канализацию пришлось и вовсе создавать с нуля. До того ее не существовало ни в каком виде и Москва тонула в смраде нечистот. Отходы жизнедеятельности складывали в специальные ямы, вырытые во дворах, а по ночам приезжали специальные телеги, груженные бочками, и вывозили накопившееся. Система очистных сооружений, созданная неутомимым градоначальником, подняла бывшую столицу на совершенно новый, европейский уровень. Алексеев мыслит глобальными категориями и думал о будущем. Иногда это приводило к некоторой излишней радикальности — например, он целенаправленно боролся с деревянными домами как рассадниками пожаров. Принял закон, запрещающий в черте Садового кольца строительство новых строений из дерева и ремонт старых. Однажды он приехал вместе с обер-полицмейстером Власовским на пожар деревянного дома ветеринарного врача С. Г. Гаврилова по Афанасьевскому

переулку. Городской голова, осмотрев место бедствия, сказал собравшейся толпе москвичей: «Ну, слава Богу, еще одним деревянным домом в Москве меньше!»^[27] Такая позиция, конечно же, вызывала не только радость от прогресса, но и недовольство конкретных людей, но в целом москвичи очень любили своего градоначальника.

Также доставалось от него извозчикам, которых он почитал за транспорт неудобный и отживающий свой век. Он видел будущее за общественным транспортом, в частности за конкой. В одном из своих выступлений в Думе в 1887 году мэр сказал, что «будущность конно-железных дорог нигде не представляется настолько блестящей, как в Москве... Нужно изыскивать все способы для того, чтобы дать возможность распространяться этой сети по нашим улицам и удовлетворять насущной потребности нашего населения по передвижению». Он также лоббировал закон о приоритете конно-железных дорог: при приближении вагона конки извозчики обязаны были немедленно очищать путь, направляя возы и экипажи вдоль улицы в ряд.

Одной из первоочередных задач городской голова Алексеев считал благоустройство городских мостовых. И неудивительно — проблема плохих дорог в России даже вошла в поговорку. По свидетельству И. А. Слонова, вспоминавшего дороги древней столицы 1870-х — начала 1880-х годов, «самым главным московским отпечатком были московские мостовые. Это было нечто невозможное. Вымощенные крупным булыжником, всегда грязные и пыльные, с большими ямами, а зимой глубокими ухабами, они всегда были египетскою казнью москвичей. На них часто происходили аварии, калечились лошади, ломались экипажи... Часто страдали и седоки, ломая себе руки и ноги»^[28].

Все эти досадные неудобства еще более обострились в межсезонье. По словам историка М. М. Богословского, в 1870-х годах «весной, когда начиналось таяние снега, езда по улицам становилась крайне затруднительной... в столичном городе совершенно, как в деревне, приходилось на время весенней распутицы отказываться от далеких переездов». Летом же «в сухую погоду при малейшем дуновении ветра по улицам поднимались... облака пыли»^[29]. О качестве московских мостовых упоминает в переписке А. П. Чехов. В марте 1885 года в письме Н. А. Лейкину писатель отмечает: «Фельетона пока нет, потому что материала буквально — нуль. Кроме самоубийств, плохих мостовых и манежных гуляний Москва не дает ничего». Справедливости ради стоит отметить, что и за границей ситуация с дорогами оставляла желать лучшего. «Еще

недавно Англия была страной жалких проезжих путей и отвратительных городских улиц» — так американский историк А. Шоу отзывался о британских дорогах в 1870–1880-х годах.

Благоустраивая московские дороги, Алексеев сначала отдавал предпочтение булыжному мощению. Технология простая и надежная: камень помещался в песок и вбивался в него молотком, «без прижима песку, плотно один к другому тычком, с подбором камня по величине его. По замощении мостовая утрамбовывается два раза и затем покрывается слоем песка в полвершка»^[30]. Такие дороги делались просто и обходились дешево, а улицы и площади приобретали с ними опрятный вид. Правда, имелся один существенный минус: невозможно подобрать природный камень одинаковой величины, поэтому такие мостовые получались очень неровными, ходить и ездить по ним доставляло мало удовольствия. В качестве альтернативного покрытия использовали известный с древности асфальт. В 1830–1840-х годах в Петербурге и Москве появились первые асфальтовые дороги, а в 1875 году член Московской городской управы А. Н. Петунников представил в городскую думу доклад «Мостовые в главных городах Западной Европы», предлагая «раз и навсегда отказаться от булыжника» в пользу асфальтового покрытия. В 1876 году думцы приняли решение устроить на Тверской улице четыре опытных участка асфальтовой мостовой, но, к сожалению, эксперимент провалился.

Алексеев дал делу новый импульс. Будучи сторонником технического прогресса и человеком практичным, он, конечно же, оценил асфальтовое покрытие и активно внедрял его на улицы Москвы. С 1886 года небольшие фрагменты асфальтовых тротуаров стали устраивать в местах перехода через улицы и площади. За десять лет их накопилось 9840 метров при средней ширине 180 сантиметров. Появились они на Каланчевской площади, площади Тверской Заставы и, конечно, в сердце города. В трех местах — от Исторического музея к Казанскому собору, от Исторического музея к Верхним торговым рядам и от Спасских ворот к улице Ильинке — были устроены асфальтовые переходы общей площадью 378 квадратных метров.

Городской голова в Российской империи — выборная должность в отличие от губернатора. Человек, занимающий этот пост, представлял интересы горожан перед государственными учреждениями, заведовал городской думой и занимался хозяйственными нуждами. Для того чтобы справиться с такими сложными и разнообразными задачами, нужно иметь не только талант и опыт, но еще и обширные и полезные связи. В подобных ситуациях люди прошлого всегда опирались на поддержку своего рода.

Николаю Александровичу здесь вполне повезло: он происходил из известной и уважаемой купеческой династии. «Раскрутились» купцы Алексеевы со своим канительным делом уже после войны с Наполеоном. Поселились они неподалеку от Рогожской Заставы в «своих» улицах — Алексеевских, которые после революции стали Коммунистическими. С материнской стороны Николай Александрович имел греческие корни, но также купеческое происхождение. Девичья фамилия его матери — Бостанжогло, ее носили известные греческие купцы.

Николай Александрович был создан для политики, причем она его интересовала не сама по себе, а как средство благоустройства города и жизни в целом. Став городским головой, он впервые повернул Москву на путь муниципального развития с собственными источниками доходов, независимыми от имперской власти, Алексеев искал эти источники, создавал коммерческие муниципальные предприятия. Он умел добывать деньги под самые смелые проекты, а если этих денег не хватало — не задумываясь, вкладывал собственные средства.

На большую, соответствующую московским нуждам, психиатрическую больницу средств как раз сильно не хватало, но градоначальник и не думал останавливаться. Он начал искать деньги по своим знакомым купцам. Вот тут-то и произошла история, ставшая легендой и, возможно, проливающая некоторый свет на причину гибели выдающегося градоначальника. Есть версия, что сумасшедшего, который вошел в кабинет городского головы и смертельно ранил его из револьвера, подослали специально. Но вернемся к легенде: в процессе сбора средств Алексеев стал очень активно агитировать своих коллег из купечества. «Если бы вы взглянули на этих страдальцев, лишенных ума, из которых многие сидят на цепях в ожидании нашей помощи, вы не стали бы рассуждать и прямо бы приступили к делу» — эти слова градоначальника цитируются во многих источниках. Некоторые из состоятельных людей откликнулись на призыв Алексеева, у других же его горячий призыв вызвал недоумение: зачем тратить свои деньги на каких-то идиотов?

И вот однажды в купеческом собрании кто-то из спесиво настроенных богачей выслушал очередной пламенный призыв Алексеева и сказал ему: встанешь передо мной на колени, дам денег на больницу. Алексеев тут же исполнил условие и получил крупную сумму. Дальше подробности расходятся. Есть версия, будто купец выписал чек на 50 тысяч, а Алексеев будто бы ответил с усмешкой: «Вот ведь какой казус вышел: я ведь решил за 25 тысяч на колени встать!» Пишут и то, что городской голова сначала опустил перед чванливым купцом только на одно колено, но, не получив

требуемого, «бухнулся» уже на оба. Имя богача также точно неизвестно — подозревают, что это был Фрол Ермаков, владелец сети текстильных фабрик. Однако существует интервью с внучатой племянницей Алексеева Н. А. Добрыниной, записанное уже в начале XXI века (она родилась в 1942 году). По ее словам, «не верится, чтобы такой человек, как Ермаков, стал бы так глумиться над градоначальником. Хотя, кто знает, может, это была просто купеческая дурь?»

Эта необычная история интересна не выяснением мелких подробностей, она — целиком и в общем — представляет собой яркий штрих к биографии основателя «Кашценки». Алексеев любил, как говорят сейчас, «троллить» общество. Дочь известного коллекционера В. П. Зилоти писала, что «в натуре Николая Александровича было много клоунства, балагурства, и когда он хотел, мог балаганить и дурить напропалую».

Кроме того, история выявляет отношение к Алексееву других заметных персон того времени. Например, генерал-губернатор Москвы, великий князь Сергей Александрович отозвался о коленопреклонении Алексеева как о поступке недостойном, порочащем честь чиновника. Кстати, это был уже не первый упрек в адрес Алексеева по поводу этичности поведения. Ранее, в 1876 году, за девять лет до руководства Москвой будущий градоначальник выступал в суде по поводу банкротства Московского коммерческого ссудного банка. Дело было настолько громким, что под впечатлением от него художник К. Е. Маковский даже создал картину «Крах банка». Банк пострадал от родственников Алексеева, совершивших крупное мошенничество. Узнав об этом, Николай Александрович страшно возмутился и рассказал обо всем на суде под присягой. Его честность шокировала многих. В частности, сохранился отзыв председателя Биржевого комитета Н. А. Найденова: «Особенно тяжелым было то, когда в виде обвинителя явился вызванный прокуратурой в качестве свидетеля Н. А. Алексеев, выступивший, чтобы порисоваться в этой представившейся ему небывалой роли... это было поразительно тем более, что в числе обвиняемых находились брат его матери Н. М. Бостанжогло и его родственник Борисовский». Другие же, в том числе публицист А. В. Амфитеатов, напротив, усмотрели в поступке Алексеева «презрение к личным интересам и строгое повиновение требованиям гражданского долга».

После случая с падением на колени появляется большое количество других негативных высказываний в адрес градоначальника. Его упрекают в грубости и бесцеремонности, он становится героем карикатур и памфлетов. Например, безжалостно прошелся по личности Алексеева и его

происхождению журнал «Будильник»: «„Именитое купечество“ задавило в думе своими тушами и „благородное дворянство“, и „трудолюбивых ремесленников“. Дума окончательно превратилась в купеческое собрание». Утверждение это иллюстрировала карикатура. На ней огромный, ухмыляющийся купец давит кулаком тощих интеллигента и ремесленника. Опубликовал «Будильник» и стихи на ту же тему:

О кулак, хитрец немалый!
Ты забрал под свой начал
Обороты, капиталы
и машины думской вал.
Полон к прибыли любовью,
самодурных полон сил,
Как надежно ты сословья
остальные придавил!^[31]

Разумеется, такие нападки на городского голову не сошли бы с рук, если бы за ними не стояла чья-то сильная поддержка. А противодействие такого уровня не появляется на пустом месте. Алексеев действительно мешал — и не кому-нибудь одному, а всей Московской городской думе, права которой он постоянно ущемлял. Происходило это из-за его неукротимого темперамента и огромной уверенности в своей правоте. К тому же, будучи человеком действия, он терпеть не мог долгие дебаты. По воспоминаниям современников, «высокий, плечистый, могучего сложения, с быстрыми движениями, с необычайно громким, звонким голосом, изобиловавшим бодрыми, мажорными нотами, Алексеев был весь — быстрота, решимость и энергия».

В. М. Дорошевич в своей «Трагедии о Московской думе и об украденном ларце» создал литературный портрет градоначальника за «думской» работой:

Здесь Алексеев заседал суровый,
Что Грозного прозвание получил.
На этом кресле он сидел
И в сей звонил он колокольчик,
Смирняя оппозицию непокорну;
Отселе громы посылал он
И молнии молниеносных взглядов.

До него заседания длились часами, часто не приводя ни к какому решению. Он вел всё быстро, говорил только по существу и не считал нужным выслушивать все мнения, которые ему пытались высказать. И если уж какой-то человек ему не нравился, то Алексеев демонстрировал это со всей искренностью. Учитывая, что сам городской голова имел происхождение не аристократическое, можно себе представить, насколько его манера общаться выводила из себя титулованных особ.

Кстати, у него самого был шанс повысить свой сословный статус. В период потепления отношений с великим князем Сергеем Александровичем последний предложил Алексееву получить потомственное дворянство. Николай Александрович отказался решительно, сказав: «Позвольте мне одну милость. Купцом я родился, купцом желаю и остаться».

По воспоминаниям историка М. М. Богословского, «иною гласного он внезапно обрывал замечанием и терроризировал так, что тот смущался и замолкал... помню раз довольно долго говорил какой-то гласный; говорил запинаясь и плохо, укоряя в чем-то городскую управу, что вот она обещала что-то привести в порядок, а вот оказалось... „Не оказалось!“ — раздался громкий окрик, и гласный, не обладавший очевидно опытностью в парламентских дебатах, смутился и сел»^[32].

Подобное обращение само по себе может привести собеседника в ярость, а ведь Алексеев не только вел разговоры, но и распоряжался городским бюджетом — так же решительно и ни с кем не советуясь. Поэтому, конечно же, недоброжелателей у него хватало. В. М. Голицын в дневниковых записях упоминает о конфликтных ситуациях с участием Алексеева: «Вчера в думе произошло крупное столкновение головы с Мамонтовым, который... говорил правду, указывая на очень бесцеремонное превышение власти Алексеевым. Если этот будет продолжать так вести дело, т. е. каким-то пашой, то ряд скандалов будет происходить в думе и кончится падением головы»^[33].

Многие в Москве спорили, сколько продержится на своем посту чрезмерно харизматичный градоначальник. Кстати, прочить ему скорую отставку начали буквально с первых дней назначения на этот пост. Тем не менее он занимал свою должность целых восемь лет и наверняка работал бы и дальше, если бы не трагическая развязка.

Идея о строительстве психбольницы, которую некоторые историки называют делом жизни городского головы, пришла к нему не случайно.

Темой здравоохранения он уже занимался задолго до своего назначения на пост градоправителя. В апреле 1877 года его избрали казначеем Мариинского дамского комитета общества Красного Креста. Собственно, в правительство Москвы он вошел как раз через медицину. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов Московская городская дума пожертвовала миллион рублей на военные нужды и открыла восемь госпиталей на тысячу мест, а Николая Александровича назначили санитарным попечителем. Он тут же со свойственным ему энтузиазмом начал вникать в новую для себя сферу деятельности и прежде всего озаботился здоровьем как солдат, так и потенциальных новобранцев. Выступил с резкой критикой патриархальных порядков на предприятиях — имелась в виду неограниченная власть заводчиков, выжимавшая из рабочих все силы.

Это, по его мнению, становилось одной из причин неудовлетворительного состояния здоровья рекрутов из промышленных губерний. Еще не будучи градоправителем, Николай Александрович стремился улучшить здоровье московских юношей и предложил преподавание гимнастики в начальных городских училищах. В 1889 году была издана гимнастическая инструкция для мужских учебных заведений. По замыслу данный курс должен был способствовать физическому развитию учеников и уменьшать количество болезней, «происходящих в молодом организме от продолжительного сидения». Став городским головой, Алексеев начал активно развивать московскую медицину, содействовать строительству новых больниц и устройству амбулаторий. Число городских лечебниц заметно увеличилось именно во время его правления. Не перестал он и заботиться о здоровье подрастающего поколения. Градоправитель занялся вопросами учреждения санитарного надзора за городскими училищами, поручив это думской училищной комиссии. С 1 января 1889 года шесть городских санитарных врачей приступили к исполнению своих обязанностей. Уже год спустя врачебный надзор распространили на 99 училищ с общим числом учащихся более десяти тысяч.

Градоначальника волновало здоровье самых разных социальных слоев и населения, вплоть до проституток, для которых он тоже ввел подобие медосмотра — «санитарных мер, необходимых для предупреждения развития сифилитической заразы». Многочисленные санитарные мероприятия градоначальника давали результат, особенно заметный во время вспышки холеры. «Похоже, будто на холеру накинута аркан. Понизили не только число заболеваний, но и процент смертности. В громадной Москве холера не идет дальше 50 случаев в неделю, а на Дону

она хватает по тысяче в день — разница внушительная», — писал А. П. Чехов.

Конечно, душевнобольные тоже находились в поле зрения Алексеева, тем более что к моменту его избрания в 1880-е проблема нехватки психиатрической помощи встала особенно остро. Общее количество коек всех московских психиатрических больниц вместе с частными лечебницами и полицейскими домами составляло 670 коек, а численность населения Москвы тогда уже выросла до 750 тысяч человек. Получается, на тысячу жителей приходилось 0,9 койки, в два раза меньше, чем в Петербурге, хотя и там наблюдалась острая нехватка. Вникнув в печальные цифры, городской голова пришел к выводу, что «в Москве нет большей нужды, как устройство помещений для душевнобольных», и тут же принялся бороться с этой нуждой.

Чтобы сразу помочь душевнобольным хоть чем-то, Алексеев открыл временную психиатрическую клинику на 50 мест, использовав для этой цели старинный дворец, принадлежащий руководителю крупной цветочной компании, садоводу Ф. Ф. Ноеву. В народе здание называли «Ноева дача». Естественно, самого Ноева пришлось уговаривать, и для этого градоначальник задействовал всю свою мощную харизму. В воспоминаниях писателя Н. Д. Телешова частично приводится его прочувствованная речь: «Если бы вы взглянули на этих страдальцев, лишенных ума... из которых многие сидят на цепях в ожидании нашей помощи... нужно немедленно найти помещение... и сегодня же его отопить, завтра наполнить койками, а послезавтра — больными». Ноев дал согласие. Проследив, чтобы на этих дополнительных койках разместили самых тяжелых больных, городской голова занялся постройкой новой крупной больницы, которая бы смогла соответствовать количеству населения Москвы.

Кстати, несмотря на все, порой справедливые обвинения в излишней самоуверенности городской голова всегда прислушивался к мнению профессионалов. Перед тем как приступить к работе над проектом психбольницы, он созвал экспертную комиссию в лице известных психиатров В. Р. Буцке, А. Я. Кожевникова и С. С. Корсакова. Обсуждались комплексные вопросы — не только о расширении психиатрической помощи в Москве, но о ее оптимизации. В итоге решили уже имеющуюся Преображенскую больницу отдать для лечения хронических пациентов, а для «острых» больных построить новую лечебницу на 300 коек на Канатчиковой даче. Именно это и отображено в постановлении городской думы от 27 июня 1889 года.

Местом для будущей лечебницы выбрали территорию усадьбы коллекционера Ивана Бекетова. На участке размером 59 гектаров разместились дом, окруженный парком, а также оранжерея, пруд, зимний сад и птичник. Правда, этой землей уже владел другой хозяин — купец Козьма Иванович Канатчиков, из-за чего и появилось название «Канатчикова дача». На этот раз уговаривать Алексееву никого не пришлось — Канатчиков уже успел продать этот участок городской думе для размещения скотобойни.

По свидетельствам современников, Николай Александрович выделял этот проект среди многих других, считая постройку психбольницы делом своей жизни. Даже лично проверял качество кирпича, кидая об пол по одному из каждой партии. Расколовшийся кирпич означал, что всю партию безжалостно отправят обратно.

Краснокирпичные корпуса имели высокие потолки и стены толщиной в 70 сантиметров, в окна вставлялось специальное сверхпрочное стекло. Всё делалось согласно грандиозному плану, разработанному архитектором Л. О. Васильевым. Пожалуй, и дворцы не строились так качественно, как это пристанище для сумасшедших. Разумеется, средств на такую стройку потребовалось запредельно много. Сохранились точные цифры общей сметы: 823 тысячи 372 рубля. Насколько велика эта сумма? Можно попытаться подсчитать, сопоставив ее со стоимостью основных продуктов питания или с жалованьем представителей «вечных» профессий, например, учителя или врача. Но есть один факт, дающий точное понимание картины без всяких подсчетов — весь бюджет Московской городской управы на тот момент составлял 489 тысяч 510 рублей.

Любой другой начальник в такой ситуации либо сильно урезал бы масштаб проекта, либо вообще отложил бы стройку до лучших времен, но не Алексеев. Он не согласился ни на удешевление, ни на отсрочку. Предложил начать строить прямо сразу, за счет имеющихся средств, а параллельно собирать недостающие. Сбором он занимался лично — вложил немало от себя и обратился к своим товарищам по сословию, московским купцам. Многие откликнулись и внесли значительные суммы; полный список благотворителей ныне хранится в больничном музее. Там можно посмотреть и конкретные суммы: Т. И. Назаров — 50 тысяч рублей, супруги И. Д. и А. В. Баевы — 200 тысяч рублей, С. Т. Морозов — 100 тысяч рублей, В. Е. Морозов — 60 тысяч рублей, Е. А. Кун — 143 тысячи 40 рублей.

Самое крупное пожертвование совершил в октябре 1890 года тот самый Фрол Яковлевич Ермаков, вошедший в историю с

коленипреклонением. Внучатая племянница Алексеева, как уже говорилось, не верила, что такой уважаемый человек стал бы унижать городского голову, но ведь за фактами может стоять и не тот смысл, что кажется при поверхностном знакомстве. Первый русский хлопковый магнат, инженер-механик и благотворитель Н. А. Варенцов описывает эту историю очень подробно, и она предстает в несколько ином свете. Согласно воспоминаниям Варенцова, «выслушав голову, купец с раздражением ответил: „Жертвуй, все жертвуй! Ну а что мне от этого, ведь никто в ножки мне не поклонится“. Алексеев снял с себя цепь, бывшую на нем как эмблема городского головы, положил на стол и, к необычайному изумлению Флора Яковлевича, повалился к нему в ноги, касаясь лбом пола: „Кланяюсь и прошу вас... ради массы страждущих, несчастных и бесприютных больных, не имеющих возможности лечиться, пожертвовать на это доброе дело!“ Обескураженный Ермаков встал, пошел в кабинет, откуда вынес чек на 300 тысяч рублей и вручил Алексееву»^[34].

При всем самодурстве и амбициозности было в московском градоначальнике по-отцовски заботливое отношение к своему городу и к его жителям, особенно самым бесправным. Ему искренне хотелось, чтобы несчастные и жалкие сумасшедшие тоже радовались жизни. На Канатчиковой даче всё было продумано для этого. Два симметрично расположенных отделения — мужское и женское — каждое из четырех двухэтажных кирпичных корпусов. В центре между ними — больничный храм и приемное отделение. А позади — множество хозяйственных построек: кухня, баня, котельная, мастерские, цейхгаузы. Алексеев настоял, чтобы здания по возможности соединялись друг с другом теплыми переходами, он думал о комфорте больных и тех, кто будет с ними работать. Наверняка он с большим нетерпением ждал открытия своего детища, но судьба не позволила ему увидеть этот прекрасный момент...

История гибели выдающегося московского градоначальника потонула в еще большем количестве легенд, чем его падение на колени перед купцом ради строительства психбольницы. Даже факты в разных источниках описываются по-разному. По одной версии, Алексеев пошел провожать посетительницу и в дверях столкнулся с молодым человеком, который несколько раз выстрелил в него из пистолета. Человек этот якобы считал, что изобрел лекарство от инфлюэнцы, пытался попасть со своей идеей на прием к градоначальнику, но его не пустили. По другой — сумасшедший (его звали В. С. Андрианов) все-таки попал на прием и стрелял в Алексеева прямо в кабинете. Есть информация, что в кармане убийцы нашли записку: «Прости. Жребий пал на тебя». Подробности дела старательно не

разглашались, будто бы по желанию императора Александра III, что тоже не очень логично, поскольку царь неплохо относился к московскому градоначальнику. Известны слова самодержца, сказанные после гибели Алексеева: «Я любил его за то, что не занимался политикой, а только делом».

Странно и то, что у душевнобольного оказался пистолет. По свидетельству Г. А. Штекера, в семье Алексеевых сохранилась своя версия гибели Николая Александровича: «Говорили, что это была месть обманутого жениха (или брата обманутой девушки) и что в этом несчастье была романтическая подкладка». В случае справедливости этой версии как раз становится понятным нежелание царя ворошить подробности и очернять облик выдающегося человека. Сплетни в прессе на тему гибели Алексеева в какой-то момент начали решительно пресекаться.

Бесспорно одно: покушение произошло 9 марта — как раз в день выборов городского головы, когда Алексеев должен был избираться на четвертый срок. Существовала группа противников, которая пыталась не допустить его переизбрания. По воспоминаниям публициста А. В. Амфитеатрова, «против него была сбита большая оппозиционная партия, сильная не настолько, чтобы своротить вовсе Алексеевское влияние, но все-таки способная отравить торжество непогрешимого головы. Москва ждала с глубоким и живым интересом большой междоусобной войны».

Войны не случилось. Алексеев получил несколько пуль в живот. На место происшествия быстро приехал врач, которым был Николай Васильевич Склифосовский. Он взялся зашивать рану, но предупредил, что за исход не ручается. Действительно, от одной из пуль начался перитонит. Алексеева (как и А. С. Пушкина) мог бы, возможно, спасти пенициллин, но его открыли только в 1928 году. Более суток шла борьба за жизнь градоначальника, при этом Алексеев находил в себе силы шутить над своим печальным положением. Последним желанием умирающего стала просьба довести строительство психбольницы до конца. Согласно его завещанию, вдова закончила грандиозный проект, построив помимо прочих зданий еще и электростанцию, обеспечившую светом не только все палаты, но и хозяйственные постройки и квартиры персонала.

Известно, что в целом семья Алексеевых пожертвовала на эту больницу 300 тысяч рублей, но, скорее всего, на деле сумма могла быть и больше. В честь него сначала собирались назвать один из корпусов, но ввиду огромных заслуг покойного градоначальника имя его получило все медицинское учреждение. О его печальной кончине, пожалуй, лучше всех выразился современник и коллега, предприниматель и меценат С. И.

Четвериков в своей книге «Невозвратное прошлое». Он считал, что гибель Алексеева от руки душевнобольного, «одного из тех, призрению которых он отдал столько личной энергии и сил, учредив психиатрическую лечебницу „Канатчикова дача“ — учреждение, занявшее одно из первых мест в ряду подобных в Европе, — это одна из тех гримас судьбы, познать которые не дано человечеству».

Глава двенадцатая. Долгая жизнь Канатчиковой дачи

Днем открытия знаменитой «дурки» — Московской психиатрической больницы им. Н. А. Алексеева — стало 12 мая 1894 года. Для Москвы это событие было весьма значимым, недаром покойный городской голова так активно участвовал в строительстве. Как уже говорилось, до того момента в городе существовала единственная больница для душевнобольных — Преображенская в Матросской Тишине — и ее мощностей для оказания помощи всем нуждающимся явно не хватало. Попасть туда по собственному желанию или при помощи родственников не представлялось возможным: больница была настолько переполнена, что почти все время на самом видном месте в ее приемной висело объявление: «За неимением места прием больных прекращен». Больные поступали только по распоряжению судебных и полицейских властей.

Еще при жизни городского головы его инициативу о строительстве подхватил В. Р. Буцке, в те годы — главный врач Преображенской больницы. Подобно нашему герою, Виктор Романович посещал европейские страны и привез оттуда человеколюбивые принципы лечения и содержания душевнобольных. Еще в 1870-е годы он добивается введения систематического труда для пациентов, улучшает работу больничных служителей, требует ограничения применения «горячечных рубашек». Став в 1887 году главным врачом Преображенской больницы, Буцке первым в России вводит принцип нестеснения, а в 1889 году — систему открытых дверей. Руководя больницей, он все больше понимал недостатки старого подхода к лечению и содержанию душевнобольных и разрабатывал идеи новой, современной психиатрии, способной удовлетворить нужды большого города.

Когда Буцке предложили проектировать новую больницу для душевнобольных, он применил все свои знания и наработки. По его мысли, больница должна была «выдержать критику многих поколений». Весьма оригинальной идеей для того времени был отказ от психиатрической специфики и специальных приспособлений. «На душевнобольных при приеме и помещении их в больницу следует смотреть так, как и на всяких других больных», — писал Буцке. В больнице он стремился создать уют и почти домашнюю атмосферу, строго следил за доброжелательным

отношением персонала к пациентам, за постоянной занятостью больных. Смирительные рубашки были запрещены, решетки на окнах сохранялись только в беспокойных отделениях, в 1900 году были упразднены изоляторы. В каждом отделении имелись помещения для трудовой терапии, которые по вечерам служили для отдыха и развлечений. А в 1903 году началось строительство отдельного здания мастерских для больных. Большое внимание Виктор Романович уделял гигиене: следил за тем, чтобы пациентов регулярно мыли, меняли белье и одежду. Пациент И. К. Быковский в 1903 году писал: «Директор Виктор Романович Буцке весь проникнут гуманным и либеральным духом сделать жизнь больных как можно легче и светлее... все здесь, начиная от удобной койки и здоровой пищи и кончая роскошным конференц-залом и бильярдом и роялем, находится в самых лучших условиях чистоты и гигиены. Все здесь представляет из себя последнее слово больничного комфорта»^[35].

Столкнувшись с огромным потоком неизлечимых пациентов, Буцке понял, что помочь всем душевнобольным пока что — несбыточная мечта и даже такой огромной больнице всегда придется быть перенаселенной. По его инициативе начали собирать пожертвования и вокруг больницы построили дополнительные корпуса приютов для хронических больных. Но проблему нехватки мест приходилось решать здесь и сейчас. В 1903 году главному врачу московской больницы пришлось прибегнуть к способу, который Кащенко давно и успешно практиковал в Ляхове. Имеется в виду организация помощи за пределами больницы, то есть патронаж. Впрочем, нельзя сказать, что Буцке подражал в этом Кащенко. По рассказам современников, он сам имел подобный опыт в самом начале врачебной карьеры. Правда, речь шла о частном случае, не поставленном «на поток». Еще во время работы в Преображенской больнице один из друзей Виктора Романовича был признан неизлечимым душевнобольным. Буцке не согласился с таким приговором и настоял на переводе больного в деревню в крестьянскую семью. Родственники поверили врачу и согласились — и действительно, состояние больного со временем значительно улучшилось.

Но даже такие меры не спасали больницу от переполнения. Чтобы хоть как-то решить проблему, Буцке в 1901 году представил в городскую управу докладную записку. В ней он предлагал принимать пациентов в больницы только через врачей-психиатров. Казалось бы, а как еще это можно сделать? Но нет, на тот момент решение о госпитализации принимал вовсе не медицинский работник, а чиновник управы, не имевший врачебного образования. Кроме того, в своей записке Буцке подробно описывал новый способ призрения душевнобольных, городской патронаж,

для того, чтобы перевести его на официальные рельсы. Это и было сделано решением городской думы, правда, не сразу, а только через два года от момента подачи записки.

В. Р. Буцке был хорошим руководителем, равнодушным, болеющим за судьбы больных. Он планировал много полезных преобразований и, вероятно, добился бы их, но в 1903 году ему пришлось оставить свой пост из-за резкого ухудшения состояния здоровья. Вскоре бывший главный врач скончался.

Как мы помним, Кащенко подал заявку на участие в конкурсе кандидатов на замещение этой вакансии. Комиссия изучила все присланные резюме и оставила для голосования только два — нашего героя и старшего врача больницы Александра Ивановича Мальшина. Наверняка последний очень надеялся на победу, ведь очень часто бывает так, что именно первый заместитель сменяет начальника. Но, видимо, Кащенко имел очень высокий профессиональный рейтинг. Голоса членов комиссии разделились почти поровну, и наш герой получил всего на один судьбоносный голос больше.

А. И. Мальшин все-таки дождался победы: именно ему предстояло сменить Петра Петровича, когда тот отправился в Петербург создавать Сиворицкую больницу. Мальшин будет руководить Алексеевской больницей с 1907 года до 1917-го, но до того ему придется поработать под началом более удачливого конкурента.

К моменту прибытия Кащенко в Москву его старший сын Борис был уже женат, дочь Евгения получала медицинское образование в Санкт-Петербурге, а сыновья Петр и Юрий учились в гимназии.

Как порадовало нашего героя устройство московской больницы! Новая, хорошо оснащенная, благоустроенная лечебница с вполне приличными условиями содержания больных. В коллективе работали десять врачей высокой квалификации. Всё то, что Кащенко внедрял на предыдущих местах работы, здесь уже процветало и приносило свои плоды, благодаря усилиям его предшественника. Всё, кроме одного — картину сильно омрачало состояние труда младшего персонала. Их рабочий день длился 17–19 часов, нередко после короткого сна в комнате при отделении они снова заступали на дежурство. Работали эти люди без отпусков и выходных, а зарплату получали чрезвычайно скромную, мужчины — 7–10 рублей в месяц, а женщины и того меньше — 5–6 рублей. Жили такие сотрудники в полуподвале жилого корпуса, порой по две семьи в одной комнате. Помещения им достались темные, сырые, полностью лишенные какого-либо уюта и комфорта. Дети служащих часто болели —

оспа, дифтерия, брюшной тиф, туберкулез были их постоянными спутниками. Такие условия труда и быта вынуждали младший персонал покидать больницу через год-два работы на износ.

Кащенко считал, что материальное благополучие и условия жизни персонала прямо влияют на качество лечения и обслуживания больных. В больнице в то время работали 196 дядек и 105 няnek, а также несколько десятков человек дворовой прислуги, все они находились в тяжелых условиях. Новый главный врач тут же предпринял энергичные меры для исправления таких обстоятельств. Ему пришлось побороться и пообивать чиновничьи пороги. После долгих уговоров городская управа все-таки разрешила построить на территории больницы отдельные деревянные жилые бараки для младшего персонала. Поняв, что строительство займет довольно длительное время, Кащенко переселяет врачей с семьями в город, а освободившиеся квартиры передает рабочим и прислуге. Часть младших служащих тоже переселили в город, больница оплачивала им проживание. Эти меры улучшили быт сотрудников, но проблема условий труда оставалась по-прежнему острой.

Петр Петрович снова и снова обращался в городскую управу. Постепенно лед таял, а требования реализовались. Продолжительность рабочего дня младшего персонала уменьшили до 11,5 часа, установили выходные дни. В течение уже первого года работы Кащенко на посту главного врача младшим сотрудникам увеличили зарплату почти вдвое — до 12 рублей в месяц. В штат ввели старших дядек и няnek с окладом 25 рублей. Кроме того, Кащенко понимал, что опытные сотрудники гораздо более ценны, чем новые, и младший персонал стал получать «стажевые» деньги и дополнительную прибавку за выслугу лет. И, как уже упоминалось выше, наш герой боролся с неграмотностью младших служащих и их детей.

Продолжая традиции, заложенные Буцке, Кащенко внедрял систему нестеснения: в спокойных отделениях двери в палаты перестали запирались. Никаких фиксаций и связываний по назначению врача не применялось, кроме разве что влажных обертываний. Арсенал лекарственных средств оставался по-прежнему скудным. Однако в 1905 году в бывшей котельной открылся физиотерапевтический кабинет, где стали проводить гидропроцедуры, лечебную гимнастику и электропроцедуры. При Кащенко появились здания мастерских и клуба, в котором устраивались самодеятельные спектакли, музыкально-литературные и танцевальные вечера. Конечно же, концерты не обходились без его личного участия.

Средств на все это великолепие постоянно не хватало. Петру Петровичу приходилось использовать даже скромные доходы от продажи сена, льда с пруда Бекет, цветов из оранжереи, горшков из гончарной мастерской и другой продукции трудовой терапии больных.

Кащенко всегда был активным пропагандистом системы патронажа душевнобольных и продолжал в этом линию, начатую Буцке. При нем количество патронажных больных увеличивается, причем как в сельском, так и в городском патронаже. Заведовал патронажем в то время врач Павел Павлович Бруханский, возглавивший больницу в революционном 1917 году.

К патронажной деятельности в больнице всегда относились с большим вниманием, тщательно выбирая и семью, и больного, которого туда направляли. В частности, для «домашнего» лечения никогда не отбирали эпилептиков, алкоголиков и склонных к суициду. Принимающая семья тоже имела четко прописанные обязанности. Приехавшему пациенту требовалось предоставить отдельную небольшую спальню с кроватью и столиком. Также семья отвечала за питание больного, одним из непреложных условий были его обеды за общим столом вместе с хозяевами. Работать или помогать семье, их приютившей, больных не обязывали, но с согласия самих больных это допускалось. За патронаж принимающая семья получала по 9 рублей 50 копеек. Сумма не зависела от пола пациента и его работоспособности. При этом больница обеспечивала каждого пациента личными вещами, постельным бельем, табаком и спичками, да еще и давала деньги на карманные расходы. Персонал больницы ежедневно обходил патронажных пациентов, проверяя, все ли исполняется должным образом.

С началом революции действие этой хорошо отработанной системы остановилось. Тем не менее в советские годы больница продолжила работу, хотя ее коснулись различные изменения. В 1922 году, когда «старорежимников» еще не трогали, ей присвоили имя нашего героя. В 1930-х прибольничную территорию, которая составляла 59 гектаров, сократили наполовину. Вместо сельского патронажа открылся больничный филиал — сельскохозяйственная колония в Тропареве, просуществовавшая до 1969 года. Один из корпусов, построенных при Буцке для призрения детей, стал самостоятельным детским отделением, а с 1962 года — детской психиатрической больницей № 6. А в 1950–1970-е годы больница обзавелась новыми корпусами, двумя зданиями мастерских, комплексом парников и оранжерей.

Во время Великой Отечественной войны «Кащенко», как и многие

другие медицинские учреждения, перепрофилировали под военные нужды. В нее направляли для лечения раненых с черепно-мозговыми травмами. В клубе перед ранеными часто пела в концертах девочка, мама которой работала в этом госпитале. Спустя годы имя девочки узнает вся страна, она станет знаменитой певицей Людмилой Зыкиной.

Бывали в стенах больницы и другие известные люди. Еще во времена Буцке больницу посещал Лев Толстой. Писатель вел переписку с одним из больных, навещал его и даже уговаривал главного врача поскорее его выписать, искренне сочувствуя душевнобольному. В 50-х годах XX века в больнице обосновались стационар и отделение судебно-психиатрической экспертизы. Находясь на такой экспертизе, встретил новый, 1964 год в стенах «Кащенки» Иосиф Бродский. Как вспоминает в биографии поэта Лев Лосев, его устроили туда на обследование друзья в надежде, что диагноз душевного расстройства спасет его от худшей участи.

Здесь, в палате шестой,
встав на страшный постой,
в белом царстве спрятанных лиц,
ночь белеет ключом
пополам с главврачом.

Нельзя не упомянуть и Владимира Высоцкого, отразившего свое пребывание в «Кащенке» в целом ряде песен, включая самую известную — «Письмо в редакцию телевизионной передачи „Очевидное — невероятное“ из сумасшедшего дома». Всенародно любимый певец и артист лечился в больнице от алкогольной зависимости в начале 1971 года, чему З. М. Агеева посвятила целую книгу — «Я лечила Высоцкого». Правда, вредного главврача Маргулиса, который в песне «телевизор запретил», никогда не было. В те годы больницей руководил В. М. Морковкин, известный в стране психиатр, автор множества научных работ, пользующийся авторитетом специалист. Поговаривали, что он жаловался на то, что популярность ему принесли не заслуги на научном поприще, а безнадежный пациент, каким оказался Владимир Высоцкий: «Сколько всего сделал в психиатрии, а попал к нам один алкоголик лечиться и прославил на весь мир».

В 1994 году больнице, прочно запомнившейся как «Кащенко», вернули историческое название — имени Н. А. Алексеева. В 1979 году открылся музей больницы. На почетном месте там лежит книга нашего героя

«Здоровый стол», подписанная в дар больнице. В отдельной комнатке собраны балалайки и домры разных размеров — для больничного оркестра. Правда, по словам работников музея, эти инструменты появились уже в советское время, а те, на которых когда-то создавал свой «великорусский» оркестр Петр Петрович, не пережили Великой Отечественной войны. Есть среди экспонатов и печать, принадлежавшая брату нашего героя Всеволоду. «Доктор Кащенко» — выбито на ней.

В клубе больницы и во многих ее отделениях за долгие годы постепенно собрался целый вернисаж изобразительного искусства пациентов. В последнее время художественные мастер-классы стали более разнообразны по технике и больные разрисовывают дупла деревьев, растущих на больничной территории. Порой выходит весьма талантливо — во всяком случае, Белая лошадь и Ежик в тумане, глядящие из одного такого дупла, выглядят практически как живые. Психиатры больницы выпускают газету «Нить Ариадны», в которой освещают актуальные вопросы научной и практической психиатрии. А еще у больницы с 2014 года есть своя радиостанция «Зазеркалье».

Большинство пациентов, с разрешения лечащего врача, могут гулять по территории и выходить в город, на ключ закрываются только двери отделений и медицинских кабинетов. Некоторые пациенты днем уходят работать или учиться, а вечером возвращаются. Существует также дневной стационар, в котором пациенты находятся днем, а ночуют дома. На территории имеется оранжерея, где пациенты сами выращивают около 70 тысяч растений.

Но вернемся к нашему герою. Мифологическая привязка его именно к московской больнице — некая случайность, но она далеко не случайна. Кащенко гораздо дольше и плодотворнее работал в качестве психиатра как раз не в Москве, а в Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде, где главные психиатрические больницы до сих пор носят его имя. Но ему удалось стать ярким явлением в своей профессии, обогатив русскую психиатрию не научными открытиями, а глобальным подходом к организации лечения душевных болезней. Именно поэтому он смог взять в свои руки систему психиатрической помощи только что возникшего Советского государства. Именно этим и запомнился властям. А Москва, будучи столицей, естественно, была заметнее остальных городов, оттого и появился в сознании миллионов людей этот неделимый образ «Кащенко» — синоним самого слова «психбольница».

Уже в XXI веке столетнюю племянницу нашего героя Анну Всеволодовну Кащенко неоднократно спрашивали о ее отношении к

переименованию больницы. Это осталось и в ее последних интервью: «В прошлом году, когда я отдыхала в отделении геронтологии на этой самой Канатчиковой даче, меня главврач спросил: „Анна Всеволодовна, а как вы относитесь к тому, что больница уже не носит имя Кащенко?“ Я говорю: „Как я могу к этому относиться? Очень хорошо! Кащенко работал здесь какое-то время, но построена она на деньги Алексева, а после его смерти его жена там очень много сделала: построила несколько корпусов и провела канализацию... Правильно, что больнице дали имя Алексева“. Главврач говорит: „Ну, я очень рад, что вы так относитесь“. Я говорю: „А иначе, по моему, и нельзя относиться к этому“».

Глава тринадцатая. Сиворицы: от первого камня до золотой медали

Пока наш герой с успехом трудился на посту главного врача Московской психиатрической лечебницы им. Н. А. Алексеева, строительство новой больницы в Сиворицах вступило в завершающий этап. Весной 1907 года Петербургское губернское земство, согласно договору, отозвало Петра Петровича из Москвы. Проводы его превратились в демонстрацию любви и преданности как персонала больницы, так и пациентов.

Прощальное торжественное собрание открылось в здании лечебно-трудовых мастерских (сейчас это клуб больницы). Старший ординатор приват-доцент Московского университета Н. П. Постовский от имени коллектива выразил признательность Кащенко за преобразования, которые тот успел сделать в больнице, и преподнес ему поздравительный адрес, написанный в самых теплых и искренних выражениях. Отмечалось, что Петр Петрович «своей общественно-врачебной деятельностью оказал крупное содействие Алексеевской больнице в успешном разрешении давно уже поставленного вопроса о более совершенной постановке ухода и надзора за душевнобольными путем осуществления мероприятий, направленных на поднятие профессионального уровня младших служащих»^[36]. Все выступавшие выражали сожаление по поводу кратковременности руководства больницей. Кащенко также преподнесли альбом с фотографиями всех врачей больницы. Особенно торжественные и трогательные проводы устроил младший персонал. В день отъезда все свободные от работы сотрудники собрались у административного корпуса, где устроили небольшой митинг. В благодарность за заботу младшие сотрудники преподнесли главному врачу золотые часы и собранную ими небольшую сумму денег. Петр Петрович был очень растроган таким глубоким проявлением чувств. Собранные деньги он попросил передать в фонд больничной библиотеки.

Врач В. И. Семидалов, современник нашего героя, работавший в больнице под его руководством, так описал проводы: «Вся толпа, стройно идущая, с возгласами в честь уезжающего проводила Петра Петровича с женой до границ Канатчиковой дачи. В ясный вечер апрельского дня эта празднично настроенная толпа производила эффектное и трогательное

впечатление горячих проводов человека, заслужившего, без всякого сомнения, искреннюю признательность служительской корпорации»^[37]. Всего два с половиной года проработал наш герой в больнице, до сих пор ассоциирующейся с его именем, однако он смог оставить яркий след в истории этого заведения и добрую память о себе в сердцах сотрудников.

Между тем работы по строительству больницы в Сиворицах шли не без трудностей. Изначально запланировали, что постройка больницы будет проводиться смешанным порядком: строительные работы — хозяйственным образом, а отопление, водоснабжение, освещение и канализация — фирмами по конкурсу. Кроме того, для обеспечения планируемой стройки кирпичом крестьяне Пилицины-Кондаковы построили кирпичный завод. Выполнили также прочистку русла реки Сиворки. К 1905 году все подготовительные мероприятия завершились, пришла пора начинать полномасштабное строительство, но из-за продолжающейся Русско-японской войны процесс сильно затормозился. Конечно же, причиной тому были финансовые трудности, но и не только они. Во время войны имение Сиворицы оборудовали для лечения раненых. В каменный дом завезли оборудование из Петербурга, наняли трех фельдшеров, двух медсестер, двоих палатных служителей, повара, прачку, дворника. А стройка оказалась заморожена на долгое время, и психбольница грозила так и остаться в стадии закладки, ведь сразу после войны началась первая русская революция, которая только усугубила финансовые затруднения. Во время событий 1905–1906 годов петербургский губернатор А. Д. Зиновьев с ужасом рапортовал государю о беспорядках, захлестнувших губернию. В отличие от многих причину он видел не в каком-то абстрактном вольнодумстве, а в «сильнейшем упадке благосостояния людей». Губернатор входил также в комиссию по строительству новой больницы и понимал важность этого проекта. Именно его ходатайство императору в 1906 году спасло положение. По высочайшему повелению из казны была отпущена безвозмездная ссуда, и с этого времени работы в Сиворицах пошли полным ходом.

Итак, мечта нашего героя сбылась — он попал в столицу. Надо отметить, что Санкт-Петербург, собравший в себе шедевры архитектуры, творения живописи и многих выдающихся людей, лидировал также по уровню сумасшедших. Можно было бы связать эту особенность с административным статусом города — столица притягательна, в нее едут со всех концов страны. Но эта причина явно была не основной и уж точно не единственной. Доказательством служит тот факт, что, по данным Министерства здравоохранения Российской Федерации за 2018 год,

Петербург продолжает занимать уверенное первое место по числу пациентов с психическими расстройствами среди всех российских городов и регионов. Эксперты по здравоохранению говорят, что бояться этих цифр не стоит. Они означают не столько высокий уровень заболеваемости, сколько просвещенность петербуржцев и доверие к психиатрам. В критических ситуациях люди не сидят дома, а идут лечиться. Но ведь нечто подобное должно наблюдаться и в Москве, а там при гораздо большем населении количество душевнобольных все-таки меньше.

Ректор Восточно-Европейского института психоанализа Михаил Решетников объясняет тотальное петербургское сумасшествие специфическим климатом города, его длительной зимой, а также постоянной пасмурностью, которая «обладает удивительной способностью мучить и невротизировать вполне нормальных людей». По прогнозам профессора Решетникова, пациентов с психиатрическими диагнозами в Петербурге может в скором времени стать больше, чем онкобольных и сердечников, вместе взятых. У культурологов на этот счет другое мнение. Они считают сумасшедших неотъемлемой частью городской культуры Санкт-Петербурга. Даже покровительница этого города, святая Ксения Петербургская, относилась к юродивым и, согласно формулировке из энциклопедии, «несла подвиг добровольного безумия в течение 45 лет».

Люди с альтернативной психикой давно привычно сочетаются с образом Петербурга.

Я не знаю, каков процент
Сумасшедших на данный час,
Но если верить глазам и ушам,
Больше в несколько раз.

Это строки из песни «Муравейник» знаменитого ленинградца Виктора Цоя. У историка Льва Лурье есть даже эссе «Безумный Петербург». В нем, помимо блаженной Ксении, описаны литературные юродивые (князь Мышкин), а также «сиятельные идиоты» (принц Александр Ольденбургский). По мнению Лурье, «Петербург издавна позиционирует себя как город умалишенных». Историк утверждает, что сумасшедшие в Северной столице — ее «естественное достояние», «интегральная часть городской культуры, как парижские клошары или уличные музыканты Нью-Орлеана».

Прекрасно описаны в эссе городские сумасшедшие брежневской

эпохи: «К 70-ым сумасшедшие вернулись на Невский проспект: господин в поношенной черной тройке с беретом и хризантемой в петлице, меривший проспект быстрым шагом в любую погоду, старушка в старорежимной шляпке с облезлым шпиком, заговаривавшая с прохожими по-французски, ветеран Балтфлота, утверждавший, что опоздал на поезд в Гатчину, и потому просивший вспомоществования. Расплодились поклонники таинственного (прежде всего, искатели пришельцев), фанатики рождения детей в воде и моржевания. Ослабевшая власть махнула на них рукой. Толерантность к безумцам обозначала скорую общую толерантность...»

Итак, Петербург сводил людей с ума своим климатом, но он же при этом не отторгал безумцев, признавая их частью себя, оттого их количество здесь росло быстрее, чем в других местах. И оттого городу очень требовалось не только много больниц, но и особенно внимательные и чуткие доктора. Таким как раз и был наш герой.

По приезду в Петербург Кащенко начал работу с анализа общего состояния местной психиатрии. Первым делом в 1908 году он затеял новую перепись душевнобольных в губернии, проводимую по разработанной им программе. Результаты продемонстрировали безотрадную картину. Больных оказалось много, а помощь им оказывалась минимальная, да и то ее получали далеко не все. «Причины такого положения больных в населении, — писал Петр Петрович в своем отчете, — главным образом в материальной необеспеченности деревни и в отсутствии качественной психиатрической помощи населению губернии. И трудно при этом решить, кто при этом больше страдает: сам больной, или его семья, или иногда и целое общество»^[38]. В 1909 году, докладывая о результатах переписи на Третьем съезде отечественных психиатров в Санкт-Петербурге, Кащенко повторил эту мысль. А также подчеркнул, что данные психиатрической статистики очень важны: они определяют развитие помощи на местах и по всей стране в целом.

Он снова и снова будет возвращаться к этому вопросу, убеждая все большее число своих коллег в значимости статистических данных, а в 1911 году на Первом съезде Русского союза психиатров предложит даже создать Центральное статистическое бюро при правлении союза. Конечно, наш герой не ограничивался словами — данные проведенной им переписи помогли ему разработать перспективный план развития психиатрической помощи в Петербургской губернии.

Но вернемся в Сиворицы. Больничный комплекс, спроектированный И. Ю. Мошинским, не уступал московскому творению Алексева. Он состоял из тридцати зданий и отвечал самым передовым для своего

времени санитарно-гигиеническим и научно-техническим требованиям. Корпуса располагались в парковой зоне, геометрической основой проекта архитектор выбрал круг, в центре которого находились технические помещения (котельная, электросиловая станция), мастерские, квартирный корпус для среднего и младшего персонала, церковь и склады с сараями. Жилища пациентов, расположенные вокруг жизнеобеспечивающих зданий, находились на достаточном расстоянии друг от друга, что позволяло разбить отдельные садики рядом с каждым отделением, идеально подходящие для прогулок.

В больничные здания провели электрическое освещение, паровое и водяное отопление. Имелись притяжная и вытяжная вентиляция, водоснабжение из пробуренной артезианской скважины и канализация с биологической станцией очистки. Хозяйство больницы планировалось весьма обширным: скотный двор, конюшни на 16 лошадей, мастерские; привели в порядок старый помещичий огород с теплицами и парником, разбили еще один огород и фруктовый сад.

Не забыли в проекте и о персонале больницы. Бывший помещичий дом стал административным корпусом. В нем, помимо кабинетов директора, смотрителя и приемной конторы, разместились медицинская библиотека, лаборатория клинических исследований (на месте бывшей театральной сцены), аптека. Директору для проживания предоставили флигель господского дома, а для двух врачей построили два отдельных особняка, прочим сотрудникам предоставляли жилье в квартирном корпусе, в отдельных квартирах (двухкомнатных площадью 65 квадратных метров) или отдельных комнатах. Жилые помещения были меблированы, а сотрудникам полагались отдельная прачечная, баня, хлебопекарня, кладовые, кухня и библиотека.

Кстати, в этой больнице довольно оригинально соединялись в одном здании церковь и театр. В первоначальном проекте церковная и театральная части здания должны были разделяться лишь раздвижной ширмой, но в дальнейшем решили все-таки обособить эти две части здания. Масштабы обеих частей впечатляли. Зал для собраний площадью около 220 квадратных метров включал театральный зал на 300 зрителей, сцену с осветительной аппаратурой и декорациями, оркестровую яму и две костюмные-уборные. Церковь же была рассчитана на 250 молящихся. Для досуга пациентов на территории лечебницы имелись площадка для игр с кегельбаном, качели, гигантские шаги, гимнастические снаряды, площадки для крокета, футбольное поле. На озере оборудовали две крытые купальни.

Открытие больницы стало своеобразным подарком к пятидесятилетию

Кащенко. В январе 1909 года Петр Петрович отметил свой юбилей, а в феврале петербургский губернатор прислал уведомление о «принятии Сиворицкой больницы под Августейшее покровительство Ея Императорского Величества Императрицы Марии Федоровны». 2 марта того же года больницу освятили. За ближайшие пять месяцев в Сиворицы из другой петербургской больницы Всех Скорбящих перевели 62 пациента, которые находились там на арендуемых койках; параллельно шел прием больных, направляемых земскими участками.

Конечно же, при строительстве новой лечебницы не забыли о всех возможных мерах нестеснения: корабельные стекла в отделениях для беспокойных пациентов, мягкий режим, близкий к домашнему, диетическое питание. Первоначальные опасения, что больные будут вести себя агрессивно, бить стекла, не оправдались — таких случаев было мало. К тому же для пациентов со склонностью бить посуду существовали чашки из папье-маше. Убегали из больницы очень редко, еще реже беглецов не настигали и не приводили обратно. Примечателен национальный состав больных: согласно отчетам, около 14 процентов пациентов не владели русским языком (финны, ижорцы, немцы). Поэтому младший персонал комплектовался в основном из финнов и эстонцев. Родственники могли посещать больных в любые дни и часы с разрешения врача, причем от железнодорожного вокзала в Гатчине их доставлял больничным омнибус.

Нельзя не сказать о развлечениях больных в Сиворицкой больнице. Чего только там не было! Настольные игры — шашки, карты, домино, газеты, журналы, книги. В саду стоял граммофон. «Замечено, что он оказывал несомненно успокоительное влияние, особенно когда больные находились в сборе массой, например, во время прогулки в садиках, — отмечал Кащенко в своих записях. — В отделениях выработался и особый прием пользования граммофоном. Если была прогулка, то граммофон ставился у раскрытого окна и посылал свои звуки в садики»^[39].

К услугам больных также были рояль, фисгармония, комплект инструментов для великорусского оркестра. Из детей сотрудников и жителей ближайших сел набрали хоровой коллектив. Руководил им, конечно же, сам Петр Петрович, причем не только руководил, но и сочинял музыкальные пьесы. При содействии В. М. Бехтерева приобрели кинематографический аппарат. В зале для представлений устраивались театральные представления и музыкальные вечера, иногда даже приглашали артистов со стороны. Первое представление дали 24 ноября 1910 года, силами служащих и членов их семей поставили комедию «Единственная» и водевиль «Жена напрокат». Зимой 1910 года Петр

Петрович сформировал великорусский оркестр из числа служащих. Как гласят отчеты о работе больницы, в праздничных представлениях участвовало от 85 до 93 больных.

Атмосферу в Сиворицах тех лет хорошо передает описание одного из больничных праздников в газете «Речь» от июня 1910 года:

«Но главную и наиболее замечательную особенность лечебницы, может быть, более еще ценную, чем „последние слова“ ее внутреннего благоустройства, — составляет ее общее расположение. Представьте себе огромное, до самого горизонта, зеленеющее пространство, оживленное свежим блеском, тут вот, у ног, текущей реки. Со всех сторон, куда ни кинешь взгляда, — далекая кайма из лесов...

На чистом воздухе работают, играют в кегли, занимаются гимнастикой, гуляют, бродят по открытым лужайкам, прекрасному тенистому парку, вдоль реки, предоставленные самим себе, в то же время охраняемые заботливым, но не докучливым контролем служебного персонала.

Лужайка сплошь усеяна публикой. Больные, служащие, надзиратели, сиделки, врачи, их семьи, молодежь и подростки из соседней деревни — все вместе. На пригорке — заправской садовой эстраде — „военный“ оркестр гатчинского пожарного общества, кажется...

Где же больные? Беглым взглядом в толпе их выделить почти невозможно. Разве только по некоторому однообразию костюмов.

Гремит музыка, танцуют больные и здоровые вместе. Странные танцы. Хоровод с несложными фигурами. Большинство больных смотрят на танцующих с равнодушием. Еще не расшевелились. А тут, рядом, больной эстонец, весь занятый собой, не замечает ни танцев, ни публики, в самом центре лужайки, быстро-быстро крестится и крестится. Без конца. 10, 15, 20 раз. Потом кладет низкие поклоны, касаясь лбом земли. Встает, стоит минуту в раздумье и начинает медленно, жеманно выводить ногами какие-то фигуры, намекающие на русскую камаринскую. Надоест это, он с большими усилиями раскачивается с пустыми руками, точно бросает тяжести. Никто, конечно, ему не мешает. Больные, не заинтересованные танцами, наблюдают за его „действиями“. Одни улыбаются, словно понимая, что человек занят вздором. Другие, наоборот, смотрят с сочувственным вниманием, точно участвуя в его важном предприятии.

В стороне с задумчивым лицом, с застывшим выражением добродушного лукавства, стоит больной, прислоняясь к дереву, и говорит сам с собою. Разговор хозяйственный. Улавливаю отрывочные слова:

Рожь продам. Земля-то ничего.

Высокий „здоровый“ больной, имеющий вид слегка подвыпившего

рабочего, подходит, здороваётся и благодарит, что мы вздумали „навестить их“.

Вообще, многие из больных здоровались и вступали в разговоры, делясь впечатлениями от праздника. Очень охотно больные заговаривали с представителями врачебного персонала. Так, большей частью, ни к чему, а скорее, так сказать, приласкиваясь.

Главным праздником для больных явились игры. Игры вполне оригинальные, рассчитанные на шумный смех.

Бег в мешках... Бегают они, конечно, с большим трудом, похожие на ванек-встанек. Падают, поднимаются и, спотыкаясь, добегают до финиша. Смех стоит гомерический. Больные большей частью только улыбаются, но игра доставляет им развлечение большое.

Битье горшков... На невысоком месте — глиняный горшок. Кому-нибудь завязывают глаза и дают в руки палку. Его задача — пройти к горшку прямо и разбить его одним ударом палки. Хохот открывает ему его заблуждение. Больным в этой игре везет необыкновенно. Надо думать, что тут мы имеем дело со злоупотреблениями при завязывании глаз. Победителю устраивают овацию и выдают премию стоимостью в двугривенный — кошелек, книжка и т. п. Больной сияет.

В этих играх прошли незаметно два часа. Вечереет. Программа исчерпана. Больным на длинных столах сервирован чай с бутербродами. Играет музыка.

Доктор Кащенко, все время поглощенный наблюдениями за играми и выполнением программы, освобождается. Мне удастся побеседовать о его больных.

Трудно, глядя на П. П. Кащенко, сказать, что вся деятельность этого энергичного человека протекает среди печальных явлений одной из самых удручающих человеческих болезней. Столько в нем жизни, спокойствия и бодрости. Но это именно и необходимо на таком посту.

Где же ваши буйные больные?

Буйных больных как таковых нет, — отвечает с улыбкой на мой вопрос профана доктор. — Больные могут быть буйными. Условия, обстановка, неразумный режим могут сделать больного буйным. Вот почему одним из главных моментов лечения мы считаем, прежде всего, индивидуализацию больных. И стремимся, по возможности, создать каждому больному соответствующую обстановку — не только внешнюю, но и моральную — в смысле соседства и т. п. Так что некоторых больных бывает целесообразно отдавать в подходящие семьи под патронаж. Затем, на первом плане, возможное отсутствие стеснений индивидуальной свободы. Лечебница не

должна быть не только тюрьмой, как некогда, но и не должна даже, по возможности, походить на больницу. Чем больше простоты, чем ближе к домашней обстановке, к условиям жизни на свободе — тем лучше. И наряду с этим развлечение и труд»^[40].

Удивляет, насколько современно звучат слова Кащенко, сказанные более ста лет назад. Ведь тогда многие, даже среди врачей, не верили в возможность реабилитации и тем более ресоциализации психически больных. Поэтому их и признавали неизлечимыми, отделяли от здоровых, привязывали к кроватям, заковывали в цепи...

Сейчас уже давно установлено, что длительная ремиссия, например, у больных, страдающих шизофренией, вполне возможна и наступает она часто по мере социального восстановления, эти вещи связаны. В Европейской декларации по охране психического здоровья указано, что реабилитация психически больных является средством интеграции лиц с ограниченными возможностями в социум и становится механизмом создания равных возможностей для больных. Сама психиатрическая помощь сегодня становится не только медицинской, но медико-социальной поддержкой человека. Это сложный междисциплинарный процесс, включающий медицинские, социальные, психологические, юридические, педагогические аспекты.

И тогда, в самом начале XX века, Кащенко осознанно шел именно к этой цели. Он пытался создать для больных компенсационные структуры, которые бы позволяли им фактически жить обычной жизнью, с досугом, общением и, конечно же, постоянным трудом. Поэтому пребывание в больнице вовсе не превращалось для пациентов в бесконечный праздник, как можно было бы подумать, читая воспоминания современников или статьи в прессе. Больничные концерты проводились еженедельно, к ним, конечно же, готовились, но все остальное время больных занимали различным трудом. Помимо наружных работ на ферме, в огороде и в поле пациенты работали в цехах, лечебных мастерских — портняжной, сапожной, столярной, обойной, кузнечной, в цехе ремонта старых изделий. Здесь очень важно провести грань между трудотерапией как таковой и задействованием труда больных в бюджете заведения.

Действительно, заинтересованность в плодах трудов пациентов имела место. Их изделия продавались, помогая поддерживать уровень жизни внутри больницы. И это включало в себя, конечно же, не только жалование персонала, но и (в первую очередь) нужды пациентов, в том числе и качественное питание. Как мы помним, наш герой придавал пище огромное значение, считая ее одним из лекарств в борьбе с психическими

нарушениями, и его самая объемная работа — это кулинарная книга. Но в то же время выгода от труда больных никогда не ставилась во главу угла. Приоритетом оставался труд как возможность вытащить больного из раковины его недуга, помочь ему ощутить себя нормальным, дать позитивные эмоции от работы в коллективе, а главное — помочь с личной самореализацией.

3. М. Агеева приводит интересный эпизод относительно отбора больных для трудовой терапии. Его пересказала Ольга Дмитриевна, жена старшего сына Петра Петровича Бориса. «Увидев во время беседы с одним малодоступным больным его заинтересованный взгляд на букет цветов в кабинете, Петр Петрович поручил ему уход за цветочными клумбами. Больной первое время работал медленно, вяло. Петр Петрович поощрял его похвалой и подарками и больной постепенно втянулся, стал живее, доступнее, общительнее, у него оказался эстетический вкус. Со слов родных выяснили, что дома он всегда любовно ухаживал за цветами летом, а зимой делал искусственные. Вскоре он получил свободный выход из отделения, а через некоторое время был выписан домой на попечение родных».

Кащенко заботился не только о своих пациентах. Он верил, что можно улучшить уход за больными, подняв интеллектуальный и моральный уровень тех, кто непосредственно находится с ними. Теплые и трогательные московские проводы — только одно из многих проявлений благодарности людей, которые работали под его началом. Переехав в Петербург, он также уделял много внимания быту работников и их всесторонней подготовке. Пользуясь полномочиями главного врача, он создал в Сиворицах школу для младшего медицинского персонала. В программе полуторагодичного обучения преподавались медицинские дисциплины, а также сведения по биологии, физике, химии. Дело было поставлено достаточно серьезно: в 1910–1911 годах из 84 слушателей успешно выдержали испытания только 23 человека, восемь получили «передержку», а остальных оставили на второй год.

Повышали в этой школе и специальные знания в области психиатрии. Для этой цели вся больница на время становилась «университетской» клиникой. На лекциях сам Кащенко и другие врачи демонстрировали студентам больных в качестве учебной иллюстрации. Младший персонал учился на практике делать записи о больных, эти листки затем помещали в историю болезни, или скорбный лист, как ее называли раньше. В историческом очерке постройки больницы есть несколько примеров подобных записей с сохранением оригинальной орфографии. Делали их так

называемые «дядьки», которым поручалось присматривать за больными.

Дядька Б-в:

«П. в продолжении моего дежурства все время возбужденном состоянии был спостели вскакивал делал большой напор выходит разговаривал песни пел свистел».

Дядька Л-в:

«С 8 часов до 10 час. читал Евангелие после чтения выходил в клозет и это время был расстроен религиозностью».

Дядька Г-в:

«В 2 часа подойдя ко мне и спрашивает скажи мне пожалуйста что то из меня выстроивают зачем ко мне подводят бабу я им не больной вот через это у меня и бессонница... барышни не дают мне покою все лезут ко мне и жгут мне голову илликтричеством».

Дядька Л-в:

«Р. вышел из спальни подошел к деж. служ. и спрашивал о возможности получить разрешение заняться в лаборатории составом зрывчатыми веществами служ. отклонил этот вопрос не знанием».

Несмотря на очевидный недостаток общей грамотности, «дядьки» достаточно конкретно и по существу описывали состояние пациентов.

Помня про позитивный опыт Бурашева, Кащенко начинает думать о создании в Гатчинском районе патронажной системы. В 1912 году его стараниями первый патронаж появился в деревне Тихковицы неподалеку от Гатчины. Вскоре присоединились и другие патронажные деревни. В результате их создания больница постепенно обрастала небольшими отделениями типа маленьких колоний, которые играли важную роль в лечении больных и помогали хозяйству самой больницы.

Когда на руководящем посту оказывается человек не только умный и энергичный, но и креативный — его «правление» становится эпохой. Кащенко приступал к руководству больницами, всегда ставя перед собой целый комплекс задач, начиная от помощи конкретным пациентам и организации распорядка и быта в конкретном заведении до глобальных идей, главной из которых он считал «приближение психиатрической помощи к населению». Переезд в Петербург дал Петру Петровичу уникальную возможность реализовывать свои структурные замыслы, ведь в его руках оказалась психиатрия целой губернии. Главную роль при этом он отводил земской медицине, которая должна была, по его мнению, вести учет больных, наблюдать их, обеспечивать лекарствами, направлять в больницы и патронаж. Работая в Сиворицах, Кащенко организовал тесную связь со всеми участковыми больницами и пунктами почти всех уездов

губернии, вел с ними обширную переписку, собирал врачей и фельдшеров на инструктажные курсы при больнице, разработал карточку учета душевнобольных и организовал систему наблюдения за пациентами после их выписки.

Сиворицы очень скоро стали местом, гораздо более посещаемым, чем когда-то Бурашево. В красивый Гатчинский район с хорошей транспортной доступностью постоянно приезжали врачи из разных мест Российской империи знакомиться с опытом организации психиатрического дела. А когда в Санкт-Петербурге в 1910 году проходил Третий съезд отечественных психиатров, передовую клинику официально посетили десятки делегатов. Не случайно именно Сиворицкая больница оказалась среди медицинских учреждений, которые представляли Россию в 1911 году на Дрезденской международной гигиенической выставке. Там были представлены чертежи, диаграммы, фото, данные переписи душевнобольных 1908 года, Петр Петрович лично составил брошюру на двух языках. Экспозиция, посвященная русской земской медицине, получила в Дрездене международное признание, а Сиворицкая больница стала известна за пределами России, заслужив много положительных отзывов от иностранных специалистов.

Именно в этой больнице Петр Петрович максимально полно реализовал свои таланты: врачебные, организационные, музыкальные. За период работы в Петербургском земстве он написал десять крупных работ по организации психиатрии, книгу «Здоровый стол», принимал участие во многих съездах, был членом редакционной коллегии журналов «Современная психиатрия» и «Психиатрическая газета».

В 1913 году Петербург стал местом проведения крупной гигиенической выставки, приуроченной к XII съезду Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова. В подготовке экспозиции приняли участие 15 министерств и ведомств, десятки земств, основу выставки составил русский отдел на Дрезденской международной гигиенической выставке, прошедшей двумя годами ранее. Экспозиция включала 12 тематических отделов, в том числе «Больничное дело и больничное хозяйство», «Земская и городская медицина». На Петроградской стороне на берегу реки Ждановки на площади пять гектаров выстроили почти 70 павильонов и киосков. На этой, последней в истории царской России гигиенической выставке были представлены учреждения различных регионов. П. П. Кащенко, наряду с В. М. Бехтеревым, был удостоен почетного диплома за разработку сведений по переписи душевнобольных Санкт-Петербургской губернии. А Санкт-Петербургское губернское земство получило малую

золотую медаль «за устройство и прекрасное оборудование больницы для душевнобольных в Сиворицах».

Петр Петрович без преувеличения «сделал» эту больницу, и она носит его имя с 1920 года. Сразу после его смерти она была названа так по инициативе народного комиссара здравоохранения Николая Семашко. С тех пор название этого учреждения несколько раз менялось, но только по части административно-служебных аббревиатур и в связи с переименованием Ленинграда обратно в Санкт-Петербург. Имя Кащенко всегда оставалось неизменным, доказывая, что справедливость существует. Петр Петрович был ее основателем и директором, он проработал в ней девять плодотворнейших лет, а до того участвовал в ее организации и обустройстве.

Петербургская больница не стала такой же известной, как ее московская сестра, но ее история насыщена памятными событиями не менее, а в чем-то даже и более. Правда, события эти очень нерадостные. Именно Сиворицкая больница, оказавшаяся в годы войны во власти оккупантов, подверглась операции Т-4. Так назывался евгенический план немецких нацистов по стерилизации и физическому уничтожению людей с психическими расстройствами. Эта страшная программа, попирающая все идеалы гуманизма, имела четко прописанные этапы. Согласно ей, сначала уничтожались только дети до трех лет, затем все остальные возрастные группы. В рамках этой программы были убиты все пациенты больницы имени Кащенко в количестве около девятисот человек. Некоторых больных успели спрятать жители близлежащих деревень. Нацисты также казнили главного врача М. И. Дуброва и весь медицинский персонал. Занимались исполнением казни подразделения 9-го полицейского батальона. Сразу после зачистки больницу перепрофилировали в военный госпиталь для 18-й германской армии. После снятия блокады немцы бежали, разрушив на прощание главный корпус и многие другие больничные строения. Спустя десять лет после победы недалеко от больницы, в двух километрах от села Никольского Гатчинского района, установили обелиск с надписью: «Здесь, 22/XI — 1941 г. были зверски замучены и сожжены фашистскими палачами более 900 советских людей, находившихся на лечении в больнице им. П. П. Кащенко».

Сама больница после войны была восстановлена и продолжила свою работу. Так как население Ленинградской области сильно выросло, ее пришлось расширить. В настоящее время она занимает территорию в 250 гектаров и состоит из более чем ста зданий; это не только лечебные корпуса, но и общежитие для персонала, а также приют для больных,

утративших социальные связи. На территории есть отдельный центр психосоциальной реабилитации, аптека, магазины, столовая, своя котельная — в общем, все необходимое для жизни. Напротив центрального корпуса больницы установлен бронзовый бюст Петра Петровича Кащенко.

Часть построек в больнице принадлежит к объектам культурного наследия. Это церковь и зал для собраний; также к исторически ценным объектам относятся «павильон для слабых», «заразный барак», центральная станция стерилизации, пищеблок и машинный корпус. Санкт-Петербург хорошо помнит нашего героя. К 100-летию Сиворицкой больницы и 150-летию Кащенко вышла уже неоднократно упоминавшаяся здесь книга «П. П. Кащенко. Жизнь и судьба». Инициатор ее издания и соавтор Олег Васильевич Лиманкин — главный врач этой больницы, а также создатель музея Сиворицкой усадьбы и исследователь деятельности Петра Петровича Кащенко.

Лиманкин, современный психиатр высочайшего уровня, уверен, что Кащенко совершил революцию в российской психиатрии. В своем интервью газете «Известия» главный врач больницы в Сиворицах утверждает: «Именно Кащенко удалось убедить власти в том, что психически больные люди нуждаются в постельном, а не тюремном режиме, и воздействовать на них нужно не палками и кандалами, а лекарствами, уходом и прогулками». Почему же получилось так, что главное место работы, «больница жизни» нашего героя осталась в тени? Все очень просто: ведь самые высокие административные посты Петра Петровича связаны с Москвой, а петербургский период его жизни советских историков не интересовал, о нем говорили очень мало. Гораздо важнее тогда было подчеркивать революционную деятельность «прогрессивного доктора».

В наши дни больница в Сиворицах славится прежде всего своими успехами в деле реабилитации. В ее красивом историческом здании, окруженном старинным парком, залечивают свои душевные раны жертвы насилия и люди с неудачными попытками суицида. Также здесь реабилитируются люди, жившие в психушках долгие годы и растерявшие из-за этого все свои социальные связи. Здесь учатся жить заново те, кто десятилетиями существовал в изоляции от остального мира, забыв, как ходить в магазины и ездить в общественном транспорте. Главный врач больницы имени Кащенко уверен в огромной эффективности внебольничной медицины. Собственно, это и есть то, к чему когда-то стремился наш герой, устраивая свои патронажные деревни, только воплощается оно уже немного по-другому.

Из-за этой идеи Олег Васильевич Лиманкин старается сокращать количество коек, хотя это невыгодно: больничное финансирование утверждают исходя из количества койко-мест. Но это не повод плодить учреждения-тюрьмы, считает главный врач. Он вовсе не одинок в своих воззрениях — нечто подобное уже давно происходит в Европе, например в Италии или в Скандинавских странах. Традиционные психбольницы закрывают, заменяя их новой инновационной моделью лечения. Олег Васильевич сомневается, готово ли к таким мерам наше российское общество, которое пока недостаточно толерантно даже к обычным инвалидам с вполне нормальным интеллектом. Но ситуация все же меняется к лучшему: сейчас в Сиворицах очень многие лечатся амбулаторно, приходят с родственниками, для которых есть возможность посетить музей в усадьбе Демидова и погулять в старинном парке с прекрасным озером.

К столетию нашего героя в основанной им больнице открылась межрегиональная выставка «Талант вне диагноза», где демонстрировались работы пациентов психиатрических больниц из разных городов и разных лет. Почему-то самой популярной моделью для портретов оказался Сталин. Его пациенты рисовали в огромном количестве и в самых разных вариантах, например с фотоаппаратом или цветами. Среди работ есть и совсем экзотические, например дикари, варящие суп из туриста, или мальчик, стреляющий во врача. Страшные сюжеты порой выполнены очень талантливо, так что задумываешься: где же грань, отделяющая психически больного художника от здорового, сознательно показывающего своими работами боль и ужас окружающего его мира?

Глава четырнадцатая. Братья-психиатры

У людей, не связанных с психиатрией, упоминание фамилии Кащенко вызывает в памяти, конечно же, нашего героя, и только его. Но для его коллег ситуация уже не столь однозначна. Дело в том, что младший брат Петра Петровича Всеволод Петрович оставил после себя, пожалуй, более обширное научное наследие. И уровень новизны его исследований оказался гораздо выше, чем у старшего брата, занимавшегося организационной работой и усовершенствованием системы психиатрической помощи в целом больше, чем научными изысканиями в какой-то конкретной области.

Как уже говорилось, брат нашего героя стал пионером целого направления в российской психиатрии — дефектологии. До него детьми с врожденными психическими недостатками практически не занимались, относясь к ним с фатализмом: что ж сделаешь, если такие родились? Им, как правило, не давали образования, не особенно воспитывали. В лучшем случае водили в церковь, в худшем, при тяжелых расстройствах, они так и оставались спрятанными в недрах домов, лишь изредка обращая на себя внимание любопытных соседей. Между тем, когда эти дети вырастали, к ним начинали пытаться применять какие-то меры и они становились пациентами психбольниц. Но там, разумеется, никто уже не мог им компенсировать лет или даже десятилетий, потерянных для развития.

Почему мысль о помощи таким детям пришла в голову именно Всеволоду Петровичу?

Тому есть две причины. Одна из них — влияние нашего героя. Братья всю жизнь поддерживали теплые родственные отношения, хотя порой жили в разных городах и виделись нечасто. Известно, что Всеволод полностью разделял взгляды старшего брата, ему были очень близки идеалы гуманизма. Братья выросли в многодетной семье, ориентированной на получение образования и духовное развитие. К тому же по традиции старшие братья и сестры всегда заботились о младших, поэтому многие воспитательные моменты Петр и Всеволод знали не понаслышке.

Дочь Всеволода Анна, тоже ставшая психиатром, вспоминает общение обоих братьев с детьми: «Дядя был очень веселый, доброжелательный, спокойный. Когда приезжал к нам, собирал всех ребят: меня с сестрой, моих кузенов и кузину, — и устраивал какие-то игры, объединял нас. Сам играл на пианино, и, как мне кажется, это всегда была импровизация. Втягивал в эти забавы и взрослых, в частности моего отца, с которым они

придумывали смешные, веселые дивертисменты».

Кажется очень логичным, имея такой характер и такого брата, захотеть помочь детям. Но все-таки причина, толкнувшая Всеволода Петровича на создание своего детища — Школы-санатория для дефективных детей, — оказалась иной, простой и материальной. Он просто пытался создать себе место работы. Из-за той же революционной деятельности Всеволода Петровича не только никуда не брали, но и вовсе запретили находиться на государственной службе. При этом ему повезло быть братом уважаемого и признанного психиатра — Петр Петрович все-таки смог доказать свою «благонадежность» властям. Значит, имелся шанс воспользоваться известным именем для развития собственного частного бизнеса. Всеволод видел, что его идея имеет шанс стать востребованной: «неправильных» детей было немало, причем в довольно обеспеченных семьях. Удивительно даже, как часто ему ставили в укор после революции работу с дефективными детьми ради денег! При этом забывали, что «нормальной» работы его лишило как раз сочувствие революционным идеям. А главное — никто даже не подумал, сколько радости его «частная практика» принесла людям, дети которых из безнадежных и слабоумных превращались если не в нормальных, то во вполне адаптированных к жизни.

Можно представить, как волновался он, приступая к этой деятельности! Ведь предшественников и учителей в России у него не было. Не существовало и учебной программы — пришлось разрабатывать всё с нуля. Всеволод начинает тщательным образом изучать детскую психопатологию. Используя связи старшего брата, занимается исследованиями в петербургских лабораториях А. П. Нечаева и А. Ф. Лазурского. И, наконец, добивается возможности поехать в Европу, где к тому времени уже имелись учреждения для аномальных детей, и знакомится с принципами их воспитания и обучения в Германии, Швейцарии, Италии и Бельгии.

Вернувшись в Россию, младший Кащенко занял пустующую нишу коррекционной педагогики, дав надежду многим и многим несчастным родителям. Конечно, Всеволод Петрович брал на себя огромную ответственность. Но ведь он имел прекрасное образование и ни в коей мере не являлся шарлатаном. А кроме того, всегда ощущал за собой поддержку старшего брата, а тот не сомневался ни на минуту в том, что это дело совершенно необходимо и кому-то надо его начать. Совершенно с нуля, без поддержки государства, лишь силами обеспеченных родителей Всеволод создал свою школу-санаторий, в которой реализовал все современные ему

идеи лечебной педагогики, а также валеологии.

Слово «валеология» происходит от латинского *valeo* — «быть здоровым». Основная концепция этой науки — комплексное изучение индивидуального здоровья человека исходя из разных аспектов его индивидуального бытия: социально-экономических, медицинских, экологических и др. Собственно говоря, наука эта в некотором роде родственна теории адаптации. Валеология изучает закономерности, необходимые для поддержания здоровья, а также ищет модели достижения здорового образа жизни. Она получила большое развитие в последние годы существования СССР и, конечно же, расцвела пышным цветом в 1990-е годы — время паранаучных концепций и самых спорных теорий. Сегодня это направление признано псевдонаучным, годным разве что для альтернативной медицины. Правда, в педагогике к нему относятся не так радикально. А вот Русская православная церковь критикует валеологию за ее претензию на создание мировоззрения. В современном своем воплощении валеология среди прочего формирует культ тела и, по мнению священников, приводит к развитию в детях эгоцентризма и эгоизма.

Однако в том варианте, в каком ее использовал в начале XX века Всеволод Кащенко, было очень мало концептуального и мировоззренческого и очень много практического. Педагоги искали подход к каждому ученику исходя из его индивидуальных особенностей. Очень тщательно собирался анамнез. Декларировалось, что не ребенок должен приспособливаться к системе воспитания и программе обучения, а наоборот, — те должны приспособливаться к ребенку. Получалось, что не ребенок учился в школе, а школа изучала ребенка, стараясь выделить все позитивное, что есть в нем, чтобы он сам почувствовал свои сильные стороны. И в то же время осторожно попытаться развить то, что не развито.

В школу Всеволода Кащенко принимались дети в возрасте от четырех до шестнадцати лет. Отбирались «малоуспевающие, нервные и трудные в воспитательном отношении». Брал он одновременно не более двадцати воспитанников и делил группу на три так называемые семьи. Каждая такая «семья» имела воспитателя, проживающего постоянно рядом с учениками. Всеволод, как и его старший брат, придавал большое значение позитивному настрою своих питомцев. Он постоянно говорил о природной потребности ребенка в радости и старался сделать пребывание детей в школе прежде всего интересным. При этом он, как и Петр Петрович, совершенно не собирался превращать свою школу в развлекательный клуб и тщательно следил за тем, чтобы у детей не случался «отрыв от жизни». Связь с жизнью маленькие воспитанники постигали через «метод ручных работ»

— собственно, как и взрослые пациенты старшего брата.

Важнейший вопрос умственного воспитания Всеволод Петрович решил довольно креативно. Он четко поставил задачу своим педагогам: не напичкать детей теми или иными сведениями, а приохотить их к добыванию информации и через это запустить тягу к самообразованию. Он сформулировал этот вопрос так: неважно, мало воспитанник знает или много и что именно он знает, — вопрос в том, как он знает. Проработал ли он материал, пропустил ли его через себя? По идее Кащенко-младшего самое важное — это научить детей пользоваться своими знаниями и навыками и находить контекст для приложения своих интеллектуальных сил.

У первых в России педагогов-дефектологов, работавших под началом Всеволода Кащенко, были в распоряжении программы изучения личности ребенка, лист обследования ребенка, схема сбора данных о наследственности и тестовые методики. В общем, все то, чем пользуются и современные дефектологи. Младший брат нашего героя признавал действенность психокоррекционных методов, но только при максимально точной диагностике дефекта и составлении индивидуальной программы коррекции для каждого ребенка. А еще Всеволод Петрович, по примеру своего старшего брата, уделял огромное внимание развитию своих сотрудников. Он действовал согласно педагогической аксиоме: главный инструмент в работе психологов и педагогов — их собственная личность. Это утверждение актуально и сегодня. Часто говорят: прекратите воспитывать детей, начните воспитывать себя, ведь они все равно будут похожи на вас.

Здесь Кащенко-младший, как и его брат, всегда оставался «на высоте». Он буквально горел своим делом, заражая своим энтузиазмом окружающих. Известный невропатолог Филадельф Дмитриевич Забугин в 1911 году посетил детскую школу-санаторий и оставил свои воспоминания о профессиональных качествах, а также личности Всеволода Петровича: «Всегда живой, веселый, он обладал интуицией понимать те дефекты растущего организма, которые надлежало дефектологу переработать... Целый ряд наших врачей-невропатологов, психиатров владеет большим мастерством в смысле постановки диагноза, а Всеволод Петрович, кроме того, умел быстро, в течение нескольких часов охарактеризовать дефект ребенка, подлежащий исправлению, начертить ту программу, указать те методы, которые постепенно применялись бы в продолжение длительного времени. Я наблюдал не только эту черту. Я наблюдал и то творчество, которое было связано с выявлением этого дара природы. Если кто-либо из

вас вспомнит работу артиста, то подобное может быть отнесено и к Всеволоду Петровичу. Вся его эмоциональная сфера была затронута. Он волновался, он переживал. И если кто был свидетелем его выхода на кафедру, постановки им диагноза, его интересных и длительных консультаций, тот никогда этого не забудет... Дефектологу нужно развивать интуицию, которой так часто не хватает. Она и творческая мысль — вот те особенности, при помощи которых находится правильный способ и верный путь коррекции дефективного детства».

То, что для других было тягостной рутинной, — для братьев Кащенко превращалось в творчество. Один устраивал чаепития и писал музыку для своих пациентов, другой не соглашался с тем, что детство может быть дефективным, и придумывал, как переделать его в счастливое. Учебная программа школы-санатория, разработанная лично Всеволодом Петровичем, представляла собой весьма необычный продукт. Кащенко принципиально не разделял курс обучения на отдельные предметы, стараясь преподавать их в как можно более тесной связи для того, чтобы приучить воспитанников к системному мышлению. Он полагал также, что подобный «курс одного предмета» позволит обнаружить точки интереса ребенка, пусть самые минимальные, а потом уже получится перенести этот интерес на другие предметы.

Как происходило «единое» преподавание практически? Например, на уроках истории хронологические даты «добывались» с помощью математических задач. Дети начинали понимать, как и зачем работать с цифрами и какую пользу может принести знание арифметики. По русскому языку диктанты, изложения и сочинения тоже часто посвящались материалу, пройденному по другим дисциплинам. На каждом уроке подчеркивалась связь знания с реальной жизнью, учащимся ставили задачу находить эти связи. Такой подход оказался очень успешным: многие совершенно необучаемые дети вдруг увлеклись получением знаний. Много внимания Всеволод Петрович уделял развитию нравственного сознания учащихся, их морально духовному воспитанию, а также формированию силы воли. Детей призывали к созиданию себя и собственной, осознанной борьбе со своими отрицательными сторонами.

Всеволод Петрович безумно любил свой проект. Его дочь вспоминала: «Позже отец скажет, что в 1908 г. у него родились близнецы — младшая дочь Анна (то есть я) и сын Санаторий». Школа отличалась домашним, семейным духом. Тон этому задавала жена Всеволода Петровича Анна Владимировна, получившая фельдшерское образование. Она обладала чрезвычайно развитым материнским чувством, которое простирала не

только на своих детей, но и на чужих, которых она окружала искренней любовью. Возможно, именно поэтому в заведении супругов Кащенко ни разу не случилось конфликтов и тяжелых проявлений ненормальности, которые происходили у тех же детей в их семьях. Большое значение Всеволод Петрович придавал режиму дня, который действительно являлся санаторным в том смысле, что при его составлении учитывались прежде всего требования физиологии и гигиены. Составленное расписание выполнялось неукоснительно, часы занятий, отдыха и развлечений чередовались строго и без изменений. В то же время по личной инициативе детей могли происходить небольшие частные отклонения от режима в том случае, если ребенок мог объяснить, зачем это ему нужно. Со своей стороны руководство школы-санатория старалось сделать порядок простым и понятным и постоянно объясняло учащимся его целесообразность. Дети чувствовали себя не подневольной толпой или даже стадом, а частью коллектива с правом голоса. Кащенко специально искал поводы, чтобы проявить внимание к каждому ребенку и вселить в его сознание доверие к врачу.

При этом детей готовили к жизни за пределами санатория, им объяснялось, что случаются неблагоприятные внешние обстоятельства и надо учиться преодолевать невзгоды. Воспитанники имели право на бытовую самоорганизацию исходя из собственных привычек, при этом с обязательным уважением к общему порядку. Раз в неделю дети писали письма своим родным, свидания с которыми строго запрещались. Считалось, что изолировать ребенка от семьи на продолжительное время необходимо для продуктивности его лечения.

Эти письма родным тоже становились частью обучения. Педагоги старались пробудить в ребенке рефлексию, осознание ценности эмоций и интерес к их наиболее точному выражению через слово. Всеволод Кащенко считал, что письменная беседа особенно благотворна для умственного развития. Она воспитывает культуру мышления, пробуждает привязанности, в том числе — скрытые и неосознанные, а в конечном итоге потребность выражать чувства в слове является лучшим воспитанием души.

Заведение Всеволода Кащенко быстро стало известным. Сработало сарафанное радио: родители, видевшие явный прогресс в состоянии своих детей, охотно делились информацией о необычном докторе со своими знакомыми. Кстати, что касается коммерческой стороны предприятия, то школа-санаторий вовсе не обогатила супругов Кащенко. Родительская плата, отнюдь не запредельно высокая, почти полностью уходила на

покрытие расходов и зарплаты персоналу. Главной мотивацией для Всеволода Петровича оставался научный интерес. Каждый день он наблюдал процессы, происходящие с воспитанниками, смотрел, как работает созданная им система практически. Свои наблюдения он тщательно фиксировал и таким образом по камешку, по крупице закладывал фундамент научной дефектологии. Уже позже, проработав какое-то время, Кащенко-младший, опять же при поддержке Петра Петровича, стал публично пропагандировать научные основы воспитания и обучения «исключительных» детей. К 1909 году он даже добился официального признания: его пригласили на совещание врачей и учителей в Московской городской управе. Главным вопросом в повестке дня стояла организация вспомогательных (коррекционных) классов при школах. Участвовал брат нашего героя также в отборе детей для первого Смоленского вспомогательного училища.

К очередному съезду психиатров в Петербурге Всеволод Петрович подготовил обширный доклад под названием «Медико-педагогический уход за умственно отсталыми детьми». Важный момент: он впервые обратил внимание ученых на то, что часто путают детей умственно отсталых и просто педагогически запущенных, и подчеркнул, что при умственной отсталости педагог тоже нужен, но главная роль в воспитании должна принадлежать врачу. В том же 1909 году Всеволод Петрович выступил с докладом на XII съезде естествоиспытателей и врачей. На этот раз темой стало «устройство лечебно-педагогических заведений для умственно отсталых и морально отсталых детей». Выступление Всеволода Кащенко послужило толчком к созданию в России образовательных учреждений для разных категорий детей, не подпадающих под общепринятые нормы.

Во всех своих выступлениях, статьях и докладах Всеволод Петрович повторял одну и ту же мысль: в деле коррекции исключительных детей важен прежде всего индивидуальный подход. То, что растормошит и приобщит к социуму одного ребенка, может стать травмой и даже гибелью для психики другого. Команда, состоящая из врача и педагога, должна находиться в постоянном напряжении, чутко отслеживая каждую реакцию своего воспитанника и готовясь мгновенно изменить тактику, если того потребуют обстоятельства.

Понятно, что подобные призывы не могли сильно вдохновлять власть имущих и даже просто рядовых методистов, утверждающих программы. Подобные структуры и люди, в них работающие, заинтересованы как раз в как можно большем усреднении — так гораздо удобнее. Поэтому к успехам

дефектолога-пионера в официальных кругах относились всегда двойственно: вроде бы и с интересом, но без заметного энтузиазма. Будучи революционно настроенным, Всеволод Петрович очень надеялся, что ситуация поменяется со сменой режима.

Когда случилась Февральская революция, Кащенко-младший потратил много сил, пытаясь привлечь внимание Временного правительства к проблеме аномальных детей. Он даже выступил с докладом на совещании Министерства государственного призрения. Темой стало присутствие психически неполноценных воспитанников в обычных средних учебных заведениях. Оратора выслушали со вниманием, в виде резолюции признали целесообразным создание специальных коррекционных школ, но тем дело и закончилось. Казалось, что со следующей, Октябрьской революцией Всеволоду Петровичу повезло больше. Он с восторгом писал: «Широкие возможности научно-исследовательской и общественно-педагогической работы открыла для меня Октябрьская революция, которую я приветствовал, начав одним из первых работу в Наркомпросе и в 1918 году передав ему по собственной инициативе руководимый мною санаторий-школу».

В этот период Всеволод Кащенко наиболее тесно и плодотворно сотрудничал со старшим братом, который тоже активно поддерживал установившийся новый порядок. Дело развития дефектологии продвигалось стремительно. Большевистское правительство действительно взяло под свое крыло заведение супругов Кащенко. На основе его уже в 1918 году появился так называемый Дом изучения ребенка, представлявший собой педагогическую клинику, аналогов которой просто не существовало ранее. Год спустя открылся музей детской дефектологии, состоящий из трех отделов: изучение ребенка, коррекционная педагогика, а также детское творчество. Всеволод в то время пребывал в эйфории, которой делился со старшим братом. Сбывались его мечты о создании единой сети специальных школ для дефективных детей.

5 июня 1918 года вышло постановление Совнаркома, включавшее дефективные школы в государственную систему народного просвещения. Это означало конец инвалидно-призренческой традиции в деле обучения и воспитания психически ненормальных детей, с которой так давно боролся Кащенко-младший. На 1920 год запланировали Первый Всероссийский съезд деятелей по борьбе с детской дефективностью. К сожалению, Петр Петрович не дожил до съезда, скоропостижно скончавшись в феврале, и Всеволоду Петровичу пришлось полностью взять на себя всю организационную нагрузку. Съезд прошел в Москве с 24 июня по 2 июля

1920 года, председательствовала на нем сестра Ленина Анна Ильинична Ульянова-Елизарова. Тогда проблема детской дефектологии впервые получила широкий общественный резонанс.

А тем временем количество дефективных детей росло в геометрической прогрессии — ведь вся страна переживала ужасы Гражданской войны. Военные действия сопровождались разорением хозяйств и, что еще хуже, полным разрушением прежнего уклада, в том числе семейного. Наряду с голодом и эпидемиями всероссийским бедствием стала детская беспризорность. Разумеется, огромная армия беспризорников, бродившая по разоренным городам, не отличалась психическим здоровьем. Дефектологов катастрофически не хватало, и Всеволод Петрович выступил с инициативой, открыв на базе своего бывшего заведения шестимесячные курсы по обучению работников данного профиля. Это оказалось каплей в море. Тогда при поддержке властей Кащенко-младший создал специализированное высшее учебное заведение — Педагогический институт детской дефективности и возглавил его. Вуз просуществовал до 1924 года, став после этого факультетом Московского педагогического института (сегодня это МГПУ).

В процессе работы с беспризорниками перед Всеволодом Петровичем встал новый вопрос — не очевидный, но крайне важный. Где проходит граница между здоровым ребенком, находящимся в стрессе, и психически ненормальным? Как вообще сформулировать понятие нормы? Выяснилось, что психологи, изучающие только нормальных детей, не понимают детей исключительных и, наоборот, — дефектологи не разбираются в законах «обычной» детской психологии. В свете этого Всеволод Петрович начал требовать от детских психологов более глубокого и комплексного внимания к подопечным. Не смотреть только на симптоматику, но тщательно изучить биографию ребенка, чтобы понять причины дефективности. Также он серьезно задумался о таком явлении, как психосоциальная гигиена детей.

Все это выглядело прогрессивным и на самом деле таковым являлось. Самоотверженная работа Кащенко-младшего, помноженная на большое личное обаяние (свойственное, кстати, обоим братьям), принесла ему огромную известность. В архиве его дочери Анны хранилось письмо от коллеги, описывающее отца: «Все в нем было гармонично: и прекрасная внешность, и поступки, достойные истинного интеллектуала. Был он очень собранный человек, его рабочий день был всегда точно регламентирован... Вокруг Всеволода Петровича всегда царил какое-то необыкновенно чистое, детское настроение».

Сейчас уже трудно установить, что послужило причиной краха.

Скорее всего, имела место чья-то зависть — не только к яркому человеку и блестящему ученому, но и к возможностям, которые открывались перед ним благодаря его таланту. В начале 1920-х попасть за границу было практически невозможно. А Всеволод Петрович по поручению Народного комиссариата просвещения поехал в Германию для обмена опытом в деле борьбы с детской беспризорностью. Это произошло в конце 1923 года и стало началом эпохи международных связей Медико-педагогической станции, которой заведовал Кащенко-младший. Три года все шло по нарастающей, на станцию приезжали гости из разных стран и со всех концов СССР, а осенью 1926-го Всеволода Петровича внезапно отстранили от руководства без объяснения причин. С этого момента начался закат его блестящей карьеры. Нет, он продолжал работать, но неожиданно оказался на периферии дефектологии. Место ему нашлось в Московском областном доме работников просвещения, где он стал руководить секцией изучения и воспитания исключительных детей. И на симпозиумах время от времени выступал, но в газетах и отчетах почему-то его фамилию часто забывали указывать. Он не сдавался, хотя, по свидетельству дочери, постоянно ощущал горечь и обиду. В 1928–1932 годах вместе с Н. А. Семашко и Ю. В. Каннабихом читал по радио серию лекций на тему «Нервные дети. Единственный ребенок». С 1928 года издавал журнал «Вопросы дефектологии».

Незадолго до смерти Всеволоду Петровичу присвоили ученую степень кандидата педагогических наук. Учитывая колоссальный масштаб его достижений и разработок, это кажется слишком скромным признанием. Правда, степень дали по умолчанию, без защиты кандидатской. В последние годы этот блестящий ученый написал крупную работу «Об исправлении недостатков характера детей и подростков», но ее забраковали, и около 50 лет она пролежала мертвым грузом у его дочери Анны, ставшей востребованным логопедом-дефектологом. Уже после перестройки к Анне Всеволодовне пришел журналист Леонид Витальевич Голованов, который интересовался семьей Кащенко. Он прочитал книгу, потом показал ее специалистам, и те с удивлением подтвердили актуальность этой работы. В 1992 году книга В. П. Кащенко вышла в издательстве «Просвещение».

А в далеком 1936 году, посреди постоянного замалчивания вдруг появилась статья о В. П. Кащенко в тридцать втором томе Большой советской энциклопедии, выдержанная в нарочито прохладных тонах. Тот самый Л. В. Голованов в своем исследовании «Достойный пример жизни и творчества» подробно разбирает эту статью: «С трудом сдерживаемая

неприязнь людей, занявших ключевые места в той научно-педагогической области, которой он отдал жизнь, сквозит в строках канонического издания. Да, он в 1908 году создал в Москве санаторий-школу для дефективных детей, но почему далее говорится, что она лишь „служила базой для работы ряда дефектологов“? Во-первых, он сам как ученый возглавлял педагогов-дефектологов, а во-вторых — это была исходная база формирования государственно организованной дефектологии как самостоятельного педагогико-психологического направления в научной и вузовской жизни нашего общества. Санаторий-школа В. П. Кащенко явился прообразом института человека (разумеется, в рамках своих исторических возможностей, в меру развитости производительных сил и духовного производства своего времени, степени развития социальных отношений и наличных теоретических ресурсов). Читаем, однако, далее: „Изданная в 1912 году под редакцией и с участием К. книга ‘Дефективные дети и школа’ была одним из первых русских учебников по дефектологии“. Здесь необходима существенная поправка: не „одним из“, а первым русским учебником, положившим действительно научное начало такой литературе в нашей стране. И, наконец, тезис, совершенно непозволительный для справочного пособия общекультурной и социально-политической важности: „На работах К. сильно сказалось влияние различных (каких же именно? — Л. Г.) идеалистических теорий: корни дефективности К. ошибочно видел в наследственных или ‘врожденных’ свойствах ребенка“. Как раз наоборот, на его работах, особенно последних, лежала отчетливая печать научно-материалистического понимания сущности личности. Можно подумать, что анонимный автор статьи был просто не знаком с трудами Кащенко и пользовался заимствованными мнениями, если не предположить заведомой тенденциозности и сознательного искажения истины».

В немилости в этот момент оказалась вся семья Кащенко — в том же первом издании БСЭ статьи, посвященной нашему герою Петру Петровичу, не оказалось вовсе. Сейчас это кажется просто невыносимым. Но факт остается фактом. Почему же так произошло? Ведь оба брата Кащенко не только пострадали за революционные идеалы, но и всегда искренне поддерживали советскую власть!

По словам дочери Всеволода и племянницы нашего героя Анны, «это было настоящее избиение старой интеллигенции». Действительно, как раз в то время проходила большая кампания против «старорежимных» специалистов в разных областях. Их высмеивали в сатирических журналах, на них рисовали карикатуры и незаметно выдавливали из жизни. Почему

получилось так?

Дореволюционная интеллигенция, даже та ее часть, которая активно поддерживала революцию, воспитывалась на традиционных ценностях, которые в новом мире, строящем идеологию с нуля, оказались неуместными и даже опасными. Облик советского медика совершенно не походил на земского врача с его привычкой к подвижничеству и сострадательности. Эти качества, особенно помноженные на религиозную составляющую, получили наименование «мелкобуржуазной морали», чуждой настоящему советскому человеку. Поэтому многие представители интеллигенции, в том числе медицинские работники, массово эмигрировали. Из-за сильных идеологических акцентов их колоссальный научный потенциал и практический опыт оказались просто невостребованными. О «старорежимных» врачах не писали в советских медицинских энциклопедиях, в журналах не публиковали их некрологов. Они просто исчезали, растворяясь в концентрированной кислоте нового строя, даже если и не покидали свою родину.

Всеволоду Петровичу Кащенко еще очень сильно повезло. Опала, стоившая большой карьеры, не помешала ему работать по специальности дальше и даже консультировать сына Сталина Василия. Правда, опять же по словам Анны Всеволодовны, вызвала ее отца в дом вождя его жена, Надежда Аллилуева, а сам «отец народов» ничего не знал об этом визите. У Васи оказались дислексия и дисграфия. Кащенко-младший заниматься с ним не стал, передав «клиента» дефектологу Александру Ивановичу Муравьеву. В воспоминаниях Светланы Аллилуевой упоминается, что брат ее занимался с неким Муравьевым. Сам факт вызова доктора Кащенко к столь важному пациенту свидетельствует, конечно же, о его очень высоком профессиональном статусе.

Кстати, по поводу первого толчка к его занятиям дефектологией у дочери была своя версия. Она считала, что работа с «трудными» детьми у ее отца началась с воспитания племянника Юрия, младшего сына нашего героя. Вот что она пишет об этом: «Папин племянник Юрий, младший сын Петра Петровича, был трудным ребенком. Петр Петрович со своей „светлой обаятельностью“, спокойствием, доброжелательностью, уверенностью входил „без дядек“ к буйным больным, и они успокаивались. А со своим сыном он не всегда мог справиться, а о матери и говорить не приходилось. Жили они в здании больницы. Однажды Юрий устроил на чердаке больницы пожар (кажется, это было в Нижнем Новгороде). Курил ли он там тайком или делал какие-то химические опыты — неизвестно. Из-за пожара у Петра Петровича возникли крупные неприятности с местными

властями... После этого скандала Юрия пришлось отправить в „ссылку“ к дяде Всеволоду. Вне своей семьи Юрий вел себя прилично, не причиняя дяде неприятностей. Возможно, в этот период впервые и закралась отцу в голову мысль о важности и необходимости специального подхода к воспитанию трудных детей. Пока Юрий жил у моих родителей, он очень привязался к ним и на всю жизнь сохранил к нам теплое и почтительное отношение. Повзрослев, он остепенился, стал оперным певцом с хорошим, приятным голосом, пел в театре Зимина...»

Версию Анны Всеволодовны по поводу выбора ее отцом профессии дефектолога сегодня уже невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Скорее всего, случай с воспитанием племянника стал для Всеволода Петровича лишь косвенным подтверждением правильности выбора. Но вот дальнейшая карьера Юрия Кащенко на оперном поприще, пожалуй, достаточно явно напоминает о выдающейся природной музыкальности Петра Петровича, отмеченной такими профессионалами, как профессор Московской консерватории Сергей Иванович Танеев. А также об атмосфере постоянного музицирования в семье Кащенко.

Глава пятнадцатая. Дядя Петя

Раз уже речь зашла о родных и близких нашего героя, самое время рассказать о его характере и о том, каким он был вне профессии. Здесь тоже мы можем опираться на воспоминания его племянницы, которая вполне успела пообщаться с Петром Петровичем — он умер в год ее двенадцатилетия. Своего прославленного дядю маленькая Аня очень любила и была совсем не одинока в этом.

«Для нас, детей, его приезды были всегда большим праздником, — вспоминает Анна Всеволодовна, — столько непосредственного веселья, доброты, сердечности было в его отношении к нам. Обаяние этого человека усиливалось еще и тем, что он был прекрасным рассказчиком. Очень приятный был человек. Когда он приезжал, мы, помню, очень радовались: „Дядя Петя приехал!“». Первое воспоминание о дяде, как пишет Л. Волохонская, его подарок трехлетней Аннушке: металлическая шкатулка с печеньем в виде разноцветных фигурок. Она хранилась у нее всю жизнь, пока Анны Всеволодовны не стало в 2016 году в возрасте 108 лет.

Радовались общению с «дядей Петей» не только дети. Его обаяние отмечали многие современники. Он сочетал в себе образованность, артистизм и при этом — принципиальность и порядочность, а также повышенную эмпатию и искреннюю доброту по отношению практически к каждому. Петр Петрович имел очень широкий кругозор. Всю жизнь оставаясь не только врачом, но и музыкантом высокого уровня, он находил время и силы интересоваться другими областями человеческого знания. Особенно его интересовало развитие науки в целом: течения, происходящие в ней, новые теории и научные открытия. Он всю жизнь коллекционировал редкие и ценные издания по разным отраслям, на это уходили все его не такие уж и большие сбережения.

Свой ораторский дар, о котором неоднократно упоминалось, он оттачивал всю жизнь, собеседники слушали его, затаив дыхание. Оригинальность мышления и свежесть формулировок он умело сочетал с тонким юмором.

Интересный момент: своей известностью, приведшей к мифологизации его личности, Кащенко в большой степени обязан сотрудничеству с властями, то есть политике. Поэтому очень легко предположить, что ему были свойственны политические амбиции, тем более с таким-то выдающимся ораторским даром. Однако воспоминания

современников говорят совершенно о другом. Психиатр и сотрудник Кащенко П. Д. Трайнин в своем докладе «Памяти друга, товарища и учителя...» затрагивает эту тему: «Во время существования Государственной Думы я неоднократно спрашивал П. П., отчего он — человек с обширным образованием, принимающий участие в общественной жизни, обладающий даром слова и доверием населения, — не выставит свою кандидатуру на выборах. На это я получил ответ, что большая политика ему не по душе, он предпочитает работу в земстве. И, действительно, после февральской революции П. П. собирался выставить свою кандидатуру в мелкой земской единице в д. Сиворицы, но подоспевшие события (октябрьский переворот) покончили с этим вопросом»^[41].

Получается, политикой (если это можно так назвать) он занялся в 1917 году от безысходности, а не по велению сердца. Когда же получалось выбирать, он старался делать жизнь вокруг себя комфортной и красивой и вовлекать в эту красоту максимально много людей, неважно больных или здоровых. Он был очень творческим человеком, настоящим меломаном. Многие вспоминали, как самозабвенно он создавал свои оркестры всюду, куда устраивался на работу, как талантливо импровизировал на фортепиано и других инструментах. Его огромная музыкальная одаренность не вызывает сомнений. Помимо владения многими инструментами и вокальным мастерством он также великолепно дирижировал. Не случайно же его приглашали на должность хормейстера и не куда-нибудь, а в Казанский оперный театр! А сколько замечательных детских коллективов он создал! Его хоры и ансамбли выступали на общегородских мероприятиях в Ставрополе, Нижнем Новгороде, Гатчине...

Высокий уровень его музыкального профессионализма доказывают композиторские опыты. Время от времени он сочинял музыкальные произведения, но не песенки, как часто делают музыканты-любители, а сложные партитуры для хора и оркестра. Известно, что он даже написал пьесу-оперу «Красная Шапочка» для детского коллектива. Это произведение было поставлено на сцене театра, организованного им же в Сиворицкой больнице. Он даже издал в 1914 году два своих сочинения, одно из которых представляло собой монолог Эгмонта из одноименной трагедии Гёте. Свои композиторские опыты он периодически показывал профессору Московской консерватории Сергею Ивановичу Танееву. Тот оценивал их очень положительно и советовал Петру Петровичу заниматься сочинением музыки более систематически. Наш герой даже выступал в качестве музыкального критика, время от времени публикуя свои рецензии

на музыкальные новинки.

Был у Петра Петровича еще один удивительный дар: его очень любили дети. Свои, чужие, разных возрастов и социального положения, они постоянно бегали за ним, висли у него на руках, делясь с этим взрослым и серьезным человеком своими новостями и секретами. Уже упомянутый коллега П. Д. Трайнин вспоминал: «Часто после затянувшихся заседаний, после которых ему приходилось возвращаться из Петрограда в Сиворицы в скверную погоду, я убеждал его остаться у меня, но если предстояли занятия музыкой с детьми, он всегда отправлялся, ссылаясь на огорчение, которое он причинит детям своим отсутствием».

Видимо, детей привлекали в нем креативность, веселый нрав и жизнелюбие, не так уж часто встречающиеся у взрослых. Племянница Аня навсегда сохранила в сердце светлые воспоминания об общении с дядей: «Он был очень активный и, видимо, уже тогда неплохой организатор. Ему поручали в разных местах открывать больницы. Он открывал их, потом там работал, потом ему предлагали в другом месте организовать больницу, он ехал туда...

Он входил — это уже мне родители рассказывали — к буйным больным без сопровождающих санитаров. И поскольку он входил уверенно и спокойно, они как-то сразу затихали. Все удивлялись: „Как это вы так просто заходите к буйным и не боитесь?“ Он отвечал: „Они же чувствуют, что я к ним пришел с добром, поэтому и встречают спокойно“.

Он жил в Петербурге, к нам приезжал довольно редко, но я хорошо его помню. Он был очень веселый, доброжелательный, спокойный. Когда приезжал к нам, собирал всех ребят: меня с сестрой, моих двоюродных братьев и сестру с маминой стороны, — и устраивал какие-то игры, объединял нас. Очень приятный был человек...

А еще он однажды организовал самиздат! Конечно, тогда еще не было такого понятия. Но когда „Крейцера соната“ Льва Толстого была запрещена цензурой, дядя организовал ее переписку и распространение».

В этом самиздате тоже виден его характер — творческий и равнодушный. И огромный духовный потенциал, заложенный в этом выдающемся человеке. Это богатство помогало ему укрощать буйных и заражать энтузиазмом разочарованных. Ему удавалось вдохновлять и воспитывать своим примером. Маленькая Аннушка выросла и продолжила его дело, стала известным логопедом и за свою нереально долгую жизнь успела помочь многим мальчикам и девочкам начать говорить правильно и красиво. Вспоминая дядю, Анна Всеволодовна рассказывала о нем и как будто все время пыталась подобрать слова, наиболее точно передающие

суть его характера. Пожалуй, из всех ее сохранившихся словесных портретов Петра Петровича самый яркий и емкий вот этот: «Дядя был инициатором и сторонником различных нововведений. При нем были отменены смирительные рубашки. Дядя был человек спокойный и какой-то... лучезарный».

Глава шестнадцатая. В пламени революций

Социальные потрясения имеют свои, не до конца изученные законы. Можно сколь угодно тщательно просчитывать тот или иной сценарий и проводить его в жизнь с помощью совершенных политтехнологий, но все равно в какой-то момент коллективное бессознательное может выйти из-под контроля и тогда начнут происходить события, незапланированные изначально. В какой момент зарождающаяся французская революция прошла точку невозврата, когда тысячи обычных парижан вдруг захотели вооружаться? Да, закрывшаяся в Версале королевская чета действительно приказала войскам стягиваться в столицу, но приказа о военных действиях солдатам никто не отдавал. Тем не менее в какой-то момент родился слух о том, что народ ждет кровавая расправа. Дальнейшее уже напоминает снежный ком, катящийся с горы со все более увеличивающейся скоростью. Парижские обыватели идут в арсенал с требованием получить оружие, им отказывают, тогда они врываются в этот арсенал и захватывают вожделенные стволы силой, но у них нет пороха.

С этого момента Париж превращается в пороховую бочку в прямом и переносном смысле. Мятежники с незаряженными ружьями пытаются захватить Бастилию вовсе не для того, чтобы освободить арестантов, а для того чтобы зарядить свое оружие. Естественно, что комендант Бастилии не собирается сдаваться. Часть повстанцев еще владеет собой, они отправляют делегацию для переговоров. Но остальные (и они в большинстве) думать уже не в состоянии. Они орут и требуют крови, а переговорщики мешают им эту кровь получить, и, конечно же, переговорщики объявляются предателями. Толпа, смяв их, кидается на штурм Бастилии.

В этот момент, если верить журналисту Камиллю Демулену, у стен появляется какая-то девушка, якобы дочь коменданта. Ее пытаются сжечь, хотя на самом деле она к коменданту никакого отношения не имеет, но точка невозврата пройдена. Некий повар обезглавливает коменданта, мятежники торжественно проносят по улицам Парижа его отрубленную голову, а потом действительно захватывают Бастилию и освобождают арестантов, причем измученный вид и гремящие кандалы узников приводят толпу в еще большую ярость. Зачем мы рассказываем здесь все это? Только для того, чтобы показать, насколько легко революции меняют обычных,

далеких от политики людей, превращая их в буйных сумасшедших.

Советские биографы, как мы помним, охотно, к месту и не к месту подчеркивали революционные симпатии нашего героя. Это, впрочем, не спасло его от временной опалы в 1930-е, во время негласной, но обширной кампании против активных деятелей старого режима. В более же «спокойные» времена Кащенко часто представляли в виде эдакого «революционного буревестника» от психиатрии. В биографии А. Г. Гериша Петр Петрович в начале 1900-х предстает и вовсе почти террористом, в то время как вся его «революционная» деятельность того периода представляет собой лишь помощь людям, оказавшимся в трудной ситуации, в том числе (но не только) революционерам.

Гериш описывает выступление Кащенко на Втором съезде отечественных психиатров как прямой призыв к действию: «Я считаю и нашим профессиональным, в качестве врачей-психиатров, долгом и нашим гражданским долгом, ибо мы и граждане, обобщить наш протест против ужасов, которые переживает Россия». Фраза эта выглядит как официально задокументированная информация. Между тем Гериш представляет ее как разговорную реплику, ее предваряют слова: «П. П. Кащенко в прениях заявил». Довольно странно предположить, что споря с кем-то, Петр Петрович — талантливейший оратор — изъяснялся столь сложно и даже коряво.

Далее Гериш вообще представляет нашего героя чуть ли не главарем организованной преступной группировки: «Во время всеобщей октябрьской стачки 1905 г. П. П. Кащенко, будучи членом Московского общества врачей, состоящих на городской службе, участвовал в многочисленных собраниях, на которых обсуждались вопросы отношения врачебного персонала к революционному движению. 16 (29) октября 1905 г. этим обществом была принята резолюция, что врачи городских больниц присоединяются к освободительному движению, охватившему всю Россию, и принимают участие в стачечном движении, отчисляя 20 процентов своего содержания на помощь участвующим в стачке...»

Прямо рисуется некое могущественное тайное общество, спонсирующее борьбу с самодержавием. На деле, конечно же, все было иначе. Даже если вникнуть в текст Гериша, за тенденциозностью подачи видны факты. Согласно им, все «революционные» выступления нашего героя касались улучшения условий жизни младшего персонала больницы. Кащенко добивался гуманного отношения к работникам, он боролся за восьмичасовой рабочий день, равную оплату труда женщин и мужчин, страховку на случай потери работоспособности и увечий, пенсии, а также

— образовательные кружки и школы, в которых младший персонал мог бы повысить свою грамотность.

Как же на самом деле наш герой вел себя во время революций?

1905 год в России выдался крайне беспокойным. После Кровавого воскресенья в Санкт-Петербурге по всей стране начались волнения: в деревне, на фабриках и заводах, среди студентов. Ситуация усугублялась, с одной стороны, неэффективной политикой властей, а с другой — подстрекательством различных революционных сил, в первую очередь большевиков. Беспорядки разрастались вглубь и вширь и действительно затронули медицинские учреждения, в том числе психиатрические. Причины их, однако, были не столько политические, сколько, как отмечал Кащенко в своем официальном отчете о деятельности больницы за 1905 год, «на почве неудовлетворительного материального и служебного положения, которые накапливались в течение ряда долгих лет». Самыми активными участниками беспорядков оказались вовсе не врачи, а младшие и средние медицинские работники. Кое-где доктора даже реально пострадали от рук своих подчиненных. В петербургской психиатрической больнице Святого Николая Чудотворца и харьковской «Сабуровой даче» персонал насильно вывозил на тачках за пределы учреждений их руководителей, а главный врач Саратовской земской психиатрической больницы С. И. Штернберг для наведения порядка прибегнул к помощи полиции, чем вызвал бурное негодование «прогрессивной» общественности.

Петр Петрович, работавший в то время в московской больнице, которую потом назовут его именем, пользовался достаточным уважением всего ее персонала. Подобных эксцессов под его руководством не случилось ни разу. Надо сказать, он лично много сделал для этого. К началу революции 1905 года он занимал должность главного врача всего несколько месяцев, но уже сумел много сделать для того, чтобы улучшить условия жизни служащих. Когда же беспорядки охватили Москву, ему с помощью своего красноречия удалось направить протестные настроения из политического русла в экономическое. Даже в такой экстремальной ситуации проявились его выдающиеся организаторские способности и системное мышление. Уже в феврале 1905 года по инициативе Кащенко средний и младший персонал больницы объединили в корпорацию, для того чтобы отстаивать свои конкретные экономические интересы — снижение цен на продукты питания и топливо, квартплаты, увеличение пенсионных пособий, введение обязательного страхования, установление восьмичасового рабочего дня, улучшение условий труда и быта. И да,

действительно имелся больничный совет, решения которого были обязательны для всех сотрудников, включая главного врача. Он организовался еще при предшественнике Кащенко Буцке, и туда вошли представители среднего и младшего персонала. Конечно, такая форма управления достаточно спорна, но тогда, в 1905 году, возможно, именно этот шаг помог Петру Петровичу предотвратить беспорядки и контролировать протестные настроения.

Важный момент: оценивая «революционность» поведения нашего героя, ни в коем случае нельзя забывать про контекст того времени. Ведь в начале 1880-х, когда его отчислили из университета за вольнодумство, общий политический градус населения был несоизмеримо ниже, чем в печально известном 1905 году. Если тогда народники, тем более активно настроенные, воспринимались как личности экстраординарные, почти что «благородные безумцы», а большинство предпочитало сочувствовать прогрессивным идеям в частных беседах, то к моменту начала первой русской революции смятение умов стало всеобщим.

Это касалось разных слоев общества и разных профессий. Не остались в стороне и психиатры. На заседании Петербургского общества психиатров слушаются доклады «О свободе совести по психиатрическим данным», «О душевной заболеваемости рабочего класса Петербурга», «Влияние государственных условий на нервно-психическое здоровье русского народа». А в октябре 1905 года в Киеве, где проходил II съезд отечественных психиатров, научная тематика к последнему дню заседаний превратилась в политическую вакханалию. Вместо доклада В. К. Рота председатель В. П. Сербский дает политическую оценку съезду, а затем выпускает на трибуну представителя киевского комитета РСДРП. В зале открыто агитируют большевики, разбрасывают прокламации, призывают к свержению государственного строя, вывешивают красные флаги... Информация об этом тут же была с восторгом растиражирована в листовках и партийных газетах большевиков. Советские историки психиатрии тоже не забыли прославить такое громкое событие: «Так в период революционного подъема 1905–1907 гг. передовая часть отечественных психиатров приняла активное участие в первой русской революции, разоблачая в острых политических резолюциях и выступлениях антинародную сущность государственного режима царской России... Партийные газеты большевиков дали съезду высокую оценку...»

А ведь на самом деле подобные вещи губительны для науки. Но кого это волновало в те времена?

В Москве в октябре 1905 года началась всеобщая стачка. На собрании

Московского общества врачей, членом которого являлся Кащенко, обсуждали отношение врачей к происходящим событиям. Вот тогда-то и зашла речь о тех самых 20 процентах заработка, о которых пишет Гериш. Только собирали эти средства не на оружие и не на листовки с прокламациями, а на создание лечебно-питательных пунктов, приютов, санитарных отрядов. Революция революцией, а заботиться об общественном здоровье также необходимо. Кащенко удавалось сохранять в больнице порядок — в то время как практически все предприятия и учреждения бастовали, в Алексеевской больнице работа отделений не прекращалась, чтобы не оставить больных без помощи и наблюдения.

Биографы советского периода, подчеркивая активное участие Петра Петровича в декабрьских революционных восстаниях 1905 года, заходили порой очень далеко, рисуя образы яркие, но не соответствующие действительности: «Известно, что в дни революции 1905 года П. П. Кащенко вместе с возглавляемым им коллективом принимал участие в баррикадных боях...» О. В. Лиманкин едко замечает: вот такая картина — коллектив больницы во главе с главным врачом на баррикадах!

Конечно, это было лишь преувеличением. Ни на каких баррикадах Петр Петрович не был: возраст не тот, да и какой бы пример он подал своим подопечным... В рамках принятого Московским обществом врачей решения он разрешил организовать питательный пункт на территории больницы, у входа вывесить белый флаг с красным крестом, что означало, что всем раненым будет оказана медицинская помощь. Возможно, он сочувствовал участникам забастовок, тем более что препятствовать участию персонала больницы в них невозможно. Известно, что около двадцати человек из числа младшего персонала создали больничную дружину и участвовали в столкновениях с полицией. Но нет никаких сведений о том, был ли в курсе этого Петр Петрович и оказывал ли он им какое-то содействие.

Тем не менее наш герой всегда оставался человеком независимым и порядочным, он считал своим долгом вставать на защиту несправедливо пострадавших. 17 декабря 1905 года один из врачей Алексеевской больницы В. В. Воробьев возвращался домой с баррикад Пресни — там он оказывал помощь раненым рабочим. Едва доктор Воробьев переступил порог своего дома, как вслед за ним вошли солдаты с полицейским приставом. Они предъявили врачу обвинение в помощи революционерам и незаконном хранении огнестрельного оружия — и выстрелили ему в голову. Рана оказалась смертельной, Воробьев умер на руках у жены. Наш герой и Н. Н. Баженов явились на квартиру своего коллеги, преодолев

заслон полиции, собрали показания очевидцев и добились не только возбуждения уголовного дела, но и его широкой огласки. Убивший врача пристав был осужден за преступление, совершенное «в состоянии запальчивости и раздражения», и приговорен к тюремному сроку с лишением всех прав, орденов и дворянства, а вдове и дочери погибшего доктора назначили денежное содержание.

Помимо логических выводов и косвенных подтверждений есть один факт, неоспоримо свидетельствующий о том, что Петр Петрович в беспорядках 1905 года не участвовал. Дело в том, что после подавления восстания очень многих врачей подвергли административному и уголовному преследованию за чрезмерную политическую активность. По данным А. Л. Андреева, репрессии коснулись не менее 1300 человек из общего числа земских врачей, которое составляло 2369 человек, то есть более половины. В материалах X Пироговского съезда 1907 года говорится, что «в России не было уезда, где бы не пострадал кто-нибудь из медицинского персонала, а были такие места, где не было ни одного врача или фельдшера, которого не унес бы поток революции: одни были выселены, другие арестованы, третьи лишены работы»^[42]. Но Петр Петрович остался совершенно невредимым. Более того, в 1907 году ему предоставили высокий пост директора новой больницы в Сиворицах. Да, речь об этом шла раньше, еще до событий 1905 года, но никакие обещания не спасли бы нашего героя в случае преследования его властями.

Получается, что после участия в студенческом движении 1881–1884 годов и последующей ссылки Кащенко никогда больше не занимался политикой и не состоял ни в каких революционных организациях. И уж точно не был «старым революционером», «одним из врачей-революционеров», «психиатром-революционером», которым его пытались называть разные биографы советского периода.

Интересный вопрос: почему Петр Петрович, так активно поддерживающий идеи народничества и марксизма в юности, с годами оставил подобные попытки? Если обратиться к истории, обычно пламенные революционеры не сворачивали свою деятельность после задержаний, ссылок и преследований. Явной ошибкой было бы считать, что Кащенко испугался ссылки в студенческие годы и решил всю оставшуюся жизнь отсиживаться с прижатыми ушами. Характер он имел очень твердый: без железной воли не построить друг за другом сразу несколько психиатрических больниц, да еще такого высокого уровня, удивляющих современников четкой организацией и одновременно сложностью устройства. Можно посмотреть на эту ситуацию под другим углом. На

разных этапах своей жизни, в разных сложных ситуациях Кащенко неизменно демонстрировал силу характера, но очень часто им двигали не амбиции, а гуманные порывы, желание улучшить жизнь своих душевнобольных, условия жизни и труда персонала своих больниц, помочь своим друзьям, в том числе революционерам. Возможно, в юности молодой Петр Кащенко, чувствуя в себе это пока еще неоформившееся стремление, а также свойственное ему во все годы желание справедливости, увлекся заразительными идеями антимонархизма. И кто знает, что случилось бы, если бы он избежал ссылки и не имел, таким образом, возможности одуматься? Однако из всей последующей биографии складывается ощущение, что его революционные убеждения были лишь верхушкой айсберга, под которой скрывались совсем иные, созидательные мотивы.

Гуманизм нашего героя особенно отчетливо проявлялся в сложные времена. Первая мировая война застала его в Сиворицах. Как раз в том роковом 1914 году губернское земское собрание обсуждало вопрос о переустройстве и расширении Сиворицкой больницы. Как легко догадаться, с наступлением войны вопрос этот отложили на неопределенное время. А при этом количество больных начало стремительно расти, что объяснялось наплывом беженцев из западных губерний и распространением неврозов, связанных с бедствиями и потерями военного времени.

В годы войны Кащенко занимается вопросами помощи душевнобольным воинам. В 1915 году по его инициативе комиссией из ряда видных психиатров (В. И. Яковенко, В. П. Сербского, Н. Н. Баженова) был разработан анкетный лист для учета нервно-психической заболеваемости в воюющей армии. Данные Петр Петрович опубликовал в статье в «Психиатрической газете», а выводы сделал закономерные и справедливые — психоневрологическая помощь раненым находится в неудовлетворительном состоянии. Решение он предлагал достаточно радикальное: координировать и организовывать эту помощь через Русский союз психиатров, кроме того, расширять эту помощь вплоть до направления раненых на курорты и в санатории за счет государства. Жаль только, что вопрос этот хотя и обсуждался на различных совещаниях, но предложенные меры правительство не поддержало. Но Петр Петрович решил справляться своими силами — 100 копеек в Сиворицкой больнице он держал для жертв психозов военного времени. В мастерских больные ремонтировали обмундирование и обувь, вязали шарфы, носки, варежки, и все это отправляли на фронт.

А как же революция 1917 года? Участвовал ли наш герой в ней? Здесь

все довольно непросто. Стиль революционной деятельности народников, актуальный для конца XIX века, к этому времени окончательно изжил себя. Запрещенные книжки, студенческие сходки, даже теракты — все это уже давно не производило резонанса в обществе, измученном войной. Кого могли впечатлить какие-то отдельные вольнодумцы, когда вся армия и весь флот напоминали пружину, сжатую до предела и готовую развернуться при малейшей возможности?

В это тяжелейшее время наш герой выступил с очень неоднозначным заявлением, которое поддержали далеко не все — в частности, В. М. Бехтерев высказался против. Это заявление, касавшееся военной психиатрии, довольно странно сочетается с характером Кащенко и его предыдущими действиями. Он решил, что «устройство особого „военного“ психиатрического попечения невозможно и не нужно». Это мнение он озвучил на конференции психиатров и невропатологов в Москве 10–12 апреля 1917 года. Разумеется, его позиция очень понравилась военно-политическим деятелям большевизма, идеология которых ясно указывала: никаких психических заболеваний в армейском коллективе в эпоху великих преобразований быть не должно. В результате были приняты решения, ликвидирующие психиатрические отделения военных госпиталей и вообще психиатрическую помощь в армии. Позже стало понятно, что решение это неправильное, его начали исправлять... Но речь сейчас не об этом, а о том, как подобные мысли, идущие вразрез с идеалами гуманизма, вообще могли прийти в голову Петру Петровичу?

Вполне возможно, что его слова перекроили под нужды идеологии, но какой-то изначальный посыл все же явно существовал. И очень маловероятно, что наш герой при всей его повышенной эмпатии вдруг счел возможным и правильным лишить помощи огромное количество людей. Это было бы даже непрофессионально. Поэтому логично предположить, что Кащенко просто считал основные поведенческие проблемы солдат не относящимися к психиатрии. Действительно, контузия, этот бич войн нового и особенно новейшего времени, возникает из-за травмирования головного мозга ударной волной и, можно сказать, имеет изначально не психиатрические причины. Но вероятно также, что Петр Петрович имел в виду совсем другую проблему, характерную именно для русской армии 1917 года, — распространившееся употребление кокаина и морфия. Вполне возможно, что именно реакцией на это явление объясняется довольно жесткий тезис, высказанный Кащенко и также взятый на вооружение правительством: «Охрана здоровья трудящихся есть дело самих трудящихся». У него, воспитанного в строгости и отличающегося высоким

уровнем самодисциплины, проблема наркомании, скорее всего, вызывала сильное возмущение. Почему? Ведь к алкоголикам он относился с сочувствием и никогда не отказывался их лечить. Но алкоголь никогда и не позиционировался как «богемное» извращение — пили практически все и всегда. А вот кокаинисты и морфинисты возникли неестественно, как бы «от лукавого», к тому же косвенно виновато в этом оказалось царское правительство, которое Кащенко никогда не уважал.

Во время Первой мировой войны Николай II ввел сухой закон, в результате практически вся страна «подсела» на кокаин, который, наряду с морфием, стал «культовым» наркотиком. Поначалу все-таки эти снадобья оставались развлечением для богатых, хотя уже в начале войны пошла контрабанда из Германии через прифронтовую полосу — Псков и Ригу, а также из Финляндии через Кронштадт. Февральский переворот окончательно разрушил все имеющиеся структуры, наступил хаос. Волна «марафета», как тогда называли наркотики, хлынула в обе столицы, но Петербург (к тому времени уже Петроград) по наркотрафику все же опережал Москву.

Балтийские матросы, многократно прославленные в революционном эпосе, были хорошо знакомы наркобаронам. Не отставали от них и многие петроградские рабочие. Денег последние имели совсем мало и порой, не раздумывая, шли за «дорожку» на преступление. На «кошку» (жаргонное название кокаина) подсаживались проститутки и беспризорные дети, которые начинали с того, что зарабатывали на жизнь продажей порошка у Николаевского вокзала. Петроград 1917 года буквально превратился в огромный наркопритон. В то время получил известность популярный местный рецепт — «балтийский чай», представлявший собой раствор кокаина в водке.

Врачи считались самыми яркими морфинистами, и справедливо, ведь во время Первой мировой и Гражданской войн морфий и кокаин входили в военные аптечки. Но они, как правило, предавались этому пороку достаточно тихо, тогда как военные часто устраивали жестокие драки из-за наркотиков, причем порой от проявлений насилия страдали как раз медицинские работники, у которых вымогались эти средства. В особой зоне риска в 1917 году оказались аптекари: петроградские аптеки постоянно подвергались вооруженным налетам обезумевших матросов и солдат.

История не оставила точных сведений об отношении Кащенко к этой проблеме. Но учитывая общий склад его характера, можно предположить, что некоторая агрессивность его высказываний в 1917 году и далее, не

свойственная ему раньше, вызвана, среди прочего, крайним раздражением и разочарованием от той распущенности населения, которую принесла с собой долгожданная революция. Совершенно точно одно: анархические взгляды наш герой никогда не разделял и эйфории, охватившей многих от всеобщей «свободы», не испытывал. Он лично наблюдал страдания и голодную смерть своих пациентов, оставшихся без поддержки на развалинах прежней, пусть и несовершенной, но работающей системы. Неудивительно, что всю свою энергию и организаторский талант он направил на безотлагательное создание новых структур здравоохранения, в частности, психиатрической помощи. Вскоре этот его талант очень пригодился, но, пожалуй, не совсем так, как рассчитывал Петр Петрович. Волею судеб ему пришлось стать чем-то вроде кризисного менеджера для одной из медицинских отраслей целой страны.

Глава семнадцатая. Психиатр всего на свете

Нельзя сказать, что большевики внезапно «вытащили» Кащенко на свет, поручив ему всю психиатрию молодой Советской республики. Иметь дело с системой и мыслить глобальными категориями он начал значительно раньше. Уже во время Первой мировой войны и последовавшего за ней государственного переворота Петр Петрович неизменно участвовал в медицинских совещаниях и конференциях, а некоторые и возглавлял. С 1914 по 1918 год Кащенко был председателем психиатрической комиссии при Петроградском комитете Всероссийского союза городов, деятельность которого распространялась на все северные области России. Одновременно он также председательствовал в Центральном психиатрическом статистическом бюро при правлении Русского союза психиатров и невропатологов. Это бюро, созданное по его инициативе, вело большую работу по организации переписей душевнобольных и статистической обработки полученных данных. Собственно, самые важные решения в области психиатрии принимались на основе этой информации.

После Февральской революции 1917 года Петр Петрович активно выступал за реорганизацию психиатрической помощи в России, поскольку ее состояние ухудшилось в годы войны. На конференции Русского союза психиатров и невропатологов в апреле 1917 года избрали Центральный психиатрический совет, куда вошел наш герой. Тогда еще многие структуры продолжали работать и казалось, что можно придумать что-то эффективное. Однако к концу лета экономическая ситуация в стране ухудшилась настолько, что даже в Сиворицкой психиатрической больнице, которая уже давно спасалась своими огородами, возникла угроза голода. Кащенко предлагал эвакуировать больных в регионы, в которых с продуктами питания было немного лучше. По понятным причинам регионы принять эвакуированных больных отказывались. Представители Центрального психиатрического совета планировали начать переговоры с Временным правительством по этому и другим неотложным вопросам, но не успели: случился Октябрьский переворот.

Когда к власти пришли большевики, страна разделилась на два непримиримых лагеря, что только усугубило кризис во всех сферах жизни. Сотрудники всех больниц перестали получать заработную плату, они

бросали работу и уезжали к родным в деревни или искали другие способы выжить. В психиатрических больницах ситуация усугубилась еще и тем, что из-за прекращения выплат в отделения вернули патронажных пациентов, а пищи не хватало и для «основного» состава. К тому же из-за отсутствия дров помещения больше не отапливались и пациенты стали умирать от голода и холода. В психиатрических больницах Москвы и Петрограда осталось меньше трети сотрудников, учреждения оказались на грани закрытия. Система психиатрической, как и медицинской, помощи практически разрушилась.

В эти трудные дни проявилось удивительное единодушие больных и персонала — они объединились, чтобы вместе сопротивляться голоду и разрухе. К постелям тяжелых пациентов вставляли такие же душевнобольные, но с сохраненной работоспособностью. Они стали выполнять работу сиделок, уборщиц, прачек, посудомоек. Пациенты-мужчины стали работать дворниками, плотниками, лесорубами, слесарями, землекопами. Так многим удалось пережить зиму 1917/18 года. Весной совместными усилиями стали раскапывать под огороды все доступные земельные участки и сажать овощи.

Большая часть медицинских работников отказалась сотрудничать с новой властью. Пироговское общество врачей на заседании 22 ноября 1917 года приняло грозное воззвание против «узурпаторов», которое опубликовали в журнале «Общественный врач». «Всё нравственно здоровое во врачебной семье должно найти в себе решимость и по долгу гражданской совести обязано резко и определенно отмежеваться от врачей, действующих в лагере насильников» — под такими словами подписались все члены правления общества. В следующих номерах журнала появилась «черная доска», на которую заносились имена врачей-большевиков для предания их бойкоту и осуждению. Враждебными к новой власти оказались Главное управление Красного Креста, руководство профсоюзов фельдшеров, сестер милосердия, фармацевтов, Центральный врачебно-санитарный совет, Земский и Городской союзы. На смену жажде социальных перемен и уничтожения ненавистного государственного строя пришло мгновенное отрезвление. Революция стала разрушением основ общества и государства, демократическая идиллия оказалась беспощадной диктатурой «низов».

Саботаж врачей большевики подавили к середине 1918 года. Прежние медицинские органы управления ликвидировали, ряд печатных изданий закрыли. Все большее число врачей шло на сотрудничество с новой властью. Иного выхода не было: медицинская помощь находилась в

критическом состоянии, а страну начали захлестывать эпидемии инфекционных болезней.

24 января 1918 года образовался Совет врачебных коллегий, первый медицинский орган Страны Советов. В апреле члены совета обратились к правлению Русского союза психиатров и невропатологов с просьбой рекомендовать комиссию опытных психиатров и организаторов для восстановления психиатрической помощи «на новых началах».

Даже такой конкретный запрос никак не гарантировал, что во главе новой советской психиатрии встанет именно наш герой. Так вышло, в какой-то степени из-за случайного стечения обстоятельств Кащенко просто оказался в нужное время в нужном месте. И сейчас-то важные вопросы не всегда обсуждаются онлайн, а тогда без личного присутствия не решалось вообще ничего. Петр Петрович поехал в Москву, чтобы просить о помощи с питанием больных и обеспечением отопления Сиворицкой больницы. А Москва как раз в этот момент переходила в статус столицы и крайне нуждалась в управленческих кадрах.

Кстати, сам факт переноса столицы в такое трудное время примечателен. Если задуматься, не очень логично заниматься административными перестановками в пылающей, разрушенной стране. Можно предположить, что большевики, начинающие новую жизнь, не захотели строить ее на наследии ненавистного царизма, такие версии имели место в литературе. Но на самом деле этот шаг был продиктован исключительно практическими соображениями. Дело в том, что новая власть боялась Петрограда, который помог ей победить. Этот город стал колыбелью революции не случайно, а благодаря своему крайне высокому градусу вольнодумства. Теперь, когда революция победила и срочно требовалось навести порядок, либерально-анархический Петроград, наполненный к тому же огромным количеством рабочих и матросов, подсевших на кокаин, в любой момент мог учинить контрреволюцию. К тому же он находился слишком близко от чужих государств, ведь после предоставления независимости Финляндии, которую одобрило Временное правительство и подтвердил Ленин, новая государственная граница прошла всего лишь в 35 километрах от города. Да и немецкие войска, которым больше не противостояла развалившаяся русская армия, подходили к столице всё ближе, и многие боялись — или надеялись, что они возьмут город.

В итоге, помимо огромной армии маргинальных солдат и пролетариев, в Петрограде появились еще и беженцы с потерянных территорий. Конечно, все это не подходило для административного центра молодого

государства. В то же время Москва была совершенно не готова принять новую власть. Патриархально настроенные москвичи с самого начала поддерживали большевиков гораздо менее охотно, чем петроградцы. После переворота это «менее охотно» превратилось в вооруженное сопротивление. В Москве начались уличные бои между сторонниками старой и новой власти. Они продолжались несколько дней, жертвами стали более двухсот человек.

Итак, новое правительство было крайне заинтересовано в лояльных специалистах, а если еще при этом они имели организаторский талант, то заинтересованность увеличивалась в разы. При таких обстоятельствах наш герой оказался в Москве, и, конечно же, его позвали на заседание той самой психиатрической комиссии. Стоит отметить, что психиатры до революции представляли одну из наиболее «левых» групп врачебного сообщества, что выражалось в особом свободомыслии и участии в различных антиправительственных выступлениях. Поэтому достаточно закономерным оказалось, что Русский союз психиатров и невропатологов стал первой общественной врачебной организацией, которая согласилась работать с советской властью. Кроме того, в письме в качестве работников, «достаточно авторитетных в научном и организационном отношении», союз рекомендовал П. П. Кащенко, И. И. Захарова и Л. А. Прозорова.

На совместных заседаниях избранные с членами Совета врачебных коллегий выработали план организации психиатрической комиссии при совете и наметили основные положения, с которых она должна начать свою деятельность:

лечение и попечение всех душевнобольных составляет задачу государства в лице его центральной и местных (городских, губернских, областных и краевых) организаций, при условии строгого согласования и объединения действий;

лечение и попечение о душевнобольных жертвах войны неотделимо связано с общим психиатрическим делом и должно быть в него влито;

для объединения и согласования ведущих психиатрическое дело организаций, ведомств и врачей, работающих в психиатрической области, необходимы съезды, а также консультативный орган — центральная психиатрическая комиссия;

при сохранении тесной связи с общим делом народного здравоохранения, с общими врачебно-санитарными организациями, психиатрическим учреждениям, как центральным, так и местным, должна быть предоставлена широкая самостоятельность в сфере управления и ведения психиатрической части.

Первый пункт означал жесткую централизацию психиатрической помощи и отказ от земских принципов самоуправления. Во втором реализовалась уже упоминавшаяся идея Петра Петровича о ликвидации психиатрической службы в армии. Только спустя годы стала ясна неправильность этого решения.

28 мая 1918 года при Совете врачебных коллегий образовалась Центральная невропсихиатрическая комиссия, председателем которой стал Кащенко. С этого дня начинается высший этап его карьеры в качестве первого в истории руководителя советской психиатрии и неврологии. 10 июля того же года была принята первая Конституция РСФСР, в которой предусматривалось образование Народного комиссариата здравоохранения. Первым наркомом здравоохранения стал знакомый Петра Петровича еще по нижегородскому периоду Н. А. Семашко.

20 июля 1918 года наш герой покидает Сиворицкую больницу и переезжает с семьей в Москву. На плечи 59-летнего Петра Петровича легла ответственность за состояние психиатрической службы в стране, изможденной непрекращающейся войной. Ему предстояло в короткие сроки реорганизовать психиатрическую службу, создать новую систему психиатрической помощи, единую для всей страны. В первую очередь Кащенко вместе с П. В. Ганнушкиным, которого избрали заведующим кафедрой психиатрии Московского университета, начал работу по подготовке новых кадров, ведь после революции страну покинули многие специалисты, в том числе врачи. Советское правительство поддержало эти усилия: для поступающих в вузы был подписан декрет о льготах, согласно которому прием разрешали без полного среднего образования. Студентам тоже старались помочь, насколько это вообще возможно во время войны и разрухи. Для них открывались рабфаки и столовые, им предоставляли общежитие и стипендии, выделяли пайки. Одновременно Петр Петрович собирал сведения о текущем состоянии психиатрической помощи в регионах.

К концу 1918 года невропсихиатрическая подсекция, руководимая Кащенко, приобрела четкую и развернутую структуру, она включала рабочее бюро, организационное, статистическое и эвакуационное отделения, а также совещательную комиссию с несколькими подкомиссиями.

1 августа 1919 года в Москве прошло I Всесоюзное совещание по вопросам психиатрии и неврологии. На совещание прибыли 70 делегатов из 30 губерний страны. Л. А. Прозоров в своем докладе о состоянии психиатрической помощи в стране отметил, что все достигнутые с таким

трудом успехи в организации психиатрической помощи были сведены на нет империалистической войной, а затем Гражданской. Многие больницы оказались разрушены, а оставшиеся не функционировали из-за отсутствия медикаментов, топлива, продовольствия, нехватки медицинского персонала. Делегаты совещания ознакомились с психиатрическими учреждениями Москвы, и особое внимание привлекла новая форма помощи душевнобольным вне больниц. Еще до революции город делился на четыре района, в каждом из которых были психиатрические приемы. Кащенко понравилась идея амбулаторной помощи в большом городе, и он на деле решил проверить удачность своего замысла по улучшению психиатрической помощи во всей стране. Новая власть разделила Москву на восемь районов, и каждый из районных врачей вместе с медицинскими сестрами и санитарями отбирал больных с острым состоянием для госпитализации, помогал на дому больным, которые не были госпитализированы, вел учет всех обратившихся больных. С годами институт районных врачей сыграл важную роль в создании системы диспансерных учреждений, которая успешно функционирует и в наши дни.

Все биографы отмечают программный доклад Кащенко, в котором он сформулировал основные положения развития психиатрической помощи. Многие тезисы доклада стали крылатыми. Например уже упоминавшаяся здесь цитата — «охрана здоровья трудящихся есть дело самих трудящихся». Этот тезис даже трансформировался в юмористический лозунг: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». На самом деле, никакого цинизма Петр Петрович в эти слова не вкладывал. Он надеялся, что советская власть, широко представленная людьми из народа, сама организует медицинскую помощь, если специалисты подскажут, как это следует сделать. Другой тезис, «от призрения — к лечению», также нуждается в объяснении. Дело не в том, что в дореволюционной России в психиатрических больницах обеспечивали не столько лечение, сколько уход и надзор за больными, а советская власть постулировала коренной перелом в этой ситуации в сторону лечения. Кащенко этим утверждением лишь хотел укрепить престиж психиатрии, чтобы больницы для душевнобольных воспринимались не как богадельни или приюты, а как объекты лечебного воздействия с «жизненной обстановкой в отделениях, с индивидуальным подходом к каждому больному». Как писал М. Я. Греблиовский, «в это выступление Кащенко вложил весь свой организаторский талант и опыт выдающегося организатора в истории отечественной психиатрии. Он донес до советской эпохи благородные черты идеалов революционного прошлого отечественной психиатрии.

Более того, он сам был ярким выражением этих идеалов».

Все вышеперечисленное выглядит очень позитивно, но нельзя забывать, что время становления психиатрической помощи в СССР совпало с появлением такого мрачного явления, как карательная психиатрия. Придумал ее не Кащенко и даже вовсе не врач. Идея объявлять неугодных психически больными и запираť в лечебницы пришла в голову председателю ГПУ (Государственное политическое управление при НКВД) Ф. Э. Дзержинскому. Железный Феликс не знал, что делать с эсеркой Марией Спиридоновой. Это была одиозная фигура, в 22 года она совершила показательное убийство губернского советника Г. Н. Луженовского. Почему показательное? Он отличился особой жестокостью при подавлении восстаний 1905 года, да и вообще относился к крестьянам достаточно бесчеловечно. Спиридонову подвергли пыткам, а потом оправдали, решив, что она быстро умрет и так. Однако она выжила, став своего рода символом, прекрасной мученицей революции. Пока она пребывала на каторге, ее рисовали художники, о ней слагали стихи.

Освободил ее Керенский сразу после Февральской революции. Выйдя на свободу, революционерка тут же начала активную политическую работу, фактически возглавив партию левых эсеров. Она ездила с выступлениями по воинским частям и заводам. Казалось бы, с победой революции невзгоды для нее закончились, но она принадлежала к эсерам, а не к большевикам. Последних же она поначалу терпела. «Как нам ни чужды их грубые шаги, — говорила она на I съезде партии левых эсеров 21 ноября 1917 года, — но мы с ними в тесном контакте, потому что за ними идет масса, выведенная из состояния застоя». Однако весной 1918 года она круто изменила свою позицию и подвергла большевистское правительство резкой и, что самое страшное для нее, обоснованной критике. Своим поведением она поставила власть в тупик. Требовалось срочно избавиться от нее, но любые способы убийства не годились — слишком большую известность она имела.

Спасением для властей стало помещение Спиридоновой в Пречистенскую психиатрическую больницу. По приказу Дзержинского больницу окружили сильной охраной — начальник государственной безопасности боялся, что знаменитую революционерку выкрадут ее единомышленники. В итоге весь остаток жизни она провела в тюрьмах и ссылке; после долгих мучений ее все же тихо расстреляли в 1941 году. К тому времени ее смерть уже не представляла опасности для властей, ее известность давно угасла.

Мы рассказываем здесь о печальной судьбе этой женщины не просто

так. Именно с нее началась карательная психиатрия в Советском Союзе. Идею Дзержинского о том, что психиатрические учреждения могут служить делу революции, быстро подхватили другие деятели большевистского руководства. В 1926 году ее закрепили в новом Уголовном кодексе, который предписывал применять к совершившим преступления душевнобольным две различные меры: а) принудительное лечение; б) «помещение в лечебное заведение со строгой изоляцией».

Собственно, ничего особенного в этом документе не написано. Вот только на деле в «строгой изоляции» оказывались почти исключительно арестованные за «контрреволюционные преступления». Первое «лечебное» заведение этого типа устроили в бывшем монастыре города Сарова. Тут большевики даже, можно сказать, не нарушили старую русскую традицию — в монастыри и раньше ссылали тех неугодных, кого нельзя было казнить. Конечно же, одного небольшого монастыря для психически опасных «контрреволюционеров» не хватило. В 1935 году появилась больница в Казани, ставшая первой официальной психиатрической тюрьмой. Подобные заведения начали возникать и в других местах. «Пациентов» там содержали под круглосуточным надзором и никуда не выпускали, объясняя такие условия опасностью для окружающих.

Разумеется, буйных душевнобольных изолировали и продолжают изолировать во всех странах, вот только в Советском Союзе эти «лечебницы для опасных помешанных» оказались в ведении не здравоохранения, а НКВД. До смерти Сталина все тюремные психиатрические больницы являлись секретными объектами, где подневольные психиатры «диагностировали» у всех неугодных власти граждан так называемую вялотекущую шизофрению. Именно это «заболевание», не признанное во всех остальных странах мира, с легкой руки профессора А. В. Снежневского выявляли у многих советских диссидентов.

Конечно же, Кащенко, как руководителю всей советской психиатрии, рано или поздно пришлось бы заняться этой деятельностью напрямую, а учитывая его человеколюбивый характер и приверженность принципам нестеснения, он почти наверняка не согласился бы участвовать в попрании человеческого достоинства, тем более узаконенном. И тогда бы его постигла участь многих принципиальных революционеров, продолжавших бороться за прежние светлые идеалы, несмотря на то что эти идеалы уже не соответствовали линии партии. Вполне возможно, он бы даже повторил судьбу Марии Спиридоновой...

Но всего этого не случилось. Петр Петрович не дожил до

окончательного закручивания гаек. В течение долгого времени он страдал заболеванием желудка. Конечно, годы упадка в стране не могли не сказаться на его здоровье, ведь и он, и его семья терпели лишения и плохо питались. Уже в 1918 году, уезжая из Петрограда, он впервые в жизни заговорил об усталости. В Москве он заболел воспалением легких, долгое время лечился в бывшей клинике доктора Н. И. Кишкина. Вышел на службу он исхудавшим и изможденным, но продолжал много работать, хотя и жаловался на упорные боли в желудке. Его болезненное состояние уже обращало на себя внимание окружающих. В 1919 году после блестящего выступления Кащенко на всероссийском совещании один из коллег сказал другу Петра Петровича П. Д. Трайнину: «К сожалению, это, должно быть, его „лебединая песня“».

В конце января 1920 года Кащенко собирался начать новую организационно-исследовательскую работу и стал собирать для нее материалы. Но ухудшение состояния заставило его обратиться за помощью к хирургам. В хирургической клинике Московского университета ему выполнили полостную операцию по поводу желудочного кровотечения — увы, неудачно, и 19 февраля он скоротостижно скончался. Его похоронили в семейной могиле на Новодевичьем кладбище (4-й участок, 41-й ряд). Через 21 год рядом появится надгробная плита Всеволода Петровича Кащенко.

Жизнь нашего героя выглядит примером полной реализации — профессиональной, семейной, творческой. Он оставил о себе добрую память не только у близких, но и у многих пациентов и сотрудников, даже тех, кто проработал с ним вместе совсем немного. Он делал все с душой: лечил больных, растил детей, пел песни, стараясь приносить радость окружающим, и мир отвечал ему. Петра Петровича можно назвать удачливым человеком. У него получалось всё, за что бы он ни брался. Правда, одна небольшая, но заветная мечта, о которой знали друзья, к сожалению, не успела сбыться. Он мечтал когда-нибудь жить в домике у моря, заниматься музыкой и играть с детьми...

Заключение

Разговор в сауне:

— Между прочим, братва, я даже платье дочкиной кукле заказываю у Диора.

— Подумаешь! У меня в зимнем саду пугало в смокинге от Валентино.

— О чем базар, кореша? Я для тещи заказал смирительную рубашку у самого Кащенко.

Этот анекдот про новых русских появился в «лихие девяностые», спустя 70 лет после смерти Петра Петровича. А почти к столетию кончины нашего героя, в 2018 году, его фамилия, многократно повторенная, становится припевом модной песни рэпера и исполнителя в жанре хип-хопа, выступающего под псевдонимом Boulevard Derо. Впрочем, в куплете указанной музыкальной композиции наш герой тоже не забыт:

Нет, не прятаю в носки —
деньги в сумке от Версаче.
Попробуй достать —
Тебя кинут в черный ящик.
Я — плод с куста,
ищите меня в Кащенко.

Наверное, трудно представить себе известность большую, чем стать персонажем анекдотов и темой популярных песен. Однако Кащенко пошел дальше. Он стал мифом, целым культурным слоем. Под эгидой его имени появился стиль общения — кащенизм и его адепты — кащениты. Начав свой изысканный троллинг в сети Фидонет, предшественнике современного Интернета, они «засветились» и в массовой литературе. В романе Сергея Лукьяненко «Спектр» есть пародия на кащенитов, вызвавшая, кстати, живой отклик со стороны последних.

Буйная народная фантазия в случае с Кащенко оказалась просто безграничной. На просторах Интернета с 2006 года существует Абсурдопедия, пародирующая, как нетрудно догадаться, Википедию. Этот ресурс имеет больше пяти тысяч статей, написанных разными, как правило, достаточно интеллектуальными авторами. Там есть статья про Кащенко, в которой он определяется в виде божества, причем матерью его одни авторы

назначили персонажа древнегреческой мифологии Ио, а другие — древнеегипетскую богиню Изиду.

Статья эта достойна цитирования хотя бы фрагментарно:

«Во время своего последнего пришествия на Землю Кащенко явился людям и основал Храм Кащенко им. Кащенко. Это единственный Храм, основанный непосредственно Кащенко и носящий его имя. Вначале Храм Кащенко был доступен только членам партии и правительства, но в ходе построения нового, более чистого и лучшего общества в него стали пускать рядовых граждан для того, чтобы их улучшить и очистить от ереси. В настоящее время является крупнейшим научно-исследовательским и практическим центром карательной психиатрии, и слава о нем гремит по всему миру.

В русском фольклоре Кащенко присутствует под именем Кащей Бессмертный...

Храм Кащенко одновременно является и монастырем, в нем регулярно совершаются человеческие жертвоприношения. Жрецы Храма облачены в просторные белые одеяния. Наряду со жрецами в Храме служат монахи, или послушники, которые по традиции носят рубашки с очень длинными рукавами, символизирующими длину рук великого Кащенко.

Стать жрецом в Храме очень сложно, монахом — куда проще, но помните: если вы станете монахом, то назад дороги не будет, монах должен соблюдать множество обетов, а за непослушание он будет наказан жрецом с помощью божественного огня Кащенко (электрошокера). Если вы тверды в своих намерениях стать монахом, идите к воротам Храма и, вознеся руки к небу, прокричите что есть силы: „О, великий Кащенко, царь богов и людей, прими меня, раба Твоя в обитель Свой“, затем, продолжая кричать, упадите на колени. По давней традиции из Храма выйдут жрецы и проведут вас внутрь, где подвергнут вас множеству испытаний и зададут множество вопросов. Помните главное: отвечать всю правду — что вы пришли в Храм на службу к великому богу Кащенко, царю богов и людей. Есть, правда, способ проще — сойти с ума».

На фоне такого шедевра прочие мелкие упоминания вроде одностопишия поэта Владимира Вишневецкого — «Мы жизнь учили по Геращенко, и все мы — пациенты Кащенко» — уже меркнут.

До сих пор имя нашего героя живет в повседневной речи. Люди произносят нарицательную фамилию, обозначая поступки своих близких или просто оценивая жизнь, окружающую их. При этом о носителе фамилии никто особо не задумывается, хотя все знают: Кащенко — это бренд психиатрии. Сначала — советской, а теперь уже и российской. В

последнее время в Интернете появилось немало количество статей о нашем герое. Все они передают, в общем-то, верную мысль о том, что сам Кащенко — это не ужасы карательной психиатрии, он даже был против смиренных рубашек. Эти статьи, накладываясь на глубоко фольклорный образ, создают интересный эффект: из безликого монстра наш герой постепенно превращается в доброго дедушку. Настоящий Айболит, только не для зверей, а для сумасшедших. Хотя это и звучит смешно, но в подобной параллели присутствует нечто истинное. В том смысле, что Айболит видел в каждом звере прежде всего личность. Так и для Петра Петровича не существовало «зверских» буйнопомешанных, которые уже вроде бы и не люди. К каждому он относился с уважением, к каждому искал подход и, как правило, находил.

К сожалению, в рамки фольклорного образа, даже с учетом трансформации, никогда не войдут тонкий душевный склад Петра Петровича Кащенко, его умение создавать с нуля прекрасно работающие медицинские учреждения, его принципиальность и ответственность, его яркое музыкальное дарование, любовь к детям и вообще подлинно христианская любовь к ближнему. Мы ничего не знаем о его отношениях с религией, но его мать, которую он всегда любил и уважал, была глубоко верующей и достаточно серьезно учила Закону Божьему всех своих детей.

Остается неразрешенным вопрос: почему из множества врачей, в том числе психиатров, получил «фольклорное» признание именно он? Не только же из-за фамилии, созвучной слову «Кашей»? Рискнем высказать здесь гипотезу, имеющую подтверждение в биографии нашего героя. Дело в том, что Кащенко происходил из поколения дореволюционной интеллигенции, выросшей на идеалах гуманизма. Гуманистами являлись он сам и его старшие предшественники и коллеги. Но следующее поколение уже росло совсем в иной парадигме, где ценность отдельного человека приближалась к величинам отрицательным, где считалось нормальным жертвовать собой и другими во имя «светлого будущего». Поэтому наш герой, будучи главным советским психиатром, совершенно не походил на расхожий типаж советского психиатра, да и вообще психиатра XX века.

Как массовое сознание советских времен воспринимало эти две фигуры в психиатрии — врач и больной? Существует достаточно распространенное восприятие психиатра и сумасшедшего как двух неравноправных противников. Скорее это и не противники, а охотник и дичь или даже палач и жертва. Вот придут, закатают в смиренную рубашку — и всё. Это и угроза творчеству — ведь до сих пор (в том числе благодаря книге Ч. Ломброзо) безумие в общественном сознании находится

где-то рядом с гениальностью. Вот врачи залечат — и станешь обычной серой массой. Это и покушение на индивидуальность: я так вижу, а вы мне навязываете вашу норму. И часто возникает вопрос, кто нормален: жестокий мир, погрязший в пороках, или добрый блаженный дурачок, старающийся никому не делать зла...

Первая ассоциация с психушкой — это несвобода. А Кащенко всю жизнь боролся именно против ущемления свободы душевнобольных. Он находился в одном лагере со своими пациентами. Что вообще-то логично: врач и больной должны быть союзниками. Пускай стараниями советских биографов эта основная линия его жизни потускнела и затерлась, но, возможно, добрая память людей, благодарных ему, оказалась сильнее. Тут почему-то вспоминается знаменитая фраза Булгакова: «Рукописи не горят».

Но есть еще и вторая ассоциация с психиатрической клиникой и вообще с темой душевных болезней. И это как раз наоборот — свобода. Без границ, без конца и края. Свобода блаженного Василия, твердо сказавшего Ивану Грозному: «Нет благословения царю Ироду!»

Почти тридцать лет правления Сталина не только оставили после себя миллионы репрессированных, но и «подселили» тюрьму в сознание всем советским гражданам. Или, наоборот, — заключили в тюрьму их сознание. И в этой ситуации стать безумным порой равнялось обретению свободы. И тогда всё становится на свои места. Баба-яга, по теории фольклориста В. Я. Проппа, может не только съесть и на костях покататься: она помогает пройти обряд инициации. Где-то на краю смерти герой обретает взросление. Кащей дает герою шанс победить все «чахлое» в себе и вернуть силу духа. А заточение в «Кащенко» странным образом разбивает замки внутренних оков.

Очень маловероятно, что Петр Петрович планировал или хотя бы предполагал стать после смерти таким эпохальным и неоднозначным символом. Но, учитывая живость его характера и тонкое чувство юмора, он бы несомненно оценил по достоинству и своего виртуального двойника, и весь культурный пласт, им порожденный.

Основные даты жизни и деятельности П. П. Кащенко

1858, 28 декабря (9 января 1859 по новому стилю) — родился в Тамбове в семье военного врача Петра Федоровича Кащенко и его супруги Александры Павловны.

1867 — поступил в Кубанскую войсковую гимназию в Ейске.

1876 — поступил на медицинский факультет Московского университета.

1881 — женился на Вере Александровне Горенкиной. Арестован за революционную деятельность, отчислен из университета, сослан в Ставрополь. Преподавал в Ставропольской женской гимназии.

1884 — продолжил учебу на медицинском факультете Казанского университета.

1885 — окончил Казанский университет. Работал в Ставропольском епархиальном женском училище.

1886 — работал в Бурашевской психиатрической больнице-колонии.

1889 — стал начальником психиатрического отделения Нижегородской земской больницы.

1890 — провел первую в России перепись душевнобольных.

1892 — принимал участие в борьбе с эпидемией холеры в Поволжье.

1894 — поездка в Париж.

1898 — открытие семейного патронажа в городе Балахне. Командирован в Германию, Бельгию, Францию, Англию, Шотландию.

1901 — открытие больницы-колонии в селе Ляхове.

1904 — переехал в Москву на работу главным врачом психиатрической больницы имени Н. А. Алексеева.

1906 — освобожден от должности главного врача.

1907 — по приглашению Санкт-Петербургского губернского земства начал создание новой психиатрической больницы в окрестностях столицы.

1909 — открытие Сиворицкой психиатрической больницы.

1910 — выпустил книгу «Здоровый стол».

1911 — избран в Совет Русского союза психиатров и невропатологов.

1914 — стал председателем психиатрической комиссии при Петроградском комитете Всероссийского союза городов, председателем Центрального психиатрического статистического бюро при Русском союзе

психиатров и невропатологов.

1917 — избран членом Центрального психиатрического комитета Русского союза психиатров и невропатологов.

1918 — выбран председателем Центральной невропсихиатрической комиссии при Совете врачебных коллегий. Переехал из Петрограда в Москву.

1920, 19 февраля — умер в хирургической клинике Московского университета.

Краткая библиография. Основные труды П. П. Кащенко

О гипнотизме (научное обозрение) // Русская мысль. 1888.

Современное состояние вопроса о способности лечения продуктами жизнедеятельности животного организма // Русская мысль. 1894.

Статистический очерк положения душевнобольных в Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1895.

Общие соображения по вопросу о постройке загородной больницы для душевнобольных. Н. Новгород, 1898.

Перечень осмотренных заграничных учреждений по призрению душевнобольных и общие заключения по переустройству психиатрической больницы в Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1898.

Краткий очерк посемейного призрения душевнобольных в Шотландии, Англии, Бельгии, Франции, Германии и России (предварительный отчет). Н. Новгород, б. г.

Отчет по осмотру психиатрических учреждений в Западной Европе и в России. Вып. 1–3. Н. Новгород, 1890–1900.

Объяснительная записка к проекту колонии для душевнобольных в Ляхово Нижегородского губернского земства. Н. Новгород, б. г.

Общие соображения по вопросу о постройке загородной больницы для душевнобольных. Н. Новгород, 1898.

Отчет заведующего психиатрической лечебницей Нижегородского губернского земства врача П. П. Кащенко от 20 ноября 1901 года. Н. Новгород, б. г.

Основные положения по вопросу об устройстве посемейного призрения душевнобольных // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1902. № 1–2.

Первый отчет по колонии для душевнобольных в сельце Ляхово Нижегородского губернского земства (в соавт. с П. П. Шафрановым). Н. Новгород, 1902.

Заключение по вопросу о реорганизации психиатрической помощи в Харьковской губернии (в соавт. Н. Н. Баженовым, В. И. Яковенко) // Врачебная хроника Харьковской губернии. 1905. № 10.

Об однообразной форме отчетности для психиатрических учреждений // Труды Второго съезда отечественных психиатров. Киев, 1907.

К вопросу об организации призрения душевнобольных в С.-Петербургской губернии. Доклад IX съезду земских врачей С.-Петербургской губернии // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1908.

Краткий очерк по переписи душевнобольных в Санкт-Петербургской губернии в 1908 году. СПб., 1910.

Здоровый стол. Руководство к приготовлению кушаний и диететике при здоровом и болезненных состояниях. СПб., 1910.

К вопросу об организации призрения душевнобольных. — В кн.: Труды Третьего съезда отечественных психиатров. СПб., 1911.

К вопросу об организации призрения душевнобольных. СПб., 1911.

Доклад комиссии по вопросу о внутренней организации психиатрических заведений // Труды Третьего съезда отечественных психиатров. СПб., 1911.

Исторический очерк постройки, состоящей под Августейшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны больницы для душевнобольных (в соавт. с В. А. Агаповым, И. Д. Певзнером). СПб Губернского Земства в имени Сиворицы, ея описание и обзор деятельности с 10 июня 1909 г. по 1 января 1911 г. СПб., 1912.

Записки во 2-ю подкомиссию врачебной помощи и призрения межведомственной комиссии для пересмотра врачебно-санитарного законодательства // Современная психиатрия. 1913. № 8.

Приближение психиатрической помощи к населению и роль в этом деле земских общемедицинских участков // Современная психиатрия. 1913. № 6, 9.

К вопросу об однообразной отчетности психиатрических учреждений и Центральном статистическом бюро при Русском союзе психиатров и невропатологов // Труды Первого съезда Русского союза психиатров и невропатологов. М., 1914.

Ближайшие задачи в деле попечения душевнобольных в России // Труды Первого съезда Русского союза психиатров и невропатологов. М., 1914.

Статистика движения душевнобольных воинов по данным анкеты // Психиатрическая газета. 1915. № 13.

Об организации помощи душевнобольным воинам // Психиатрическая газета. 1915. № 13.

По поводу статьи д-ра М. В. Кроля «К статистике движения душевнобольных воинов и прочее» // Психиатрическая газета. 1916. № 2, 3.

К истории развития мероприятий по призрению душевнобольных воинов и лиц, причастных к военным событиям // Психиатрическая газета. 1916. № 9.

О статистическом бюро // Психиатрическая газета. 1916. № 9.

О выработке плана призрения душевнобольных воинов и прочих лиц, причастных к военным событиям после ликвидации войны // Психиатрическая газета. 1916. № 9.

Некоторые данные из пробной разработки сведений о душевнобольных воинах, произведенной объединенным статистическо-психиатрическим бюро земского и городского союзов // Психиатрическая газета. 1916. № 17, 18.

Открытое письмо председателю Московской объединенной психиатрической комиссии земского и городского союзов Петру Николаевичу Диатропову // Психиатрическая газета. 1917. № 3.

Общие соображения о конструкции органов для ведения психиатрического дела в условиях военного времени // Современная психиатрия. 1917. № 7–12.

Однообразная отчетность психиатрических лечебных заведений. Совещание по вопросам психиатрии и неврологии. 1–5 августа 1919 г. М., 1919.

Основные положения, определяющие постановку лечения, наблюдения и ухода за больными в психиатрических лечебных заведениях, и средние нормы штатов врачебного и ухаживающего персонала. Совещание по вопросам психиатрии и неврологии. 1–5 августа 1919 г. М., 1919.

Предварительные положения к вопросу о губернских психиатрических организациях вообще и психиатрических отделениях губернских медико-санитарных отделов в частности. Совещание по вопросам психиатрии и неврологии. 1–5 августа 1919 г. М., 1919.

Литература

- Агеева З. М.* Доктор Кащенко. М., 2009.
- Басова А. Я., Кокорина А. В.* Роль В. П. Буцке в развитии отечественной психиатрии // Новый психиатрический журнал. 2005. № 2.
- Богатырева Н.* Секрет ее жизни // История. 2009. № 21.
- Венгловский С.* Занимательная медицина. Античный период. СПб., 2016.
- Герши А. Г.* П. П. Кащенко. М., 1980.
- Каннабих Ю. В.* История психиатрии. Л., 1928.
- Костригин А. А.* «Лечебная фаланстера»: научное наследие П. П. Кащенко // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10. № 1.
- Лебон Г.* Психология социализма. М., 2017.
- Лиманкин О. В.* К 150-летию Петра Петровича Кащенко. К 100-летию Сиворицкой больницы // Социальная и клиническая психиатрия. 2009. Т. XIX. № 2.
- Лиманкин О. В., Чудиновских А. Г.* Петр Петрович Кащенко. Жизнь и судьба. СПб., 2009.
- Махотина Е.* Меланхолия приходит в Россию. Монастыри как долгаузы в России в XVIII веке // ВИБЛЮИКА: Электронный журнал исследований о Российской империи XVIII века. 2009. № 7. С. 23–46.
- Морковкин В. М., Агеева З. М.* Московская клиническая психиатрическая больница имени П. П. Кащенко. М., 1987.
- Музафаров А. А.* По следам исчезнувшей России. М., 2013.
- Полещук К. К. Н. А.* Алексеев и его деятельность на посту московского городского головы в 1885–1893 гг. М., 2017 (диссертация).
- Ребрик В. В.* Древнеегипетская магия и медицина. СПб., 2016.
- Сироткина И.* От «дурдома» к клинике: институционализация безумия в России. <https://postnauka.ru/longreads/74040>
- Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. М., 2010.
- Шифрин М.* 100 рассказов из истории медицины. М., 2019.

Над книгой работали

16+

Редактор *В. В. Эрлихман*

Художественный редактор *Е. В. Кошелева*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректоры *Т. И. Маляренко, Г. В. Платова*

Издательство АО «Молодая гвардия»

<http://gvardiya.ru>

Электронная версия книги подготовлена компанией Webkniga.ru, 2022

notes

Примечания

1

Танаид или Танаис — античное название Дона. (*Прим. авт.*)

Имена монгольских князей.

Платон. Тимей (пер. Г. В. Малеванского).

Цит. по: *Шульц А.* Призрение помешанных в России // Архив судебной медицины и общественной гигиены. Кн.1. Ч. 1. СПб., 1865.

Цит. по: *Баженов Н. Н.* История московского долгауза. М., 1909. С. 126.

Эдельштейн А. О. Сергей Сергеевич Корсаков. М., 1948. С. 5.

Лиманкин О. В., Чудиновских А. Г. Петр Петрович Кащенко. Жизнь и судьба. СПб., 2009.

Кияшко И. И. Войсковые и музыкантские хоры Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1911. С. 14.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 290. Д. 147. Канцелярия Московского университета. Л. 14.

Пропедевтика (от др. — греч. προλαβείω — предварительно обучаю) — введение в какую-либо науку или искусство, сокращенное систематическое изложение науки или искусства в элементарной форме, подготовительный (предварительный, вводный) курс, предшествующий более глубокому изучению.

Мелехин В. В. Региональные особенности распространения народнических идей в Кубанской области и Черноморском округе (60–80-е гг. XIX в.) // Грамота (Тамбов). 2014. № 11. С. 135.

Токарев М. Из нелюбви к бунтовщикам // Москва и москвичи. 2006. № 7–8. С. 16.

Музафаров А. А. По следам исчезнувшей России. М., 2013. С. 179.

Лиманкин О. В., Чудиновских А. Г. Указ. соч. С. 16–17.

Карл Орф (1895–1982) — немецкий композитор, автор новаторского подхода к обучению детей музыке «Орф-Шульверк», сочетавшего движение, пение, игру, импровизацию. *Золтан Кодай* (1882–1967) — венгерский композитор, разработавший подход к музыкальному образованию детей, называемый «методом Кодая».

Герш А. Г. П. П. Кащенко. М., 1980. С. 15.

Каннабих Ю. История психиатрии. Л., 1928. С. 76.

Юдин Т. И. Очерки истории отечественной психиатрии. М., 1951. С. 84.

Трайнин П. Д. Памяти друга, товарища и учителя П. П. Кащенко и его общественно-психиатрическая деятельность. Доклад в Петроградском обществе невропатологов и психиатров, 1918. Музей ПКБ № 1 им. Н. А. Алексеева.

Цит. по: *Агеева З. М.* Доктор Кащенко. М., 2009. С. 45.

Цит. по: *Агеева З. М.* Доктор Кащенко. М., 2009. С. 48.

Уманская Р., Федотов Д. Некоторые новые данные о В. И. Яковенко.
— В кн.: Вопросы социальной и клинической психиатрии. М., 1965. С. 114.

Мицкевич С. И. Записки врача-общественника. М., 1969. С. 63.

Золотник равен 4,266 грамма.

Цит. по: *Герши А. П. П. Кащенко. М., 1980. С. 39.*

Кашкин Н. Д. Московское отделение императорского Русского музыкального общества: очерк деятельности за пятидесятилетие, 1860–1910. М., 1910. С. 47.

Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия.
М., 1989. С. 154.

Бычков Н. М. Финансы крупнейших русских городов. М., 1894. С. 57.

Богословский М. М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 96.

Никольская Т. Московские мостовые. М., 1996. С. 54.

Будильник. 1889. № 18. С. 4.

Богословский М. М. Указ. соч. С. 97.

Голицын В. М. Москва в семидесятых годах. Воспоминания. С. 153.

Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 2011. С. 268.

Быковский И. К. Сто дней в сумасшедшем доме (Впечатления автора).
М., 1903. С. 18.

Лиманкин О. В., Чудиновских А. Г. Указ. соч. С. 189.

Семидалов В. И. Хроники // Современная психиатрия. 1907. № 5. С. 142.

Кащенко П. П. Краткий очерк по переписи душевнобольных в Санкт-Петербургской губернии в 1908 году. СПб., 1910. С. 12.

Кащенко П. П. Исторический очерк постройки, состоящей под Августейшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны больницы для душевнобольных. СПб., 1912. С. 22.

На празднике душевнобольных // Речь. 1910. 27 июня.

Трайнин П. Д. Памяти друга, товарища и учителя П. П. Кащенко и его общественно-психиатрическая деятельность. Доклад в Петроградском обществе невропатологов и психиатров, 1918 (из материалов Музея московской ГКПБ № 1 им. Н. А. Алексеева).

Андреев А. Л. П. П. Кащенко и его роль в отечественной психиатрии.
— В кн.: Вопросы клиники и терапии психических заболеваний. М., 1960.
С. 85.